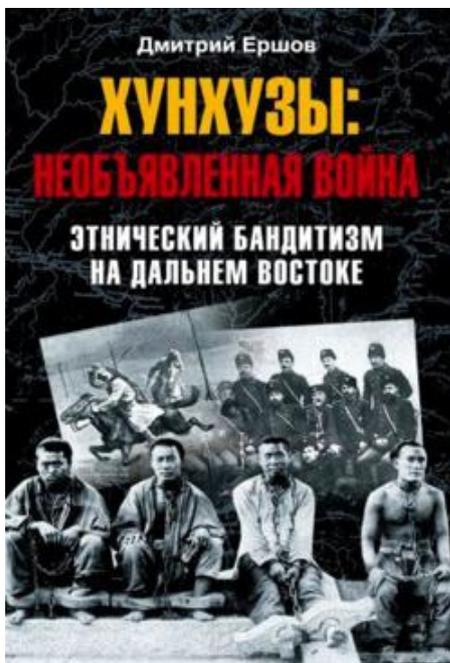

Дмитрий Викторович Ершов

Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке

ОТ АВТОРА

Не так давно в центре Москвы поставили памятник Александру II. Когда-то в столице уже был памятник этому императору, но большевикам он не понравился, а теперь его место уже занято. Новый монумент пришлось установить по соседству с храмом Христа Спасителя. Бронзовый император смотрит на храм, туристическая толпа смотрит на императора и читает надпись на постаменте: «Отменил крепостное право... провел реформы... ввел местное самоуправление... завершил Кавказскую войну... освободил славянские народы от османского ига». Знакомый перечень славных свершений великого царствования, но чего-то здесь не хватает. Да, в самом деле, а как же Дальний Восток? Невельской и Муравьев, походы русских корветов и первое путешествие Пржевальского? Как же порт Владивосток, который мы громко называем «воротами России на Тихом океане»? Как же новые уссурийские владения Александра II, ставшие естественными пределами роста нашей державы на востоке? Авторы московского памятника Освободителю, по-видимому, сочли эти территории бесполезными, а историю их обретения – недостойной памяти потомков. А ведь были и здесь яркие страницы, примеры самоотверженного труда и ратной доблести предков. О чем-то слышали все, о чем-то знают многие, а о чем-то могут вспомнить только самые фанатичные поклонники Клио – музы истории...

Многие из нас знают об истории освоения Дальнего Востока по книгам Владимира Арсеньева. В свое время автору этих строк бросилось в глаза такое утверждение знаменитого путешественника: «В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное – это встреча с человеком». В числе возможных «двуногих опасностей», подстерегавших путника на лесных тропинках Приморья, Арсеньев постоянно упоминает хунхузов – китайских разбойников.

Возникает справедливый вопрос: если маршруты экспедиций Владимира Клавдиевича пролегали исключительно по российской территории, от откуда там взялись китайские лиходеи? И что они собой представляли?

Не будет преувеличением утверждать, что включением в состав российских владений Приамурья и Приморья империя обязана трем своим гражданам, чьи помощники были столь же малочисленны, сколь влиятельны были их противники. На первое место в этой тройке, безусловно, следует поставить Г.И. Невельского, в 1849 г. по собственной инициативе разрешившего вопрос о судоходности Амурского лимана и устранившего камень преткновения, о который разбивались все рассуждения о выгодах приобретения этой реки для России. Вопреки опасениям Петербурга, никаких китайцев на этой «китайской территории» не оказалось. Еще одним открытием Невельского были первые точные сведения о богатом Уссурийском крае, лежащем к югу от Амура. Неутомимым защитником капитана в высших сферах был генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. Ему удалось отстоять перед государем Николаем Павловичем новые территориальные приобретения и извлечь из них первую пользу. Получив право на переговоры с властями Цинской империи, Муравьев сумел заключить с соседями трехстатейный Айгунский договор, закрепивший за Россией левый берег Амура от слияния Шилки и Аргуни до морского устья. Правый берег великой реки признавался китайским до устья реки Уссури. Вопрос об Уссурийском крае китайский переговорщик И Шань вообще отказался обсуждать, объясняя это тем, что данная территория находится в ведении губернатора другой провинции. Спустя две недели после завершения переговоров в Айгуне адмирал Е.В. Путятин заключил с цинскими представителями 12-статейный договор об условиях политических взаимоотношений двух империй – Тяньцзиньский трактат.

В специальной литературе, посвященной вопросам русско-китайского разграничения на Дальнем Востоке в XIX столетии, для характеристики правового статуса Уссурийского края после заключения Айгунского договора используется термин «кондоминиум». Несмотря на заявление об общем «владении», ни Китай, ни Россия не осуществляли на территории края сколько-нибудь эффективного контроля. Чрезвычайно малочисленное туземное население нынешнего Приморья находилось в косвенной зависимости от цинских властей, выражавшейся в приношении дани пушниной. Помимо аборигенов в Уссурийском крае проживало некоторое количество китайцев. Время их появления здесь до сих пор не удалось достоверно установить. В большинстве своем китайцы Уссурийского края представляли собой бессемейный преступный элемент, спасавшийся от преследования цинских властей и юрисдикции последних не признававший.

В июне 1859 г. в столицу Китая прибыл третий главный «виновник» обретения Россией ее дальневосточных владений – генерал-майор Н.П. Игнатьев, уже успевший отличиться на дипломатическом поприще в Средней Азии. Хотя ни Айгунский, ни Тяньцзиньский договоры не поставили точку в разграничении империй на Амуре и Уссури, на территории нынешнего Приморья уже существовали русские поселения в заливах Посыет, Петра Великого, Святой Ольги и Святого Владимира. В верхнем течении Уссури в 1858 г. возникли первые казачьи станицы. В начале переговоров Н.П. Игнатьеву пришлось столкнуться с крайне высокомерным отношением цинских сановников. Энергия, ум и

незаурядные дипломатические способности позволили русскому посланнику быстро разобраться в обстановке и добиться успеха. Хотя без споров и взаимных возражений не обошлось, переговоры продолжались всего две недели и завершились 2 ноября 1860 г. подписанием 15-статейного Пекинского договора. К документу была приложена карта линии границы, составленная военным топографом К.Ф. Будогоским и переданная Игнатьеву еще в июле 1859 г. С подписанием договора российско-китайская граница была установлена от слияния рек Шилки и Аргунь до устья реки Уссури и далее по рекам Уссури и Сунгача через озеро Ханка к реке Тур (Беленхэ), от ее устья по горному хребту к устью реки Хубиту (Хубту) по горам до реки Туманган (Тумэньцзян). Линия границы выходила на берег Тумангана на расстоянии 20 китайских ли (около 12 километров) от ее устья.

Порядок российско-китайского разграничения на Дальнем Востоке с самого начала содержал ряд неясностей. Кроме того, на значительном протяжении линия границы была проведена по рекам, отличающимся очень изменчивым течением. Результатом этого стали многочисленные разногласия, споры и даже вооруженные конфликты, которыми отмечена последующая история российско-китайских отношений на восточном участке нашей общей границы. В ряде пунктов дальневосточной границы разногласия были урегулированы только в начале 3-го тысячелетия. Так или иначе, благодаря самоотверженным усилиям трех великих патриотов – Г.И. Невельского, Н.Н. Муравьева-Амурского и Н.П. Игнатьева, – а также их героических сподвижников Россия стала законной обладательницей своих нынешних дальневосточных владений.

Территории Приамурья и Уссурийского края в середине XIX в. представляли собой дикую первозданную глушь. Распространение власти Петербурга значительно опережало колонизационные возможности государства и ставило перед правительством задачи, достойные Геркулеса. Денег и людей никогда не хватало, а расстояние, отделявшее столицу империи от ее крайних восточных границ, в условиях полного бездорожья делало Приамурье фактически другой планетой. К тому же, несмотря на героические усилия первопроходцев и путешественников прошлого, о географии тихоокеанских окраин было известно до обидного мало. Несколько по-другому обстояло дело в сопредельной Маньчжурии – Северо-Восточном Китае. Вплоть до конца XIX в. эти районы рассматривались правящей маньчжурской династией Цин как особая «родовая вотчина». Проникновение китайцев (хань) на территорию Маньчжурии было ограничено императорскими указами, формально действовавшими вплоть до 1878 г. Несмотря на препятствия со стороны правительства, стихийное заселение Маньчжурии непрерывно продолжалось на протяжении двух столетий. В начале 1870-х гг. в трех провинциях Северо-Восточного Китая, собственно и составлявших Маньчжурию, проживало 11 миллионов китайцев, 1 миллион маньчжуров и 30 тысяч дауров и солонов, занимавших степные территории на границе Монголии. Численность малых народностей Амура – нанайцев, ороحوнов и других – составляла в крае примерно 10 тысяч человек.

Таким образом, численность ханьского населения Маньчжурии накануне ее окончательного «открытия» для китайцев в десять раз превышала численность представителей всех прочих народов, вместе взятых. Основная часть китайцев (9 миллионов) проживала в провинции Фэнтянь (современный Ляонин) – самой южной

маньчжурской провинции, непосредственно граничившей с областями исторического Китая. Такая неравномерность, помимо противодействия властей, объяснялась отсутствием путей сообщения и малой освоенностью территории двух других маньчжурских провинций – Гирина (современный Цзилинь) и Хэйлунцзяна, иногда именовавшегося в русских источниках «Амурской губернией Китайской империи».

Значительную, если не основную, часть китайского населения Маньчжурии составляли деклассированные элементы – ссыльные, беглые преступники, дезертиры и авантюристы. Доля подобных элементов возрастала по мере продвижения в глубь страны. Для людей, вступивших в противоречие с законом, пустынные территории Маньчжурии, перерезанные горными хребтами и покрытые густым ковром девственных лесов, представляли собой идеальную среду обитания. Природные богатства этих земель – золото, пушнина, драгоценный корень женьшеня – открывали путь к вольному обогащению. Китайские промышленники шли туда, где видели поживу, – никакие пограничные столбы не в силах были их остановить. Там, где есть богатство, неизбежно появляются «джентльмены удачи», готовые на него посягнуть. Так появились хунхузы, а поскольку их потенциальные жертвы обретались по обе стороны границы, о китайских разбойниках вскоре не понаслышке узнал российский Дальний Восток. Жертвами злодейских нападений становились не только соплеменники хунхузов, но и русские, корейцы, малочисленные туземные народы. Россия приобрела Приамурье и Приморье на законных основаниях, и, хотя эти регионы не знали колониальных войн, хунхузы в избытке обеспечивали работой русские армейские гарнизоны, казаков и даже флот. Более полувека китайские разбойники были головной болью нашей дальневосточной администрации. Революционные потрясения начала XX в. на несколько лет сделали бандитов – кстати, не только китайских – полновластными хозяевами приморской и маньчжурской глубинки. Жесткий тоталитарный режим Советского Союза сумел справиться с этим бедствием к началу 1930-х гг. – в Маньчжурии это произошло значительно позже...

История «хунхузиады» изобилует яркими драматическими эпизодами, о некоторых из них рассказано в этой книге. Двадцать очерков, объединенных общей темой, охватывают период с 1860-х до начала 1930-х гг.

ОБЛИК ДРАКОНА. КТО ТАКИЕ ХУНХУЗЫ?

В последних числах ноября 1897 г. жители поселка Медвежье, лежащего близ станции Вяземская Уссурийской железной дороги, были охвачены паникой. Все местное население, состоявшее из путейцев и немногочисленных казаков-переселенцев, пришло в лихорадочное движение. Женщины вязали в узлы небогатое добро. Мужики извлекали на свет божий давно забытое оружие. Что же встревожило жителей «медвежьего угла», затерянных в дебрях уссурийской тайги и привыкших изо дня в день топить скуку однообразного существования в стакане сорокоградусной? Ответом было одно слово, поминутно слышавшееся в разных концах поселка: «хунхузы». Хунхузы! Страшные китайские разбойники, ненасытные грабители и безжалостные убийцы, покинули свои традиционные «уголья» в Южном Приморье и, разгромив разъезд Гедике, движутся в направлении Вяземской. Жителям беззащитного поселка было от чего прийти в ужас.

Мучительное ожидание беды продолжалось пару дней, пока телеграф не принес утешительную новость. «Разбойничья орда» оказалась артелью китайских железнодорожных рабочих, покинувших свой табор для расправы с мошенником-подрядчиком. Несмотря на благополучное разрешение, инцидент с мнимыми хунхузами оставил в памяти жителей глубокий след. Иначе и быть не могло: к концу XIX в. хунхузы стали частью тяжелой реальности, в которой приходилось жить всем насельникам русского Дальнего Востока и сопредельной Маньчжурии, независимо от национальности, подданства и уровня достатка...

За последние сто с лишним лет в отечественной литературе, художественной и научной, хунхузам уделялось немалое внимание. Так или иначе, этой теме касались Н.М. Пржевальский и Н.Г. Гарин (Михайловский), А.А. Фадеев и К.С. Бадигин. Даже в современной России о хунхузах знает каждый, кому хотя бы раз доводилось обращаться к увлекательным книгам В.К. Арсеньева. Так кто же такие хунхузы?

Слово «хунхуз» представляет собой искаженное китайское хун хуцзы и в буквальном переводе на русский означает «красная борода» или «краснобородый». Под «красным» в данном случае подразумевается цвет рыжих человеческих волос. С первых лет своего знакомства с китайскими разбойниками русские не переставали удивляться необычности этого прозвища. Действительно, трудно представить себе что-либо менее соответствующее облику китайца, чем рыжая борода. Писатель И.П. Ювачев, бывший свидетелем операции против хунхузов на реке Уссури в 1896 г., с удивлением замечал: «Это название имело бы понятный смысл на Кавказе, где некоторые разбойничьи племена красят свои бороды в красный цвет. Они тоже в своем роде хунхузы для станиц кавказских казаков».

Происхождение столь причудливого названия объясняют по-разному. Одни историки считают, что некогда китайские разбойники, отправляясь «на дело», прицепляли к подбородку фальшивые бороды из пакли или волоса, выкрашенного в красный цвет. Маскируя внешность разбойника, такая борода одновременно помогала напугать жертву. Прообразом этого бандитского «аксессуара» были фальшивые бороды, использовавшиеся в представлениях традиционного китайского театра. По другой версии, хунхузы обязаны своим прозвищем... иностранцам, и прежде всего русским. Вот как объясняет сей казус очеркист Гавриил Муров, в 1901 г. объехавший тихоокеанские окраины Руси и описавший свои странствия в книге «Люди и нравы Дальнего Востока»: «У китайцев не могло быть этого внешнего признака. У соседних с Китаем народов монгольской расы – тоже. Исключение составляют только наши русские, разные искатели приключений и легкой наживы, да английские авантюристы (те и другие – со светло-русскими и рыжими бородами), в течение многих десятков лет свирепствовавшие на обширной границе Китая, отнимая у него область за областью и уничтожая сотни сынов его. В течение этих лет выражение „красная борода“ в приложении к „лихому“ иноземцу становится общеупотребительным, а затем начинает применяться китайцами не к одним иноземным, но и к своим, китайским разбойникам».

Действительно, слово «хунхузы» было распространено преимущественно в северо-восточных районах Китая и на прилегающих территориях России и Кореи, то есть именно

там, где китайцы чаще всего могли столкнуться с русскими «лихими людьми». В качестве наиболее раннего примера такой «лихости» можно привести походы казачьих ватаг под водительством Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова, прошедших по Амуру в середине XVII в. В обращении с местным населением казаки отличались от испанских конкистадоров разве что особой бесшабашностью и полным отсутствием религиозного фанатизма.

Название «хунхузы» носило чисто разговорный характер. В официальных китайских документах для обозначения разбойников использовались выражения хуфэй, даофэй, туфэй, которые, для краткости, можно перевести на русский язык в одном значении – «бандит».

Пожалуй, первое определение понятия «хунхуз» дал в 1880 г. Ф.Ф. Буссе, внесший значительный вклад в изучение Уссурийского края. По его мнению, «хунхуз, собственно, профессиональный разбойник, передающий ремесло своим детям, но название это дается также всякому китайцу, занимающемуся разбоем даже вследствие случайных причин и временно». Это верное определение нуждается в небольшом, но весьма важном уточнении: хунхузами именовали не просто разбойников, а тех, кто принадлежал к организованным преступным сообществам, или, попросту говоря, бандам.

Нет достоверных сведений о времени и месте зарождения хунхузничества. Несомненно лишь то, что эта болезнь сначала поразила Маньчжурию и только потом перекинулась на территорию Приамурья и Приморья. Первым очагом разбоя в Маньчжурии была провинция Фэнтянь (Ляонин), с которой началось заселение Северо-Восточного Китая этническими китайцами. В соседней Гиринской провинции (Цзилинь) появление бандитских шак впервые было отмечено в XVIII в., а в северной – Хэйлунцзянской – и того позже.

Вплоть до начала XX в. Маньчжурия оставалась своеобразной «китайской Сибирью» – малонаселенной страной дремучих лесов и бескрайних непаханных степей.

На протяжении двух столетий заселение края носило стихийный и неконтролируемый характер. Императоры маньчжурской династии Цин, воцарившейся в Китае в 1644 г., рассматривали историческую родину как свою особую вотчину, неприкосновенную для китайцев (ханьцев). Тысячи колонистов, обосновавшихся на северо-восточных землях, были надолго предоставлены самим себе. Более того, с формальной точки зрения они вообще не существовали и не нуждались в управлении. К каким последствиям привело такое пренебрежение, видно из доклада гиринского губернатора Мин Аня [1 - Здесь и далее транскрипция китайских имен приводится в соответствии с источником. (Здесь и далее примеч. авт.)], представленного в 1878 г. Описывая положение во вверенной провинции, чиновник сетовал, что в «пределах ее неуважение и неповиновение закону стали обычным явлением с тех пор, как в нее потянулись из внутренних провинций Китая вереницы переселенцев, подобно ручьям воды, стекающей в котловину; во многих местностях хозяевами стали нахальные негодяи; сильные стали притеснять слабых, а на убийство и поджог стали смотреть как на обыкновенное дело» [2 - Цит. по кн.: Северная Маньчжурия, под ред. П.Н. Меньшикова и др. Харбин, 1916.]. Изрядную порцию масла в

огонь этого анархического костра подливало присутствие в Маньчжурии многочисленных уголовников, бежавших или принудительно высланных сюда со всех концов Китая. Подобная публика, как правило, поначалу скапливалась в городах Северной и Восточной Маньчжурии. Как следствие, французский миссионер Вено в 1850 г. назвал город Саньсин (Иланьхала) «вторым Содомом», а англичанин Генри Джеймс спустя тридцать шесть лет сравнивал столицу провинции Хэйлуцзян город Ци-цикар с австралийским каторжным портом Ботани-Бэй. Можно сказать, что переселенцы и преступники были первоэлементами зарождения маньчжурского хунхузничества, а слабость местной власти – катализатором этого процесса.

Банды хунхузов состояли почти исключительно из китайцев. Маньчжурские власти считали наиболее склонными к преступлениям выходцев из провинций Шаньдун и Чжили (современный Хэбэй). Шаньдунцы составляли самую внушительную когорту переселенцев из «застенного» Китая. В Маньчжурии нищие шаньдунцы могли рассчитывать только на низкооплачиваемую «черную» работу, тяжесть которой усугублялась произволом хозяев и властей. Отсюда та легкость, с которой вчерашние батраки-шаньдунцы вступали на скользкую стезю «джентльменов удачи». Противоположностью шаньдунцам, по мнению маньчжуров, были шаньсийцы (уроженцы провинции Шаньси), как правило решавшиеся на переезд в Маньчжурию только при наличии кубышки с накоплениями и уверенно чувствовавшие себя в сфере торговли.

Наступление XX века многое изменило в жизни и облике хунхузов. Во-первых, на границе Хэйлуцзяна и нынешней Внутренней Монголии стали появляться банды разбойников-монголов. Во-вторых, после окончания Русско-японской войны в Маньчжурию, и в первую очередь в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги, хлынул поток «темного люда» из России, чувствовавшего себя в местной криминальной среде как рыба в просторном омуте. В 1907 г. недалеко от Харбина полицией был накрыт притон, служивший базой для небольшой, но очень хорошо вооруженной шайки русских уголовников, промышлявших грабежом китайцев. Самое интересное, что во главе этого преступного сообщества стояла... женщина. Как тут не вспомнить фольклорную Мурку, также возглавлявшую «банду из Амура»! Весной 1908 г. группа охотников в окрестностях Харбина подверглась нападению китайской банды, предводимой двумя русскими, одетыми в форму забайкальских казаков. Наконец, в начале XX столетия членами хунхузских шаяк часто становились кавказцы.

Разными путями приходили люди в ряды разбойничьих шаяк. Основным источником поступления свежих хунхузских сил был китайский пролетариат – вчерашние крестьяне, бежавшие из перенаселенных провинций исторического Китая, спасаясь от безземелья, голода и долговой кабалы. Часть их находила заработок в Маньчжурии, а другая, менее удачливая, устремлялась дальше, на территорию России, где их ждали разнообразные казенные работы на постройке железнодорожных и военных объектов, а также труд на золотых приисках и иных частных предприятиях.

Было бы преувеличением утверждать, что вся эта нищая и голодная людская масса оканчивала свой путь в рядах хунхузов. Тем не менее число избравших этот опасный промысел было очень значительным. Кто-то становился жертвой обмана подрядчика и не

получал честно заработанных денег. Кто-то не мог устоять перед искушением попытаться счастья в азартной «банковке» и проигрывался дочиста. Кто-то становился жертвой грабежа, пытаясь вывезти заработанные деньги на родину. Досада и ощущение безысходности лишали неудачника сил и желания вновь вернуться к тяжелому труду. Гораздо более заманчивой виделась перспектива быстрой наживы и прочих удовольствий жизни в рядах шайки. Яркими штрихами набросал портрет такого «без пяти минут хунхуза» И.П. Ювачев в одной из корреспонденции, опубликованных в газете «Владивосток» осенью 1896 г.: «Вот он, грязный, оборванный, полуголодный, ежедневно в работе, под дождем, на глинистой липкой земле... Какие у него радости жизни? Какие у него радужные мечты? Куда направлены его ум и сердце? Что он видит в будущем? Неудивительно, если он идет в хунхузы, на жизнь, полную приключений. Тут хотя бы есть борьба, своего рода геройство, иногда разгул. Неудивительно, если он ищет случая забыться, обезуметь, покурить опиума... И надо ли нам, европейцам, удивляться, что они с таким равнодушием подставляют свою голову под секиру палача? О, если бы они имели какой-нибудь „смысл жизни“, они не были бы хунхузами!»

Интересно, что в рядах хунхузов мог оказаться не только неимущий паупер, но и вполне обеспеченный квалифицированный ремесленник. Инженер В.Н. Рудокопов, вскоре после Русско-японской войны занимавшийся угольными разработками на восточной линии КВЖД в Маньчжурии, поместил в очерке «Хунхузы» целую портретную галерею китайских разбойников из числа своих знакомцев. Среди них мы находим плотника Хо-чен-ю: «...Хо-чен-ю года два как работает в мастерских 8-го участка пути Китайской дороги. Он устроился хорошо. Мастер он хороший, деньги платят ему исправно. Проживает их он не более половины. Но Хо-чен-ю очень жаден, и то, что он получает теперь, не может его удовлетворить. Ему хочется получить больше. Зимой к нему приходит и с ним живет до весны его земляк Ли-фу-за. Они когда-то вместе сели на пароход в Чифу и вместе же добрались до Владивостока. Ли-фу-за уже три года как хунхуз. В долгие зимние вечера он рассказывает Хо-чен-ю про их летнее житье, про их экспедиции. Ли-фу-за любит „свое дело“, любит простор и ширь лесов, любит крутые сопки, глубокие овраги. Любит свою независимость, которая, несмотря на железную дисциплину, все-таки ясно ощущается каждым хунхузом и для Ли-фу-зы есть благо и источник наслаждений. Он с наслаждением ждет весны, проклиная зимнюю стужу. Но главное, что прельщает более всего Хо-чен-ю, это 420 рублей, которые сегодня ему показал Ли-фу-за и говорил, что это деньги „чистенькие“, а в дополнение к ним с марта по ноябрь хунхузы жили на „всем готовом“, ни в чем не нуждаясь, а это тоже чего-нибудь да стоит. Выходит, что простым хунхузом быть выгоднее, чем хорошим плотником. С нового года вследствие сокращения штатов Хо-чен-ю уволен и уже не работает в мастерских участка. Этой весной Ли-фу-за идет на „сбор“ в лес уже не один, с ним вместе Хо-чен-ю. И любопытство, и жадность к деньгам, и страх, и какое-то точно раскаяние охватывает Хо-чен-ю, но он все же не отстает от Ли-фу-зы. К осени он делается убежденным хунхузом, считая, что их дело гораздо лучше, чем то, которым занимался раньше». Как видно, побудительным мотивом к вступлению в ряды хунхузов для этого субъекта стала не нужда, а жадность и зависть к «успехам» товарища.

Особую группу в числе хунхузов составляли мстители. Самые разные люди – от крестьянина до купца – становились жертвами произвола китайских чиновников и

объединялись ненавистью к властям. Для них хунхузы были тем самым «врагом врага», который, как известно, лучше всякого друга. Преследование со стороны властей также могло быть связано с хунхузами. Жители селений, оказавшихся на пути шайки, поневоле вынужденно предоставляли бандитам пищу, лошадей или временный кров. По сути, любой крестьянин мог быть обвинен в пособничестве хунхузам либо в доносительстве на них. Как правило, такое обвинение возводилось на самых зажиточных крестьян и имело целью присвоение имущества несчастного «борцами с преступностью».

В определенной степени уход в бандиты в Маньчжурии был формой социального протеста. По меткому выражению крупного деятеля Белого движения генерал-лейтенанта А.П. Будберга, хунхузничество представляло собой своеобразный «китайский большевизм».

Следующую многочисленную группу в рядах хунхузских шайк составляли дезертиры. Армия императорского Китая никогда не отличалась дисциплиной и высоким моральным духом. В рядах войск зачастую оказывались люди, при любой возможности склонные к мародерству и разбою. Хао те бу цзо дин, хао жэнь бу цзо бин («Из хорошего железа не делают гвоздей, хороший человек не пойдет в солдаты») – эта старинная китайская пословица весьма точно рисует нравственный облик таких «воинов». Процент дезертирства в старой китайской армии был особенно велик там, где служба носила наиболее трудный и опасный характер. По малейшему поводу солдаты и даже офицеры пускались в бег, прихватив с собой доверенное оружие. Помыкавшись и поголодав, дезертиры почти неизбежно оказывались в рядах бандитов, где их, благодаря ценному оружию, принимали с охотой. Первая крупная волна дезертиров пополнила хунхузские шайки Маньчжурии в ходе Японо-китайской войны 1894–1895 гг., боевые действия которой в основном проходили на территории Маньчжурии и сопредельных районов Кореи. Организованная по западному образцу, дисциплинированная и хорошо вооруженная, японская армия с самого начала конфликта перехватила инициативу, нанесла китайским войскам тяжелые поражения у Асана (29 июля 1894 г.) и Пхеньяна (16 сентября 1894 г.), а в конце ноября штурмом овладела крепостью Льюшунь (Порт-Артур). Первые же успехи японцев спровоцировали массовое бегство китайских солдат. Справедливости ради надо отметить, что часть беглецов составляли те, кто покидал действующую армию, разочаровавшись в бездарном командовании и надеясь нанести более ощутимый урон врагу методами партизанской войны. В 1894 г. в тылу японцев в Маньчжурии действовала целая «хунхузская армия». К сожалению, патриотический порыв разбойников с окончанием войны быстро угас, и вчерашние партизаны вернулись к своим обычным криминальным занятиям.

Немалую часть хунхузов составляли цзиньфэй (старатели), хищническим способом добывавшие россыпное золото на берегах многочисленных маньчжурских рек. Монополия государства на недра, действовавшая в императорском Китае, ставила старателей вне закона и заставляла вести жизнь, практически неотличимую от жизни хунхузов: объединяться в вооруженные артели (читай шайки), держаться в местах, труднодоступных для регулярных войск, и прибегать к насилию для обеспечения себя провиантом и снаряжением. Зачастую такие объединения старателей сотрудничали с хунхузами, нанимая последних для охраны своих приисков. Хунхузские атаманы охотно

принимали в ряды своих «дружин» опытных старателей-одиночек: в районах, контролировавшихся шайками, часто находились залежи драгоценного металла, а посему люди, способные наладить добычу золота, были «ценными кадрами».

Насколько легко старатели становились «чистыми» хунхузами, показывают события, имевшие место в Маньчжурии на реке Давокэнь. До 1889 г. здешние золотые россыпи разрабатывались добытчиками, для поимки которых из города Саньсина периодически высылались отряды солдат. В 1889 г. гиринский цзянцзюнь (губернатор) Чан Шунь собственной властью разрешил саньсинскому фудутуну (областному начальнику) допустить промывку золота всеми желающими при условии уплаты 10 процентов добычи в казну. Известие об этом вызвало ажиотаж не только в Маньчжурии, но и в Уссурийском крае. Китайцы толпами двинулись на Давокэнь. В деревне Платоно-Александровской им было продано более полутора тысяч одних только козых шкур, использовавшихся в качестве подстилки для сна. Тяготы дороги вызвали большие жертвы среди китайцев, а на самих вокэньских приисках от болезней умерло до тысячи человек. Между тем из Пекина пришло распоряжение прекратить разработку. Из Саньсина опять послали войска, в столкновениях с которыми было убито около сотни человек. Изгнанные с приисков старатели немедленно образовали несколько хунхузских шаек. Самая крупная из них (около сотни человек) угрожала разграбить город Баянсусу. Для уничтожения банды властям пришлось выслать сводный отряд кавалерии в 500 сабель.

На территории Уссурийского края тесную связь с хунхузами поддерживали китайские браконьеры, промышлявшие зверя в таежных дебрях. Как писал В.К. Арсеньев, «вооруженные, отлично знающие тайгу и все горные тропы, они являются лучшими проводниками. Фанзы их всегда служат хунхузам пристанищем... От китайца-охотника и соболевщика до хунхуза – один шаг. Сегодня он зверолов, завтра – разбойник!».

Общая численность хунхузов Маньчжурии и сопредельных регионов России постоянно колебалась, резко увеличиваясь в годы стихийных бедствий, неурожаев, войн и прочих потрясений. В 1906 г., то есть сразу после Русско-японской войны, численность хунхузов в Маньчжурии приближалась к 30 тысячам человек. Впрочем, цифра эта, по собственному признанию источника, основана исключительно на приблизительных оценках. А о том, насколько приблизительны могли быть такие оценки, говорит то, что в середине 1920-х гг. численность хунхузов в китайской провинции Цзилинь, по данным разных источников, колебалась от 7900 до 24 270 человек. По данным японской военной разведки, в 1932 г. в трех провинциях Маньчжурии было уже 62 тысячи хунхузов. «Российские» хунхузы значительно уступали в числе своим маньчжурским коллегам. Дело в том, что плотность населения, служившего основным источником хунхузских доходов, была здесь гораздо ниже, чем в Маньчжурии. Кроме того, русское население (прежде всего казаки) было неплохо вооружено, а русские власти гораздо активнее, чем китайские, преследовали разбойников.

Численность хунхузов в шайке могла колебаться от 3–5 до нескольких сотен человек. Мелкие шайки были хуже организованы и бедны, их возникновение носило случайный характер, а срок существования не превышал нескольких месяцев. Обычно в мелкие шайки объединялись начинающие бандиты либо хунхузы, по той или иной причине

изгнанные из крупной банды. Большим объединениям хунхузов было легче разбойничать, однако уход от преследования и прокормление становились для таких отрядов проблемой. Поэтому оптимальная численность шайки составляла 30–50 человек. Бандиты-одиночки встречались крайне редко: им просто не удавалось выживать в тяжелых условиях кочевой разбойничьей жизни. Одиночка, если не становился жертвой конкурентов, почти наверняка оканчивал свои дни под мечом палача.

Во главе шайки стоял всесильный атаман, который мог быть как выборным лицом, так и самовластным деспотом, чья власть держалась исключительно на личном авторитете. Во втором случае атамана называли чжангуй («хозяин кассы») или даланьба («большой держащий»). В случае если атаман избирался общим решением хунхузской вольницы, его называли даньцзя ды («глава дома»). Иногда главарю подчинялись несколько разрозненных шаек, такой атаман именовался дацзя ды («глава большого дома»). В 1903 г. в районе плоскогорья Чанбайшань на границе Китая и Кореи действовали несколько хунхузских отрядов общей численностью до 10 тысяч человек, подчинявшихся «авторитету» Ван Лаодао. При этом непосредственно в распоряжении последнего было «всего» около 600 хунхузов. Разные шайки могли объединяться под общим командованием для проведения какой-либо крупной операции, например для нападения на город.

История сохранила имена многих хунхузских вожаков. В конце 1870-х – начале 1880-х гг. на границе Маньчжурии и Уссурийского края получила известность шайка Суй Бинвана. На рубеже XIX–XX вв. по всей Маньчжурии гремели имена Ван Лаоху, Лю Ханьцзы, Тан Дэньюна и особенно Ян Юлина, носившего эффектное прозвище Шисы Яньван – «14-й Владыка Ада».

Яркий портрет типичного хунхузского вожака дает уже упоминавшийся В.Н. Рудокопов: «Туньян высокого роста, сухой, жилистый, немолодой уже, в его густой косе серебрились седые нити. Лицо смуглое, желтоватое, немного изрыто оспой, неправильное, некрасивое. Несколько воспаленные красные веки и большие черные глаза, грустные, задумчивые и глубокие. Каким-то покоем, огромным самообладанием и силой веяло от всей фигуры Туньяна. Он резко выделялся и совершенно не был похож на его спутников. Что-то сильное, властное чувствовалось в нем. Чувствовалось, что это действительно вождь, за которым пойдут тысячи, чувствовалось, что это не жестокий, кровожадный головорез-разбойник, а сильный ум, сильная воля. Именно вождь, который силой своего духа может в железной дисциплине держать свое войско, оно за ним пойдет в огонь и в воду, а он, Туньян, всегда будет во главе этого войска и не отступит ни перед чем, не дрогнет перед лицом смерти. Он за всех, все за него».

Следующую ступень в иерархии шайки занимали «офицеры». Ближайшим к атаману лицом был бань даньцзя ды (буквально – «половина главы дома»). Чаще всего именно он занимал пост главаря шайки в случае гибели или ареста патрона. Начальник передового отряда хунхузов носил «звание» паотоу («пушечный голова»), начальник арьергарда звался цуйцуй ды («подгоняющий»). Два «офицера» выполняли роль интендантской службы: лилянтай («внутренний интендант») распределял продовольствие между членами отряда и следил за хозяйством, а вайлянтай («внешний интендант») осуществлял

заготовки на стороне. В случае если первые лица шайки не владели грамотой, в отряде мог появиться цзыцзяньу («мастер письма») – хунхуз-делопроизводитель.

Положение рядовых членов шайки зависело от возраста, опытности и «стажа» пребывания в банде. Как правило, новичок не мог рассчитывать на немедленное получение оружия и в течение определенного времени должен был выполнять второстепенные функции либо вообще заниматься хозяйственной работой. Все члены шайки были связаны узами побратимства и именовались сунди («братья»). Практика подобных отношений среди китайцев была известна русским под названием кады (по-видимому, искаженное китайское гэ ди, что можно перевести как «отношения старшего и младшего братьев») [3 - В некоторых источниках можно найти указание на связь между названием обычая кады и словом кэтоу, обозначающим церемониальный земной поклон.]. При братании членами шайки приносилась общая клятва, налагавшая на хунхузов обязательство всегда и во всем помогать друг другу. Атаман шайки, независимо от возраста, считался «отцом» своих подчиненных. Последние должны были употреблять в отношении главаря обращение дае или лао дае («почтенный господин» и «почтенный старый господин»).

В основе жизни хунхузов лежали простые, но строгие законы. Наиболее четко сформулированное «законодательство» в начале XX в. действовало в шайке атамана, известного под прозвищем Чжан Байма (Чжан Белый Конь). Последний какое-то время подвизался на службе знаменитой старательской Желтугинской республики и вынес оттуда кое-какие наблюдения за творчеством ее законодателей, среди которых встречались и весьма образованные люди. Законы Чжана состояли из 13 статей. В первых же статьях членам шайки четко разъяснялось, кто может служить объектом их нападения. Запрещалось грабить одиноких путников, женщин, стариков и детей. Вообще любая обида, причиненная женщине, каралась смертью. Чиновники, как честные, так и коррумпированные, безусловно, считались добычей в случае проникновения на территорию, контролируемую шайкой. При этом коррумпированный чиновник лишался всего имущества, а достойно зарекомендовавший себя – только половины. Иностранцев запрещалось трогать во избежание дипломатических эксцессов.

Следующий раздел «законодательства» Белого Коня касался пополнения шайки и поведения ее членов. Кандидат в хунхузы должен был предъявить поручительства минимум двадцати членов шайки. В случае благоприятного решения неофит проходил церемонию посвящения и принимал участие в экспедиции для проверки надежности «в деле» и наличия необходимых боевых качеств. Новоиспеченный хунхуз обязан был относиться к товарищам по справедливости и не завязывать ссор. Под страхом смерти его обязывали хранить секреты своей «семьи» и добросовестно выполнять свои обязанности. Небрежность и праздность карались смертью. Астрологи и предсказатели в ряды шайки не принимались, среди хунхузов приверженность гаданию и суевериям также не приветствовалась.

Последняя часть свода законов касалась дележа добычи. Все ценности, захваченные в ходе набега, делились на девять частей: первые две поступали в общую казну шайки, одна часть предназначалась людям, помогавшим в организации экспедиции, следующие четыре

части делились поровну между всеми членами клана; одна предназначалась в награду хунхузам, особо отличившимся «в деле», и, наконец, последняя часть предназначалась в помощь раненым бойцам и родственникам погибших.

В других шайках дележ добычи происходил по долевым (паевой) системе. Каждому члену шайки, от атамана до рядового бойца, соответствовало строго определенное число долей добычи. «Глава дома» получал десять долей, его заместитель – пять долей, «мастер письма» – три доли, остальные «офицеры» – по две доли, а рядовые «братья» – по одной. Число людей в такой шайке всегда определялось числом «людских долей».

Для поддержания в подчиненных духа сплоченности и уважения к законам Белый Конь не останавливался перед самыми крутыми мерами. Так, для исполнения смертных приговоров в отношении нарушителей в его шайке часто привлекались друзья и даже родственники осужденных.

Как правило, в среде хунхузов смертью карались следующие проступки:

1. Разглашение секретов.
2. Неподчинение приказу атамана.
3. Бегство с поля боя.
4. Тайные переговоры с врагом.
5. Привод войск в лагерь шайки.
6. Присвоение общего имущества или денег.

К категории тяжких относились также такие проступки, как оскорбление товарища и привод в лагерь женщины. Последнее было чревато возникновением ссор между «братьями».

К числу отличий, нуждавшихся в поощрении, относились:

1. Проявление верности клану.
2. Успешное отражение атаки правительственных войск.
3. Участие в многочисленных сражениях.
4. Распространение власти и влияния шайки.
5. Успешная дезинформация противника.
6. Привлечение в шайку боеспособных и лояльных членов.
7. Храбрость «в деле».

8. Пренебрежение личными интересами ради блага товарищей.

Запрет на причинение обиды иностранцам вплоть до конца XIX столетия был в Маньчжурии обычным положением хунхузских правил. Помимо упомянутых выше «дипломатических эксцессов», стычка с хорошо вооруженными путешествующими иностранцами была чревата для шайки серьезными потерями.

Усиление экспансии России и западных держав в Маньчжурии в конце XIX–XX вв. привело к нарушению «нейтралитета» и сделало иностранцев объектом нападений хунхузов с целью грабежа, получения выкупа или «возмездия варварам». Судьба иностранцев, попавших в руки хунхузов, складывалась по-разному. Чаще всего похищение завершалось уплатой выкупа и освобождением жертвы. Иногда судьба пленника складывалась трагически. Осенью 1900 г. в ответ на действия русских войск хунхузами Цзяпигоу близ корейской границы были убиты двое русских подданных – агентов лесной концессии Е.В. Даниэля. Были случаи, когда похищение иностранного подданного хунхузами получало широкий резонанс. В июне 1907 г. в восточной части Гиринской провинции в руки хунхузов угодили два японских офицера, занимавшихся топографической съемкой местности. Дело в том, что после Русско-японской войны эти районы вошли в сферу японского влияния в соответствии с соглашением о разграничении русского и японского присутствия в Маньчжурии. Японское правительство потребовало от китайских властей немедленного освобождения пленников, угрожая в противном случае принять собственные меры. Цинским чиновникам пришлось подчиниться. В экспедицию против хунхузов послали войска, наиболее боеспособным подразделением которых был кавалерийский отряд под командованием генерала Чжана. Последний быстро убедился, что одолеть хунхузов в их таежном логове силой не удастся. Желая поскорее выполнить задание и отличиться, Чжан пошел на нетривиальный ход: через посредников вступил в переговоры с атаманом разбойников и предложил ему выкуп из собственных средств. После того как предложение было благосклонно принято, стороны разыграли целый спектакль с оглушительной перестрелкой и театральной конной «атакой». Под занавес представления связанных японцев нашли на лесной полянке и несколько дней спустя триумфально передали японскому консулу.

Издавка судьба пленника-иностранца складывалась необычным образом. Пожалуй, самые невероятные приключения выпали на долю японца Кохинаты Хакуро. Он приехал в Маньчжурию после Русско-японской войны в возрасте 17 лет. Жажда наживы и приключений завела юношу в маньчжурскую глубинку, где он довольно скоро попал в руки молодцев одной из шайк «краснобородых». Не имея родственников, способных уплатить выкуп, Кохината открыто рассказал об этом разбойникам и сам попросил прикончить его побыстрее. Такая откровенность в сочетании с абсолютным хладнокровием понравилась хунхузам, и молодому японцу предложили вступить в ряды «братства». Поскольку другого выхода все равно не было, Кохината без колебаний согласился и быстро вошел во вкус вольной бандитской жизни. Благодаря своим качествам бойца и лидера Кохината вскоре стал главой собственного «дома». Подчиненных восхищало его истинно японское презрение к смерти, а местным жителям импонировала справедливость главаря. Со временем японское имя атамана почти совершенно забылось, и бывший Кохината снискал славу как Шан Сюдун –

могущественнейший дацзя ды, державший в узде почти все хунхузские шайки Южной Маньчжурии. Местное население наградило его прозвищем Сяо Байлун (Маленький Белый Дракон). Совершенно окитаившийся Кохината тем не менее не порвал связей со своей родиной, регулярно оказывая услуги японской разведке. После японской оккупации Маньчжурии в 1931 г. Кохината Хакуро понял, что дни хунхузов под властью военной администрации сочтены, и обратился к японскому командованию с предложением амнистировать всех хунхузов, добровольно сложивших оружие. При этом он обещал за свой счет вывезти восояси всех бывших «братьев» и их родственников. Поразмыслив, японцы приняли предложение атамана. Здесь, в частности, сыграла свою роль репутация Хакуро, чьи осмотрительные молодцы никогда не совершали нападений на подданных микадо и никогда не трогали японской собственности. Весной 1933 г. состоялось то, что вошло в историю под именем «Великого Исхода Бацзоку». Около 70 тысяч (!) человек покинули Маньчжурию и переселились на территорию современной провинции Хэбэй.

На территории российского Дальнего Востока хунхузы также гораздо охотнее нападали на своих соотечественников и представителей малых народов. Тем не менее русское население Приамурья и Приморья также не было застраховано от хунхузских набегов. Разбойники придерживались в отношении русских «патриотической» точки зрения, рассматривая последних не только как добычу, но и как оккупантов, захвативших «исконно китайские земли». Нужно отметить, что китайские приграничные власти всячески поощряли подобные взгляды.

Отдельную сферу хунхузского законодательства составляли нормы, определявшие отношения между различными «братствами». Основной их смысл сводился к взаимному уважению и неукоснительному соблюдению границ бянь тяо («охотничьих угодий»).

С течением времени хунхузские законы могли претерпевать незначительные изменения, однако их основная цель, заключающаяся в создании сплоченного и боеспособного преступного сообщества, связанного узами побратимства и уважающего принципы собственной корпоративной этики, оставалась неизменной.

Хунхузы вполне могли занять на северо-востоке Китая ту нишу, которая на востоке и юге страны принадлежала тайным хуэйдан (обществам) – «Братству Южного Кулака», «Секте Белого Лотоса», «Союзу Большого Меча» и, конечно, знаменитым триадам. С тайными обществами хунхузские шайки роднит ряд признаков: ненависть к правительству и декларируемое стремление к «социальной справедливости», наличие обрядов при приеме членов и «братский» характер отношений между ними; строгая конспирация, включавшая выработку «секретного языка». Кроме того, в литературе можно найти прямые указания на связь «краснобородых» с тайными обществами. Так, известный советский военный деятель, советник в Китае в 1925–1926 гг. В.М. Примаков писал о хунхузах: «Очень часто они – члены тайных обществ и просто выполняют военные поручения общества».

Вооружение хунхузов представляло собой пеструю картину, вполне под стать разношерстному составу их шаек. Разнообразное холодное оружие традиционного китайского образца – мечи, пики, копья и топоры – широко использовалось бандитами

вплоть до начала XX в. Архаичное, но весьма опасное в умелых руках, такое оружие, помимо всего прочего, выглядело весьма внушительно и производило устрашающее впечатление на жертв хунхузских налетов.

Качество огнестрельного оружия, использовавшегося хунхузами, непрерывно улучшалось на протяжении XIX–XX вв. Первоначально бандитские шайки Маньчжурии и Уссурийского края вынуждены были довольствоваться примитивными фитильными и крайне несовершенными кремневыми ружьями. Такое оружие, а также порох, изготовлялось непосредственно на территории Маньчжурии. Качество и того и другого оставляло желать много лучшего, однако при нападениях на мирных поселян и купцов вполне годилось: выстрелы в данном случае производились либо в воздух, либо в упор... Ружья и револьверы иностранного производства в течение долгого времени были дороги и малодоступны, так как попадали в Маньчжурию долгим путем из портов Восточного и Южного Китая через провинции Чжили и Шаньдун. Гораздо более редкими были случаи прямых продаж современного вооружения населению Маньчжурии и Уссурийского края иностранцами. Так, коммерсант Кайзер, проживавший во Владивостоке, но сохранявший иностранное подданство, в 1880 г. на собственном судне доставил из Сан-Франциско крупную партию винтовок, большая часть которой была продана хунхузам в районе залива Посьет. У разбойников, действовавших на территории Уссурийского края, можно было увидеть также старые русские армейские ружья, которые в 1870-х гг. раздавали крестьянам отдаленных селений для самозащиты.

Огнестрельное оружие чаще всего доставалось хунхузами путем покупки, кражи или в виде выкупа. В последнем случае оружие или боевые припасы служили платой за освобождение захваченного заложника. Покупка оружия и боеприпасов обходилась хунхузам столь недешево, что винтовочные патроны иностранного производства, к примеру, именовались на бандитском жаргоне даянами («серебряными долларами»). Стремясь разжиться качественным оружием, хунхузы зачастую пускались на дерзкие авантюры, вроде той, что имела место на посту Груша на 1071-й версте КВЖД в 1902 г. Утром 4 сентября, когда железнодорожные служащие и большинство чинов охранной стражи разошлись по делам, в постовой казарме остались только пять рядовых стражников и группа каменщиков-китайцев, незадолго до этого нанятых на работу. Когда солдаты расположились позавтракать во дворе казармы, несколько рабочих проникли в помещение стражи, захватили стоявшие в пирамиде винтовки и открыли огонь, убив четырех стражников и тяжело ранив пятого. Воспользовавшись поднявшейся суматохой, нападавшие благополучно скрылись вместе с захваченным оружием. Именно винтовки и были целью хунхузов, переодевшихся каменщиками и разыгравших спектакль с наймом на работу...

Уже после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. в распоряжение разбойников попало большое количество современного огнестрельного оружия. Следующее крупное «перевооружение» хунхузов относится к периоду Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда масса самого разнообразного оружия и снаряжения была подобрана на полях сражений, украдена с тыловых складов обеих враждующих армий и т. п. В Харбине ходили слухи, что некоторые шайки получили в свое распоряжение пулеметы и даже полевые орудия. Это, конечно, было из ряда вон выходящим случаем, однако наличие у

крупных хунхузских шаек старых дульнозарядных пушек было, в общем, достаточно обычным делом. Кроме того, функцию «тяжелого вооружения» в хунхузских отрядах призваны были выполнять громадные пищали тайцян и так называемые «ручные пушки» шоупао, стрелявшие примитивными разрывными бомбами. Впрочем, эффективность этого оружия была чрезвычайно низкой.

Характер вооружения шайки зависел от характера ее деятельности. Так, хунхузы, оперировавшие на железной дороге, предпочитали легкое и компактное оружие – револьверы и кинжалы. Садясь в поезд под видом мирных жителей, «братья» легко прятали их в складках традиционной китайской одежды. Шайки, специализировавшиеся на набегах, напротив, особенно ценили современные винтовки армейского образца с большой прицельной дальностью стрельбы. Они были незаменимы как при обстреле объекта нападения, так и при отражении атак преследователей.

Сформированная и вооружившаяся шайка готова была приступить к делу. Каковы же направления деятельности «краснобородых»? Можно сказать, что сфера эта оказывалась тем шире, чем больше сил и средств находилось в распоряжении атамана. Главным занятием хунхузов был, разумеется, разбой. Основными объектами нападений шаек становились путешествующие купцы и чиновники, а также торговые караваны, пересекавшие Маньчжурию во всех направлениях. Крупная шайка численностью несколько сотен человек способна была организовать нападение на целый торговый город. Так, хунхузские шайки нападали на Нючжуан (1866), Нингугу (1874), Дагушань (1875), Хунь-чунь (1878), Бейтуанлинцзы (1885) и несколько раз – на Баянсуу. В самом начале XX столетия город Кайчи подвергся нападению отряда из 500 «краснобородых». Шайка разграбила запасы серебра, угнала всех имевшихся в городе лошадей и захватила в заложники три десятка богатейших местных купцов. 6 октября 1902 г. имел место и вовсе выдающийся случай. К воротам города Бодунэ (современный город Фууй в провинции Цзилинь) подъехали двое верховых кавказцев, представившихся русскими подданными. Приезжие потребовали от китайской стражи впустить их. Въезд в город был ограничен, так как незадолго до описываемых событий власти получили сведения о шайке, планирующей налет на Бодунэ. Заявление приезжих об их русском подданстве успокоило солдат. Когда ворота были открыты, в Бодунэ немедленно ворвались хунхузы, укрывавшиеся в гаоляне неподалеку. Банда насчитывала в своих рядах ни много ни мало 700 человек! Высланной на подмогу сотне охраны КВЖД пришлось штурмовать злосчастный Бодунэ с помощью двух приданных орудий, а затем выдержать на улицах города настоящее сражение, окончившееся гибелью ПО и пленением 22 бандитов. Семеро пленных оказались кавказцами. Стоит сказать, что это был первый отмеченный случай «смычки» между хунхузами и иностранными уголовниками. Несмотря на жестокое поражение при Бодунэ, налеты «братьев» на города продолжались. Летом 1907 г. банда хунхузов напала на городок Санчакоу, а другая – на город Майхэкайди. 8 сентября 1907 г. крупная банда хунхузов, воспользовавшись временным ослаблением местного гарнизона, произвела нападение на город Омосо.

Подобными набегами промышляли бродячие шайки хунхузов, не имеющие определенной базы. Ими же практиковалось похищение людей (как правило – богатеев или их родственников) с целью получения выкупа. Оседлые шайки, контролировавшие

порой значительную территорию, предпочитали добывать средства рэккетом. Купцы, зажиточные крестьяне, владельцы шаогодянь (спиртовых заводов) и прочие богачи могли стать и становились для хунхузов курами, исправно несущими полновесные золотые яйца. Достаточно было обложить жертву регулярной данью – подобная практика была самым распространенным делом. Как и в недавнем российском прошлом, требование периодических выплат объяснялось необходимостью охраны имущества жертвы от посягательств чужаков. В действительности инициатива хунхузов была, как сказал бы герой Марио Пьюзо, предложением, от которого нельзя отказаться. Со временем, помимо платы «за охрану», на богатые семьи возлагалась обязанность внесения залога за освобождение арестованных «братьев», поручительство перед властями, обеспечение шайки продовольствием и снаряжением, вооружение «своих» хунхузов и т. д. и т. п. Отказ от уплаты денег расценивался хунхузами как «измена», каравшаяся быстро и жестоко. К примеру, упомянутое выше нападение хунхузов на город Омосо в 1907 г. было вызвано отказом местного купечества «выкупить» у властей двоих хунхузов. Данью облагались не только богачи, но и все население, проживавшее на подвластной хунхузам территории. При этом размер дани, собиравшейся с бедноты, носил скорее символический характер, обозначая сам факт постоянного присутствия «братьев» в жизни округа и, в определенной степени, создавая хунхузам имидж «справедливых удальцов».

Если на «своей» территории хунхузы охраняли купцов в основном «от самих себя», то на торговых путях Маньчжурии их охрана полностью отвечала своему назначению. Каждый год, поздней осенью, когда дороги Маньчжурии, замерзнув, превращались в удобный для передвижения караванов зимник, купцы снаряжались в дорогу. На пути их подстерегали многочисленные опасности в виде солдат-мародеров и мелких бродячих шаек. В такой ситуации вооруженная охрана, предоставленная атаманом «своей» банды за соответствующую плату, помогала решить многие проблемы за меньшие деньги. Однако непосредственное присутствие в штате торгового каравана вооруженных до зубов «братьев» было возможно только в глухой местности, вдали от глаз властей. Во всех остальных случаях охрана торговых караванов осуществлялась при помощи так называемых баоцзюйцзы («страховых контор»). В начале XX в. только в Гиринской провинции действовало семь таких контор: «Фушуньбао», «Жишэнбао», «Фушэнбао», «Туньбао», «Цзиншэбао», «Чаншуньбао» и «Луншэнбао». Каждая из указанных организаций содержала от 20 до 50 баошэн (стражников), сопровождавших караваны купцов. Страховая премия обычно составляла 3 процента от стоимости товара, однако ее размер мог колебаться. Дело в том, что баоцзюйцзы фактически служили посредниками между купцами и все теми же хунхузами. От величины требований последних в конечном итоге и зависел размер страховой премии. После расчета застрахованный обоз получал пяо (свидетельство), предъявлявшееся при встрече с «братьями», либо сопровождался баошэном, которого лично знали местные хунхузы. Если обоз грабила какая-нибудь залетная шайка, баошэн извещал о случившемся атамана «своих» хунхузов и вместе с его молодцами преследовал «отморозков». Баоцзюйцзы держали свои связи с хунхузами в строгойшем секрете, однако для всех и каждого это был секрет Полишинеля.

Владельцы спиртовых заводов, приисков, ферм и тому подобных заведений часто содержали охрану, предоставленную хунхузами. В этом случае «братья» поселялись на предприятии под видом рабочих.

В отличие от законопослушных граждан контрабандисты и старатели не утруждали себя маскировкой и соблюдением каких-то условностей при найме хунхузской охраны. Подобно «краснобородым», они сами принадлежали к миру преследуемых государством. Кроме того, нелегальные прииски и тайные торговые тропы, как правило, располагались в труднодоступных районах, куда полицейские силы предпочитали не наведываться.

Добыча золота и контрабанда сплошь и рядом практиковались и самими «краснобородыми». Ярчайший пример тому – «республика Цзяпигоу», жившая в основном незаконным старательством и сбытом желтого металла. В Уссурийском крае хищническое старательство хунхузов уже с конца 1860-х гг. стало для властей и местных золотопромышленников настоящей проблемой. Именно попытка властей прекратить незаконную промывку золотого песка на острове Аскольд в 1867 г. послужила поводом к первому столкновению русских военных сил с хунхузами – так называемой «Манзовской войне», о которой еще пойдет речь в этой книге. Нередко хунхузы действовали следующим образом: дождавшись окончания правильной разведки золотых россыпей русскими, набрасывались на золотоносный участок и в течение короткого времени истощали его наиболее богатые площади. При этом все остальное пространство загромождалось отвалами, что в то время делало дальнейшую разработку прииска невозможной. В начале XX в. уже знакомому нам инженеру В.Н. Рудокопову удалось посетить хунхузский прииск в Маньчжурии. Вот какая картина предстала перед его глазами: «Тропинка круто поднималась вверх, перевалила через небольшой водораздел, и мы очутились в неглубокой пади. Склоны ее были покрыты наносными отложениями и растительным слоем. В одном месте большая черная куча отваленной земли указывала на то, что здесь происходит какая-то выработка. Там действительно уже копошились только что вышедшие из фанзы хунхузы. Около отвала на склоне горы зияло небольшое черное отверстие, в которое входили люди и выносили оттуда в кожаных мешках землю. Это был вход в орту, с помощью коей шла здесь добыча золота. Темная серая галерея от входа шла в глубь горы сажен на тридцать и в конце давала разветвление в обе стороны. Это были штреки, шедшие по золотоносному слою. В их головах работало при свете тускло горящих лампочек две смены забойщиков». Со старательством был тесно связан такой малораспространенный промысел хунхузов, как чеканка фальшивой монеты. Часть добытого хунхузами золота переправлялась в Харбин. Здесь, в трущобах китайского района Фуцзянь, в начале XX в. из него начали чеканиться русские пятирублевки. По размеру, весу и чистоте металла они полностью соответствовали монетам русской чеканки и охотно принимались даже банками! Тем не менее наличие гнезда фальшивомонетчиков под боком администрации КВЖД было недопустимо. В конце 1906 г. после долгих поисков русским сыщикам при содействии китайской полиции удалось накрыть один из хунхузских «монетных дворов». Выяснилось, что фальшивые пятирублевки чеканились на прекрасном компактном станке. В случае опасности он за секунды разбирался на составные части и мог быть незаметно разнесен в карманах одежды. Единственным отличием монеты, отчеканенной на таком станке, от настоящей был слегка скошенный гурт. Хунхузский пятирублевик не мог стоять на ребре, тогда как с аналогичными монетами царской чеканки это можно было проделать легко.

Еще одним излюбленным занятием хунхузов было выращивание опийного мака и контрабанда опиума. Приверженность опиекурению была в XIX – начале XX в.

характерной особенностью китайского общества. На смену импортному наркотику, завозившемуся англичанами из Индии, быстро пришел опиум местного производства. Основными поставщиками опиума на севере Китая, а также на российском Дальнем Востоке в конце XIX столетия стали «краснобородые». Неприхотливый мак выращивался под контролем хунхузов повсеместно, как в Маньчжурии, так и в Уссурийском крае. Уже в 1896 г. репортер газеты «Владивосток» с удивлением писал: «Производство опиума в крае оказывается шире, чем мы предполагали. В свое время мы писали о том, что китайцы засевают несколько десятин земли около корейской деревни Корсаковки маком, идущим на производство опиума. Теперь нами получены сведения о том, что и в других местах края китайцы занимаются добыванием опиума. Между прочим, на землях, отведенных в пользование Шкотовскому причту, между деревнями Новороссийской и Шкотовой, и Майхэ – засеваются арендующими землю китайцами мак для производства опиума». Условия для макосеяния и наркоторговли в русских пределах были особенно благоприятны, так как уголовное законодательство подобную практику не преследовало и русская администрация (особенно местная) до поры до времени смотрела на «промысел» китайцев с полным безразличием. По мнению «власть предержащих», единственный вред макосеяния состоял в... истощении почв. Китайские опиокурильни, распространенные в городах русского Дальнего Востока, беспокоили власти только как места скопления «темного люда». Борьба с наркоторговлей в русских пределах на уровне местной администрации началась лишь в 1907 г., а первая попытка законодательно ограничить ее относится только к 1913 г. К этому времени площадь маковых полей в Уссурийском крае достигала 3500 десятин. Маньчжурские плантации опийного мака также занимали обширные площади. В начале XX в. маковые поля делали весь район, прилегающий к станции Пограничная на КВЖД, похожим на лоскутное одеяло.

В своих вылазках «краснобородые» использовали целый арсенал любимых тактических приемов. Принципы хунхузской «науки побеждать» можно уместить в одной строке: дерзость и натиск – с жертвами, осторожность и хитрость – с войсками. Хунхузы были признанными мастерами партизанской войны. Их успехи были основаны прежде всего на мобильности, превосходном знании местности и умении наилучшим образом использовать ее особенности как для боя, так и для отступления. Лошади заимствовались хунхузами у крестьян и загонялись без малейшего сожаления. Беречь коня было ни к чему: в случае необходимости «краснобородые» просто меняли уставших животных на свежих в первом попавшемся селении.

Атакуя жертву, «краснобородые» широко использовали разнообразные устрашающие средства: уродливые маски чертей, огромных размеров оружие (иногда бутафорское), свирепую брань и т. п. Излюбленными тактическими приемами хунхузов в столкновениях с правительственными войсками были засада, ложное отступление и внезапное (часто ночное) нападение. Их использование умело сочеталось с применением разнообразных пропагандистских и психологических мер, призванных запугать противника и привлечь на свою сторону мирное население. На пути правительственного отряда «братья» могли подкинуть обезображенный труп человека в солдатской форме. Во время ночных стоянок покой противника постоянно нарушался стрельбой и различными шумовыми эффектами, что в конце концов доводило не слишком храбрых солдат до нервного истощения. Жителям деревень, пострадавших от произвола военных, «братья» через посредников

посылали незначительную материальную помощь и обещания скорого избавления. Хунхузы тщательно готовили своих бойцов. Во время набегов и боевых столкновений каждый член шайки имел свои функции, в совершенстве умел их выполнять, а при необходимости способен был заменить выбывшего из строя товарища. Каждый «брат» обязан был в совершенстве владеть оружием и, несмотря на дороговизну боеприпасов, регулярно упражнялся в стрельбе. Особенностью хунхузского облика, отмечавшейся многими наблюдателями, были тяжелые патронташи, обвивавшие тело бойца. Постоянное ношение огромного количества патронов (весом до пуда, то есть 16 килограммов!) повышало выносливость и боеспособность «братьев».

Лагеря и зимовья хунхузов находились в наиболее труднодоступных лесных уголках. Лагерь шайки носил название диинцзы («земляной лагерь»), что объяснялось наличием укреплений в виде земляного вала и частокола. Круглое в плане укрепление со всех сторон окружало расчищенное пространство, обеспечивающее хороший обстрел атакующего противника. Запасы воды и пищи позволяли шайке выдержать в лагере многодневную осаду. В случае необходимости опорным пунктом шайки могла служить обычная деревенская усадьба, состоявшая из многочисленных глинобитных построек, сгруппированных вокруг внутреннего двора и обнесенных высокой саманной стеной. На подступах к лагерю или временному биваку хунхузов со всех сторон выставлялись часовые, именовавшиеся каньшуй ды («глядящие в воду»). Проверкой караулов занимался специальный «офицер», носивший название люшуй ды («обтекающая вода»). Названия часовых и их начальника намекали на своеобразный порядок проверки караулов, когда «офицер» старался подобраться к часовому незаметно, а последний должен был вовремя заметить его и окликнуть. Часовому, прозевавшему проверяющего, грозило наказание.

Как правило, на зимовку в лагерях хунхузов оставалась только очень незначительная часть «братьев» – самые закоренелые преступники, окончательно ставшие изгоями общества. Все прочие, включая атаманов, предпочитали коротать зимние месяцы в семьях деревенских побратимов или в городских притонах.

Весеннее таяние снегов и пробуждение природы означали для жителей Маньчжурии и российского Дальнего Востока начало сезона хунхузских набегов. «Братья» окольными путями возвращались в лесные лагеря, чтобы встать под знамена атаманов. Пустые карманы и бледные испитые лица могли многое рассказать о занятиях хунхузов в дни долгого сезонного «отпуска». Кто-то без удержу проигрывал шальные деньги, кто-то пил. Иные наслаждались обществом доступных женщин, а иные изо дня в день отправлялись в призрачный мир опиумных грез. Теперь наступало время работы и поста. «Братьев» ожидала летняя добыча, и жадные огоньки злого нетерпения заставляли вздрагивать прохожих, случайно поймавших взгляд встречного бродяги. В пору обеспеченного зимнего безделья «братья» любили щегольнуть красивой одеждой. В 1899 г. газета «Владивосток» писала: «По представлению русских, китайский разбойник-хунхуз – нечто вроде нашего бродяги – оборванный и обтрепанный. Это заблуждение. Наоборот – он всегда богато одет, не похож на простого чернорабочего; по виду он скорее купец, конечно, до тех пор, пока не проиграется, как говорится, в лоск». В лагере «братьям» предстояло переодеться в простую и удобную походную одежду. Одинаковые куртки и штаны из грубой синей или черной дабы, головные повязки, мягкие кожаные улы с

обмотками и неизменные патронташи делали хунхузов похожими на солдат. О походном скарбе хунхуза можно судить благодаря следующему случаю. В начале января 1896 г. несколько казаков из станицы Платоно-Александровской отправились на охоту за озером Ханка. У китайской границы охотники заметили китайца, бредущего вверх по течению речки Усачи. Направившись в ту сторону, откуда пришел незнакомец, мужики наткнулись на место его ночевки. При этом выяснилось, что для обогрева китаец сжег целый стог казацкого сена. Один из охотников, урядник Алексей Соловьев, кинулся за китайцем, который, заметив погоню, бросил поклажу и выстрелил в казака из винтовки. Промазав, китаец скрылся в лесу, оставив казакам свои вещи. В заплечном выюке лихого незнакомца оказались три пистонных ружья, 78 патронов, 72 круглые пули, 5 винтовочных гильз, нож, сумка из изюбриных лап, трубка для курения опиума, напильник, холщовый мешок и шкурка дикой козы.

В лагере «братьев» с показной суровостью встречал «глава дома». Каждый из прибывших, почтительно склонившись, приветствовал атамана и докладывал о виденном на отдыхе. Как правило, из доклада выяснялось, что, несмотря на разгул, практически все «братья» в течение зимних месяцев успевали неплохо поработать на благо «семьи». Один завел полезные знакомства, другому удалось найти еще один канал сбыта добычи, третий привел надежное пополнение... Атаман молча и внимательно выслушивал каждого из «братьев». Ни одна, даже самая мелкая деталь рассказа не ускользала от внимания вожака, откладываясь в его цепкой памяти. Закончив расспросы, атаман отправлял вновь прибывшего к заместителю, определявшему обязанности «брата» на ближайшие месяцы. Когда все члены шайки оказывались в сборе, атаман скликал хунхузов на «братскую сходку». Здесь лао дае, окруженный почтительной тишиной, говорил «братьям» о предстоящей «кампании». Через пару дней наступал черед общей сходки, на которой обсуждались второстепенные вопросы и решалась судьба кандидатов в члены «братства». Затем наступали дни упорной изнурительной работы, призванной быстро восстановить физическую форму и боевые навыки хунхузов. Общие занятия «братьев» продолжались от рассвета до заката, прерываясь только тогда, когда кашевар подавал сигнал к совместной трапезе. Для новичков это время было настоящим «бандитским университетом». Наряду с тонкостями ремесла им предстояло усвоить законы «семьи» и овладеть секретным языком. Его характерной особенностью являлось обилие иносказаний. К примеру, выражение бань хай («переносить море») означало «пить», а цяо («стучать») означало «идти». Одно иносказание могло вытекать из другого. Так, бай тяор («белая полоса») означало «дождь», а нэп тяо («пользоваться полоской») означало... «спать». Иносказания применялись для обозначения всего и вся. Хунхуз никогда не называл ружье «ружьём». Вместо этого он говорил гэбо («рука») или тяо цзы («полоса»). Нож обозначался словом гуан цзы («блеск»). Своеобразное суеверие «краснобородых» проявлялось в том, что настоящий хунхуз избегал употребления слов, несущих неблагоприятный смысл. К таким относились слова «пленник», «связанный», «тюрьма» и т. п. Например, безобидное выражение чи баоми («есть кукурузу в початке») всегда заменялось иносказанием кэнь мутоу («грызть деревяшку»), так как слово бао, означающее внешние листья кукурузного початка, созвучно слову, означающему связывание... Другим приемом, обеспечивавшим недоступность языка хунхузов посторонним ушам, было широкое использование заимствований из языков других азиатских народов. Заимствовать слова из корейского или монгольского не имело смысла: в Маньчжурии слишком многие понимали эти

наречия. Самым распространенным среди хунхузов было заимствование слов из... тибетского.

Наряду с языком слов новоиспеченному хунхузу предстояло овладеть языком жестов. Жесты, как и пароли, устанавливались каждой шайкой в отдельности. Общее распространение получил один жест, который хунхузы использовали для выяснения принадлежности другого человека к аналогичному «братству». Он состоял в прикосновении указательным пальцем к верхней губе и, таким образом, содержал намек на слово ху («борода, растительность на лице»). Ответный жест незнакомца служил подтверждением: «Перед тобой брат!»...

Подготовка хунхузов к первой операции продолжалась всю весну. Необходимыми условиями успеха были наличие подготовленных людей, достаточного количества оружия и боеприпасов, а также лошадей, которых хунхузы с наступлением сезона попросту забирали у крестьян. Следующим условием была информация. Что бы ни замышлял атаман, в его распоряжении всегда имелись нужные сведения, поставлявшиеся «братьями»-разведчиками, а также бесчисленными информаторами из числа мирных жителей, многие из которых помогали хунхузам не за страх, а за совесть. Этим людей связывали с «краснобородыми» узы крови, отношения побратимства или деловые интересы. «Братство» требовало едва ли не от каждого из своих членов способности выполнять функции разведчика вне лагеря. Исключение составляли высокопоставленные хунхузы, головы которых были наиболее высоко оценены властями, а также обладатели хорошо заметных особых примет – шрамов, родимых пятен, оспинок и т. п. Незаметно растворяясь в толпе городской бедноты хунхузским шпионам помогала неброская внешность. Будучи врагами маньчжурских властей, хунхузы не отказывались от обязательного для мужчин-китайцев ношения косы и бритья темени. В противном случае «братья» слишком сильно выделялись на фоне мирного населения. Наконец, последним объективным условием успешного набега была «зеленка» – лесные заросли, служившие укрытием и убежищем. На безлесных равнинах Центральной Маньчжурии их роль выполняли гаоляновые поля, тянувшиеся порой на десятки километров. Граф А.А. Игнатьев в своих знаменитых мемуарах «Пятьдесят лет в строю» сравнивал густые заросли гаоляна со «светло-зеленым океаном». Иностранцев особенно поражала скорость роста этого могучего злака. Американский журналист Фредерик Палмер, во время Русско-японской войны вступивший в Маньчжурию с войсками генерала Куроки, писал в августе 1904 г.: «Всего два месяца назад мы видели крестьян, засевающих гаоляновые поля у Фэнхуанчэна. А теперь маковки растений качаются выше лошадиной головы!» Достигая более чем трехметровой высоты, гаолян был способен скрыть скачущего всадника. Начиная с середины лета и до окончания уборки урожая Маньчжурию захватывала кровавая вакханалия грабежей и убийств.

Если основным содержанием зимнего сезона в жизни хунхуза были удовольствия, то летом для них попросту не оставалось ни времени, ни сил. К тому же азартные игры, пьянство, наркомания и женщины в полевых лагерях хунхузов, как мы помним, были строго табуированы. Впрочем, в известных случаях атаман мог разрешить умеренное употребление спиртного и наркотиков. Послабление касалось прежде всего раненых и больных, а также молодых «братьев», нуждавшихся в разрядке накопившегося нервного

напряжения. Необходимость в подобных «транквилизаторах» со временем постепенно отпадала: каждый профессиональный хунхуз считал долгом воспитать в себе равнодушие к смерти, фатализм и бесстрастную жестокость. Профессиональным фатализмом было обусловлено также отсутствие религиозности в среде «краснобородых». Исключение делалось только для Гуань-ди (Гуань Лао-е) – покровителя воинов, изображения которого часто можно было встретить в лагерях хунхузов.

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ В ПРИМОРЬЕ

Не будет преувеличением утверждать, что на территории Российской империи любимым местом хунхузов всегда был Уссурийский край. Интерес России к этим землям, возникший в середине XIX в., объяснялся главным образом страхом перед их возможной оккупацией западными державами. Опасения подобного рода не были бесосновательными. Еще в 1851 г. гавань Посьет посетил французский корвет «Каприсез». В 1855 г. английские военные корабли «Винчестер» и «Барракуда» из эскадры адмирала М. Сеймура зашли в залив Петра Великого и стали первыми европейскими судами, посетившими бухту Золотой Рог. Моряки королевского флота провели первую съемку берегов гавани и присвоили английские названия наиболее важным пунктам. В случае утверждения «Владычицы Морей» на берегах Японского моря, только что приобретенные Россией амурские владения оказывались под угрозой флангового удара.

Для изучения обстановки в марте 1858 г. на реку Уссури была направлена экспедиция под началом старшего адъютанта штаба войск Восточной Сибири штабс-капитана М.И. Венюкова, изучавшая долину реки и собиравшая сведения об Уссурийском крае до октября того же года. Весной 1859 г. на Уссури развернула работы топографическая партия полковника К.Ф. Будогоского, составившая карту долины реки и прилегающей местности от устья реки Туманган до впадения Уссури в Амур. При этом непосредственный начальник полковника, восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев, не скрывал намерений русского правительства провести в этом районе разграничение с Цинским Китаем. Неужели русский сановник намеревался посягнуть на территорию суверенного соседнего государства? Вовсе нет! Ко времени появления на Уссури партии Будогоского между Россией и Китаем уже были заключены Айгунский (16 мая 1858 г.) и Тяньцзиньский (1 июня 1858 г.) трактаты.

В соответствии с Айгунским договором «от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами», объявлялись «общим владением Дайцинского и Российского государств». Таким образом, Россия уже имела равные с Китаем права на Уссурийский край, а статья 9-я Тяньцзиньского договора прямо оговаривала право сторон на отправку разграничительных комиссий.

Сам Н.Н. Муравьев, получивший в 1857 г. почетную приставку к фамилии и с тех пор именовавшийся Муравьевым-Амурским, в июне 1859 г. посетил южное побережье края. У берегов гористого полуострова в глубине залива, названного англичанами Порт-Мэем, внимание губернатора привлекла узкая извилистая бухта, напоминавшая гавань

Константинополя. Следуя аналогии, Н.Н. Муравьев-Амурский нарек бухту Золотым Рогом, а весь обширный залив велел переименовать в залив Петра Великого. 20 июня 1860 г. в бухте был основан военный пост Владивосток, занятый отрядом из 40 солдат 3-й роты 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона под командованием прапорщика Н.В. Комарова. Пост, которому в будущем суждено было стать главным городом российского Дальнего Востока, не был первым русским опорным пунктом на южном побережье Приморья. Еще 11 апреля 1860 г. в Новгородской гавани залива Посъет возник пост под командованием лейтенанта П.Н. Назимова. Учреждение этого поста было заслугой командующего Тихоокеанской эскадрой, капитана 1-го ранга И.Ф. Лихачева.

Районы таинственной «Татарии», лежащие к югу от Амура, окончательно вошли в состав России по договору, подписанному 2 ноября 1860 г. в столице «Дайцинского государства» – Пекине. С подписанием Пекинского договора российско-китайская граница была установлена от слияния рек Шилки и Аргунь до устья реки Уссури и далее по рекам Уссури и Сунгача через озеро Ханка к реке Тур (Беленхэ), от ее устья по горному хребту к устью реки Хубиту (Хубту) по горам до реки Туманган (Тумэньцзян). Линия границы выходила на берег Тумангана на расстоянии около 12 километров от ее устья. «Отец» соглашения, генерал Н.П. Игнатьев, «подарил» отечеству богатейший регион площадью более 165 тысяч квадратных километров.

Бедное и малочисленное туземное население Приморья находилось в косвенной зависимости от цинских властей, выражавшейся в приношении дани пушниной. Помимо аборигенов в Уссурийском крае проживало некоторое количество китайцев. В подавляющем большинстве китайцы Уссурийского края представляли собой бессемейный, часто преступный элемент, имевший основание опасаться преследования властей и мстителей. В литературе приходится встречать указания на то, что Уссурийский край служил Китаю местом ссылки преступников. Такое утверждение опровергал знаток Приморья В.К. Арсеньев, считавший уссурийских китайцев исключительно «самовольными засельщиками». Как бы то ни было, не подлежит сомнению тот факт, что все немногочисленное китайское население нынешнего Приморья на момент появления здесь русской администрации находилось вне юрисдикции Цинской династии. На территориях к востоку от реки Уссури не было ни одного китайского военного поста, полностью отсутствовали административное деление и органы государственного управления, никогда не проводились переписи населения. Показательно, что численность китайского населения Уссурийского края вплоть до установления советской власти никогда не поддавалась достоверному учету и известна по приблизительным оценкам, весьма отличающимся друг от друга. В 1868 г. губернатор Приморской области контрадмирал И.В. Фуругельм сообщал о 7—10 тысячах китайцев, проживающих на вверенной ему территории. В то же самое время путешественник Н.М. Пржевальский оценивал численность уссурийских китайцев в 4—5 тысяч человек. Допустим, что русские, едва успевшие получить край под свое управление, еще не успели «познакомиться» с новыми подданными царя. А что же китайские власти? О том, насколько мало они были осведомлены о своих уссурийских «владениях», свидетельствует тот факт, что накануне переговоров в Айгуне пекинский двор, спохватившись, повелел своему главному представителю, хэйлунцзянскому губернатору И Шаню, выяснить и сообщить в столицу... размеры территории, находящейся под китайским «управлением» от рек

Уссури и Суйфун до Хинганского горного хребта. Далее от губернатора требовалось выяснить, размежевывалась ли граница по Уссури в прошлом.

Природные богатства Уссурийского края, близость к наиболее густонаселенным областям Маньчжурии и длительное отсутствие «начальственного попечения» сделали этот регион чрезвычайно привлекательным для китайских отходников, занимавшихся здесь разнообразными промыслами. Первыми китайцами, ступившими на землю Приморья, были искатели женьшеня. Вслед за ними появились представители других занятий – зверобои, соболевщики, ловцы морской капусты и «морских червей» (трепангов). Последними за полтора десятка лет до русских появились в крае китайские земледельцы: промыслы соплеменников расширялись и рабочий люд нужно было кормить. Уссурийских китайцев, не подчинявшихся цинским властям, русские с оттенком легкого пренебрежения называли «манзами». Владимир Арсеньев, сам не владевший китайским языком, со слов китаеведов толковал слово маньцзы как «полный или свободный сын». С таким же успехом маньцзы могло означать «выходец из Маньчжурии». Известный синолог архимандрит Палладий (П.И. Кафаров) считал, что этим прозвищем китайцев впервые наградили монгольские завоеватели XIII–XIV вв. Автору этих строк приходилось встречать и другое толкование слова маньцзы: «бродяга» или «беглый». Интересно, что сами уссурийские китайцы его не использовали, хотя иной раз называли себя паотуйцзы – «бегущие ноги».

Время появления хунхузов на территории Уссурийского края невозможно точно установить. Произошло это «знаменательное событие» тогда, когда «манзам» удалось достичь благосостояния и таким образом стать «достойными» хунхузского внимания. Поживиться, прямо скажем, было чем: за 1866 г. один только китайский промысел морской капусты в окрестностях Владивостока дал оборот капитала в 600 тысяч рублей! До появления в Приморье русской администрации и разграничения 1860 г. все местные жители – и китайцы, и «иностранцы» – находились вне полицейского надзора китайских властей, и какие-либо документальные сведения о здешней преступности отсутствуют. Однако уже спустя пять лет после основания поста Владивосток в ночь с 19 на 20 июля 1865 г. здесь было совершено нападение на фанзу «временно 2-й гильдии купца манзы Чун-гуй-ды Чаубай». Неизвестные вооруженные преступники убили самого купца и его работника, взломали денежный ящик и похитили всю хранившуюся в нем наличность. Русское население поста к тому времени состояло почти целиком из военных, чья жизнь была слишком на виду. Первое появление во Владивостоке русских «мазуриков» зафиксировано местным историографом Н.П. Матвеевым только год спустя, да и занимались они «всего лишь» бескровным воровством. Самым громким делом шайки стала кража... железа из единственной постовой кузницы. Убийство «временно 2-й гильдии купца» можно с большой долей вероятности приписать соотечественникам жертвы – хунхузам.

В 1866 г. произошло еще более громкое событие. В один из дней ноября к владивостокскому постовому начальнику пришел китаец и заявил, что банда хунхузов вырезала русское население на реке Цемухэ и движется к Владивостоку с намерением покончить с его жителями. Вечером того же дня другой китаец объявил, что бивак хунхузов находится уже в 15 верстах от поста. Гарнизон Владивостока был немедленно

приведен в боевую готовность, а на Цемухэ в спешном порядке отправился взвод линейных солдат при одном горном орудии. Каково же было всеобщее удивление, когда вместо пожарищ и трупов на месте предполагаемого набега разбойников были найдены невредимые русские селения. Источник ложной тревоги так и остался неизвестным, однако не подлежит сомнению, что своей целью он имел психологическое воздействие на личный состав постовых команд, являвшихся в это время единственным инструментом русского влияния в крае. Использование такого приема вполне отвечало уже знакомым нам особенностям хунхузской тактики, а главное – полностью соответствовало антирусским настроениям, распространившимся среди китайцев Приамурья и Уссурийского края к середине 1860-х гг. Дошло до того, что даже в Хабаровке (современный г. Хабаровск), уже превратившейся в один из основных военно-административных центров новых территорий, в присутствии начальника штаба сухопутных войск Приморской области полковника М.П. Тихменева, китайцы не стеснялись высказывать уверенность в скором изгнании русских. К нагнетанию подобных настроений, несомненно, прилагали руку и власти Маньчжурии. Ближайшим к Уссурийскому краю китайским административным центром был город Хуньчунь, где во второй половине XIX в. была ставка фудутуна (областного начальника). Еще зимой 1860/61 г. хунь-чуньский фудутун предъявил начальнику Новгородского поста капитану И.Ф. Черкавскому требование очистить занятую территорию. Встретив решительный отказ, цинский чиновник на другой день явился на пост в сопровождении отряда из 600 человек. Хуньчуньская рать расположилась на противоположном от поста берегу бухты Экспедиции. Рассчитывая запугать малочисленную русскую команду, фудутун послал по льду бухты нескольких офицеров, доставивших Черкавскому ультиматум. Капитан и не думал уступать. Его главным доводом в «территориальном споре» была артиллерия: три 12-фунтовых медных десантных орудия и 24-фунтовая пушка-карронада, снятая с транспорта «Манджур». Еще с вечера все пушки были заряжены ядрами, а одно десантное орудие – гранатой. Выпроводив парламентариев, Черкавский дождался, пока кавалькада не отъедет от поста на версту, и пустил через головы маньчжуров гранату, разорвавшуюся с большим перелетом. Посланцы подняли страшный крик и пришпорили лошадей. Вслед за десантным орудием выстрелила пушка-карронада, ядро которой пробило лед у самых копыт маньчжурских скакунов. Несколько человек от страха свалились с седел.

Открыв беспорядочную ружейную стрельбу, не причинившую русским никакого вреда, войско фудутуна спустя час убралось восвояси. Хуньчуньские китайцы, весьма довольные конфузом начальника-маньчжура, впоследствии рассказали Черкавскому, что чиновник организовал свою экспедицию, рассчитывая отличиться перед непосредственным начальником и получить повышение в чине. Впрочем, не стоит списывать набег хуньчуньской рати на самоуправство одного-единственного мандарина. Спустя три дня после выстрелов в Посьете фудутун направил гириному губернатору обстоятельное донесение о случившемся, не забыв приложить к бумаге осколки русской гранаты.

Не добившись успеха силой, хуньчуньские власти изменили тактику и принялись строить против русских соседей козни, в частности запретив подвластному населению поставлять постовым командам продовольствие. Среди уссурийских «манз» было много тех, кто не утратил связи с покинутой родиной и, в той или иной степени, находился под влиянием китайских властей. Подстрекательство подобных лиц к проявлению

враждебности составляло одно из направлений антирусской деятельности цинских властей Маньчжурии.

К сожалению, в ставке генерал-губернатора Восточной Сибири в Иркутске не склонны были рассматривать подобные угрозы всерьез и проявляли по отношению к китайскому населению неуместную снисходительность. Сам генерал-губернатор Михаил Семенович Корсаков, двоюродный брат, сподвижник и преемник Н.Н. Муравьева-Амурского, не усвоил уроки своего бывшего начальника, всегда ратовавшего за твердость в отношениях с китайцами. К тому же расплывчатые представления об экономическом потенциале Дальнего Востока обусловили неопределенность взглядов петербургских сановников на его дальнейшее развитие. На этом фоне немногочисленные уссурийские «манзы» с их экзотическими занятиями, вроде добычи морской капусты или женыпеневого промысла, вообще не казались иркутским властям достойными начальственного внимания. Оправдывая свое нежелание заниматься «манзовскими делами», военно-бюрократическая верхушка нашла лазейку в положениях Пекинского договора 1860 г., существенно ограничивавших применение к китайскому населению административных мер. Действительно, ряд статей договора определял права китайских насельников на свободное проживание в ставших русскими пределах, на занятие звериным и лесным промыслами, а также на подсудность китайским законам в случае претензий со стороны русских властей. Хотя речь в договоре шла только об оседлом китайском населении, которое на Амуре и в Уссурийском крае было малочисленно, иркутская администрация сочла возможным распространить действие Пекинского договора на бессемейных бродяг-отходников и сделать необоснованно широкий вывод о полной их недоступности русскому правосудию. Все это привело к тому, что в течение первых лет после заключения Пекинского договора китайцы вольны были делать на территории Уссурийского края все, что угодно. До поры до времени на территории нынешнего Приморья царил мир: русские не вмешивались в деятельность «манз», а последние не проявляли враждебности по отношению к русским.

Ситуация резко изменилась в 1865 г., когда администрация Приморской области начала осуществлять в Уссурийском крае ряд мер, направленных на усиление русских позиций. Власти наконец вспомнили высказанное еще в 1863 г. пожелание правительства об «устройстве на прочных основаниях главных пунктов на побережьях Японского моря». В 1865 г. начались работы по прокладке телеграфной линии между постом Новгородским и Хабаровкой, завершённые в 1867 г. Открытие телеграфного сообщения совпало с началом строительства Уссурийско-Новгородского тракта – первого колесного пути в истории российского Приморья. Кроме того, были изданы первые постановления администрации, запрещающие китайцам вырубку ценных дубовых лесов и разработку золотых месторождений, обнаруженных на территории края.

Действия китайских старателей вступали в прямое противоречие с интересами русского правительства. В этой ситуации даже неповоротливой и благодушной местной администрации поневоле пришлось обратить внимание на уссурийских китайцев, численность которых как раз в 1864–1865 гг. значительно увеличилась. Попытки русских властей регламентировать вольготную жизнь китайцев вызвали в последних сильное озлобление. В декабре 1867 г. в долине реки *censored*н начались выступления китайцев против русского населения. Жители *censored*нских деревень Владимирской и

Александровской, возникших в 1864–1865 гг., подверглись многочисленным притеснениям и побоям.

Попытки начальника *censored*нского участка поручика корпуса лесничих А.Г. Петровича навести порядок не дали результата. Ничего удивительного в этом не было: вооруженные силы империи в указанном районе были представлены двумя постовыми командами по 25 человек каждая, тогда как в распоряжении китайского «старшины» Ю Хая было три сотни вооруженных «манз». Сам А. Г. Петрович, будучи чиновником лесного ведомства, «исправлял» должность участкового начальника исключительно по причине отсутствия более достойных кандидатов. Ю Хай, присвоивший себе «преимущества и значение» фудутуна и возглавивший антирусские выступления, захватил посланную для его поимки малочисленную военную команду и в свою очередь потребовал от русского начальника признания «независимости» *censored*нских «манз». А.Г. Петрович, сознавая недостаток собственных сил, послал за помощью к начальнику Новгородского постового округа подполковнику Я. В. Дьяченко, находившемуся в селе Раздольном. Поставив в известность губернатора области, Дьяченко 24 декабря выступил на *censored*н во главе роты 3-го Восточно-Сибирского батальона численностью 120 человек. Во Владивостоке отряду были приданы два горных орудия.

Этот «разумный, спокойный и энергичный» офицер, ветеран освоения Амурского края, сыграл в истории края важную роль, что дает и заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. Яков Васильевич Дьяченко родился в Полтавской губернии в 1817 г. Уже в 15 лет он поступил на военную службу в Тираспольский конно-егерский полк. За пять лет службы в кавалерии молодому человеку удалось дослужиться до поручика. В 1841 г. семейные обстоятельства вынудили Якова Дьяченко выйти в отставку и вернуться на родину, однако спустя одиннадцать лет он вновь надел мундир поручика. Вся дальнейшая служба офицера оказалась связана с Сибирью и Дальним Востоком. Дьяченко пришлось выполнять разные поручения Н.Н. Муравьева-Амурского. Он сплавлился с войсками по Амуру, строил посты и станицы вдоль новых рубежей Отечества, командовал линейным батальоном... 30 мая 1858 г. под командованием Я.В. Дьяченко был основан нынешний город Хабаровск. Пройдя путь от Иркутска до залива Посъет, к 1866 г. подполковник Дьяченко был награжден за деятельную и беспорочную службу орденами Святой Анны III степени и Святого Станислава II степени. Командуя Новгородским постовым округом, Дьяченко выполнял обязанности не только военного, но и гражданского начальника. В 1869 г. Дьяченко стал полковником, а в 1871 г. его не стало.

Прибыв на *censored*н 1 января 1868 г., Дьяченко произвел на китайцев «сильное впечатление». Вооруженные отряды «манз» не оказали сопротивления. В течение десяти дней Дьяченко усмирал китайское население, наказывая виновных и продовольствуя отряд за их счет. «Старшина» Ю Хай и его помощники были арестованы и отправлены в Раздольное. 10 января Дьяченко счел возможным доложить губернатору области о водворении порядка. В то же время многим свидетелям *censored*нских событий было ясно, что проблема вовсе не решена. Виновники беспорядков понесли весьма мягкое наказание. «Манзы» по-прежнему оставались фактическими хозяевами края, превосходя числом и силой русское население – как военное, так и гражданское. Их «самоуправление» было де-факто признано... самим Дьяченко, назначившим на место Ю

Хая нового «старшину» из местных по имени Ли Гуй. Хотя подполковник намеревался усилить гарнизоны постов в окрестностях бухты Находка, для реализации этого намерения необходимо было время, так как солдатам попросту негде было жить. Кроме того, учреждение новых постов и незначительное усиление старых означало всего лишь разбрасывание немногочисленных сил по территории края и фактически только ослабляло русское военное присутствие к востоку от реки Уссури.

События конца 1867 – начала 1868 г. стали прологом кровавых событий «Манзовской войны» – мощного выступления «манз», поддержанного хунхузами и в течение трех месяцев угрожавшего самому существованию русского Приморья.

АСКОЛЬД – ОСТРОВ СОКРОВИЩ

В полусотне километров к юго-востоку от столицы Приморья лежит небольшой остров Аскольд. Площадь его невелика – около 15 квадратных километров, однако роль острова в истории края совершенно исключительна.

Словно часовой встречает Аскольд корабли, идущие во Владивосток и Находку от берегов Японии. Три высокие горные вершины, венчающие остров, открывают хороший обзор вод, омывающих южноуссурийское побережье. Со времен древних бохайских и чжурчжэньских мореходов остров служит естественным навигационным знаком для судов, бороздящих залив Петра Великого.

Приметный остров полюбился гидрографам. Подчиненные английского адмирала Сеймура, в 1855 г. завершившие здесь непродолжительные съемки уссурийского побережья, назвали его Терминэйшн-Пойнт (Конечный пункт). Спустя четыре года офицеры русского клипера «Стрелок» нарекли будущий Аскольд островом Маячный. Глубокий пролив, отделяющий остров от материка и соседнего острова Путятин, тогда же получил имя винтового фрегата «Аскольд» – самого красивого и быстроходного крейсера русского флота. Имя этого судна осталось в анналах не только морской, но и дипломатической истории России. В 1857 г. новейший корабль покинул Кронштадт для усиления отряда русских судов, незадолго до того отправленного на защиту русских интересов в водах Тихого океана. Вел «Аскольд» ветеран кругосветных плаваний, бывший командир прославленного фрегата «Паллада», капитан 1-го ранга И.С. Унковский. В 1852–1854 гг. на борту «Паллады» к берегам Японии отправилось русское посольство во главе с адмиралом Е.В. Путятиным – запомним это имя. Новый корабль поначалу доставил командиру и команде немало хлопот. Халатность строителей, использовавших при постройке фрегата железные гвозди вместо нержавеющей медных, привела к тому, что посреди Атлантики в корме «Аскольда» открылась сильная течь. Многочасовая борьба моряков за живучесть судна увенчалась успехом, и в начале 1858 г. фрегат появился в китайских водах. Здесь на палубу судна поднялся... адмирал Е.В. Путятин, в феврале 1857 г. вновь возведенный в ранг посланника и направленный в Пекин для решения пограничных вопросов. К концу 1857 г. переговоры зашли в тупик, и адмирал получил из Петербурга назначение начальником отдельной эскадры Тихого океана и императорским комиссаром. Основной задачей комиссара Путятиня было наблюдение за действиями англичан и французов, в 1856 г. навязавших Поднебесной

очередную «опиумную войну». «Аскольд» поднял флаг адмирала: орудия фрегата служили прекрасным подкреплением комиссарского авторитета. 1 июня 1858 г. Путятин, не забывавший о своем посольском ранге, заключил в Тяньцзине важный договор, утвердивший принципы русско-китайских отношений. А вскоре неутомимый адмирал покинул фрегат, чтобы отправиться с дипломатической миссией в Японию. На борту «Аскольда» его сменил другой знаменитый пассажир – генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Служба корабля на Дальнем Востоке продолжалась до 1860 г. 10 мая 1861 г. возвратившийся из дальнего вояжа «Аскольд» торжественно встречали в Кронштадте...

Однако вернемся к острову Маячный. В 1862–1863 гг. его окрестности были исследованы экспедицией подполковника корпуса флотских штурманов В.М. Бабкина на клипере «Разбойник» и двух корветах – «Новик» и «Калевала». Итогом этого предприятия стало издание в 1865 г. первой подробной русской карты залива Петра Великого. Начав работы в заливе Находка, один из отрядов экспедиции вскоре вплотную занялся Маячным. Начальник экспедиции решил, что название острова вводит в заблуждение моряков, незнакомых с местными условиями: никакого маяка на берегах острова тогда не только не было, но и не предвиделось. Недолго думая подполковник Бабкин приказал переименовать Маячный по названию омывающего пролива. Так на морской карте появился остров Аскольд.

Какое-то время остров посещали только ловцы морской капусты, однако в 1867 г. все переменялось. На Аскольде было найдено золото.

О существовании в Уссурийском крае залежей желтого металла китайцы узнали гораздо раньше русских. Возможно, им было известно и о россыпях Аскольда, однако только в начале 1867 г. вокруг них разразилась подлинная золотая лихорадка. Привлеченные слухами о внезапно открывшихся несметных богатствах, сюда устремились толпы китайских старателей. Их ватаги нескончаемым потоком шли от маньчжурской границы к берегам пролива, за которым виднелись вершины вожделенного острова сокровищ. В заливе Петра Великого маячили паруса китайских джонок, спешивших в том же направлении. По пятам за старателями, привлеченные наживой, следовали шайки хунхузов, до поры до времени ничем себя не проявлявшие. Несмотря на то что наплыв китайцев продолжался все лето 1867 г., русские долгое время ничего не знали о прииске на редко посещавшемся острове. Первыми о происходящем услышали на посту в заливе Святой Ольги. Как раз в этот момент в гавань зашла 300-тонная военная шхуна «Алеут», занимавшаяся снабжением прибрежных постов края. По пути во Владивосток ее командир, лейтенант А.А. Этолин (к слову – друг юности адмирала С.О. Макарова) решил выяснить обстановку на Аскольде. 3 сентября, подойдя к острову, моряки застали там лихорадочную деятельность «манз», промывавших золото. Высадившись на берег с 15 матросами, командир шхуны насчитал там до 500 китайских старателей и конфисковал у них около 5 фунтов золота. По требованию Этолина китайцы нехотя прекратили работы, однако покидать остров отнюдь не спешили. Было ясно, что промывка возобновится сразу же после того, как мачты шхуны исчезнут за горизонтом. Не теряя времени, командир «Алеута» отправился во Владивосток и затребовал у местного постового начальника А.А. Горяинова вооруженный караул для Аскольда. Не склонный к энергичным действиям

пожилой начальник тем не менее удовлетворил просьбу Этолина и выделил 18 солдат и 6 артиллеристов при одном горном орудии.

5 сентября 1867 г. высаженный с «Алеута» десант очистил остров от старателей. Предвидя дальнейшие попытки китайцев вернуться к разработке прииска, областное начальство в лице губернатора контр-адмирала И.В. Фуругельма приняло меры к усилению военного присутствия на прилегающих к Аскольду участках побережья. Для контроля за проливом, отделяющим от материка богатые золотом острова Аскольд и Путятин, в конце сентября 1867 г. в заливе Стрелок был учрежден военный пост в составе 25 человек под начальством артиллерии поручика Н.Н. Каблукова – так называемый Стрелецкий пост.

21 октября, когда «Алеут» стоял во Владивостоке, с одним из членов команды произошла следующая неприятная история: в шестом часу вечера мичман А.А. Усов и механик шхуны А.К. Геек, проходя мимо китайской слободки на окраине поста, услышали шум и крики о помощи. Двое «манз» держали матроса Котенко за руки, а третий бил его палкой по ногам. С помощью прохожих офицеры задержали китайцев. Узнав о случившемся, Этолин приказал доставить задержанных, а также хозяина фанзы на шхуну. Уже на судне, воспользовавшись оплошностью часового, один из задержанных сумел бежать. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: нападение китайцев – попытка мести за разгон старателей. Действия «манз» не испугали моряков, однако опасения за судьбу острова и его богатств оставались, тем более что караул с Аскольда был снят.

19 апреля шхуна «Алеут» вновь подошла к острову Аскольд. Картина, представшая глазам команды, ничем не отличалась от той, что они уже видели в сентябре минувшего года: весь берег бухты Наездник покрывали сотни китайских старателей. Когда лейтенант Этолин во главе отряда из двух десятков человек на трех шлюпках направился к берегу, «манзы» спешно поднялись на склоны прибрежных гор и укрылись под защитой леса. Навстречу высадившимся направилась группа из 50 невооруженных китайцев, в числе которых Этолин узнал одного артельного старшину, запомнившегося ему с прошлого года. Заметив интерес русского офицера, китаец попытался бежать, однако был схвачен Этолиным и подоспевшими матросами. Сразу же вслед за этим с опушки леса прозвучал выстрел, поразивший одного из моряков. Тот же выстрел стал сигналом к атаке на десант. Под прикрытием беглого огня стрелков, укрывшихся на ближайших высотах, сотни китайцев бросились на Этолина и его спутников. Вооруженные холодным оружием и камнями, «манзы» отрезали десант от шлюпок и набросились на охраняющих их дневальных. Не ожидавший организованного нападения Этолин тем не менее не растерялся и с револьвером в руках повел десант на прорыв к гребным судам. В бою были убиты еще два матроса. Когда уцелевшие заняли места в шлюпках и отгребли на безопасное расстояние, с «Алеута» прозвучал орудийный выстрел, не причинивший, впрочем, никакого вреда нападавшим: стоящую на якоре шхуну развернуло кормой к берегу и «манзы» оказались вне угла обстрела корабельных пушек. Поднявшись на борт, лейтенант Этолин приказал развести пары и сделать несколько картечных выстрелов по бесновавшимся на берегу китайцам. Стычка продолжалась около часа и стоила жизни трем матросам. В их печальной участи сомневаться не приходилось, так как «манзы»

демонстративно подтащили трупы к берегу и разрубили на куски. Два офицера (врач Кюзель и подпоручик Петрович) и восемь нижних чинов получили ранения разной степени тяжести. В руках китайцев остались пять винтовок и восемь пистолетов.

Присутствие на острове большого числа вооруженных людей и организованный характер нападения не оставили у Этолина сомнений в том, что старатели вступили в сговор с хунхузами и решили сопротивляться русским властям силой. Зная, что в распоряжении «манз» имеются лодки, лейтенант перевел «Алеут» к северному берегу Аскольда. Необходимо было блокировать остров до прибытия помощи. Поскольку получить ее можно было только из Владивостока, Этолин отправил туда на парусном вельботе гидрографа лейтенанта М.П. Крускопфа. Между тем усилившийся ветер поднял сильное волнение. Зная, что большая часть «манзовских» джонок находятся на соседнем острове Путятин и в штормовую ночь не смогут подойти к Аскольду, командир «Алеута» решил идти во Владивосток для оказания помощи раненым и пополнения запасов топлива. Крейсерство шхуны у берегов Аскольда возобновилось около полудня 20 апреля. Вскоре по приглашению Этолина на судно прибыл поручик Н.Н. Каблуков с 13 солдатами. На совещании офицеров было принято решение конфисковать все «манзовские» лодки и собрать их под охраной на острове Путятин. Немедленному осуществлению задуманного помешал густой туман, который было решено переждать на якоре. Этой стоянкой Этолин воспользовался для встречи с «манзовским старшиной» Ли Гуем, которому поручил выяснение численности аскольдовских хунхузов и сбор лодок «мирных манз». Последние было решено держать под отдельным караулом и со временем вернуть законным владельцам. Уже одно это показывает, что в своих действиях в отношении китайцев командир «Алеута» был далек от какого бы то ни было произвола. 21 апреля лейтенант Крускопф привел из Владивостока палубный железный баркас. Это суденышко, а также бот, которым командовал мичман А.А. Усов, немедленно приняли на борт поручика Каблукова с солдатами и отправились в крейсерство между Аскольдом и Путятином. Сам Этолин приступил к осмотру матерого берега и сбору лодок, которых к двум часам дня 21 апреля набралось до двадцати.

Ли Гуй, все время заверявший русское начальство в лояльности, фактически саботировал распоряжения Этолина, не только не оказывая помощи в блокаде островов и реквизиции джонок, но и распространяя слухи о скором прибытии из Нингуты двухтысячного китайского войска с артиллерией. Эти рассказы лишь укрепили Этолина в стремлении как можно скорее уничтожить джонки, находившиеся на Путятине. Для выполнения этой задачи на остров высадился поручик Каблуков с отрядом солдат. 24–25 апреля «Алеут» успел сходить во Владивосток за топливом и небольшим подкреплением, присланным из Раздольного подполковником Я.В. Дьяченко. В ночь с 25 на 26 апреля шхуна уже находилась у берегов Путятин, где на борт судна вновь прибыл поручик Каблуков.

Ранним утром 26 апреля произошло событие, показавшее, что на материковом берегу аскольдовских хунхузов имеются многочисленные и весьма решительно настроенные сообщники. Около 4 часов утра, под покровом тумана, Стрелецкий пост был атакован китайцами в числе около тысячи человек. Очевидно, нападение на пост имело цель отвлечь внимание русских от блокады Аскольда. За два дня до этого близ поста был

схвачен хунхузский связной, пытавшийся установить контакт с китайцами, арестованными на Пуятине. Опасение, что русские сумеют выведать у пленника планы разбойников, очевидно, и спровоцировало нападение. В отсутствие начальника постом командовал фельдфебель. В распоряжении 26 человек личного состава было всего 10 ружей, так как постовое оружие было передано Каблуковым в распоряжение Этолина. Несмотря на некоторые меры по укреплению поста, принятые 23 апреля, положение гарнизона было отчаянным. Часовой, поздно заметивший нападавших, все же сумел поднять тревогу и тем спас жизнь своим товарищам. Убив солдата и захватив в плен другого караульного, хунхузы окружили пост. Попутно ими был пойман замешкавшийся постовой фельдшер, которого разбойники подвергли жестоким истязаниям. Остальные солдаты, дав залп, разбежались. «Манзы» подожгли пост и рассредоточились по окрестным сопкам.

Узнав о случившемся, Этолин высадил у сожженного поста Каблукова с солдатами, а сам принял меры к розыску спасшихся. Вскоре все они, включая чудом уцелевшего в плену у хунхузов часового, собрались на борту шхуны. Этолину было ясно, что волнения охватили не только острова, но и материковую часть края. Повесив для острастки разбойников трех пуятинских хунхузов и завершив уничтожение джонок, командир «Алеута» ушел во Владивосток. Гребные суда, ранее предназначавшиеся к самостоятельному крейсерству в проливе Стрелок, Этолин счел за лучшее увести с собой.

На действиях защитников края печальным образом сказывался недостаток паровых судов. Нельзя сказать, что эту проблему не пытались решать. Еще осенью 1867 г. контрадмирал И.В. Фуругельм, не только возглавлявший администрацию Приморской области, но и командовавший Сибирской флотилией, направил во Владивосток канонерскую лодку «Соболь» под командованием капитан-лейтенанта М.А. Усова. Однако корабль потерпел аварию уже в Амурском лимане и вынужден был вернуться на базу в Николаевске-на-Амуре.

Разумеется, Этолин не забыл о «манзах», остававшихся на Аскольде. Лейтенант планировал как можно скорее вернуться к острову, надеясь, что туман и отсутствие джонок не позволят хунхузам сбежать на материк. Этой надежде не суждено было сбыться. Прибыв во Владивосток, Этолин оказался заложником паники, охватившей майора Горяинова. Пожилой начальник поста, напуганный событиями в Стрелецком посту, не дал лейтенанту ни одного солдата и тем задержал возвращение шхуны. Навести порядок удалось только прибывшему подполковнику Дьяченко, который немедленно отстранил Горяинова от командования и временно заменил его Этолиным. Когда 1 мая «Алеут» с Дьяченко на борту подошел к Аскольду и соединился в бухте Наездник с отрядом Пффингстена, ранее подошедшим из Посыета на барке Российско-Американской компании «Нахимов», остров уже двое суток пустовал. Более тысячи китайцев, связав плоты, переправились на материк тихой ясной ночью с 28 на 29 апреля.

Соединение «манзовских» сил сразу же ознаменовалось сожжением деревни Шкотовой на реке Цемухэ. Две крестьянские семьи, не успевшие уйти в тайгу, были безжалостно вырезаны хунхузами. Словно разрушительный вал прошли разбойники по дорогам края. Ими были сожжены деревни Суйфунская и Никольская – будущий город Уссурийск. Для

подавления беспорядков были мобилизованы все военные силы Приморья, на помощь им двинулись казаки Амурского войска и сводный стрелковый полубатальон из Хабаровки.

Лишь 29 мая 1868 г. русские войска встретили главные силы повстанцев у станка Дубининского близ современной станции Дальневосточной железной дороги, носящей, кстати, то же название. Китайская рать была рассеяна, однако из-за нерешительных действий начальника отряда, командира Уссурийского казачьего батальона подполковника Н.Ф. Маркова, трем сотням хунхузов удалось не только уйти на китайскую территорию, но и увезти 10 возов награбленного добра. Преследование мелких хунхузских шаек на территории края продолжалось до середины июля 1868 г.

Лейтенант А.А. Этолин со своими людьми фактически вынес на своих плечах первый этап кампании, вошедшей в историю России под именем «Манзовской войны». Начальство не поскупилося на награды: командир «Алеута» получил золотое оружие, орден Святого Владимира и производство в очередное звание.

А как же Аскольд? На острове сокровищ, увы, ничего не изменилось. В августе 1873 г. корвет «Витязь» зашел в бухту Наездник на острове Аскольд. На том самом берегу, где за пять лет до этого моряки «Алеута» отбивались от наседающих китайцев, команда корвета насчитала до тысячи старателей-«манз», занятых тем же самым противозаконным промыслом! Не успел «Витязь» отдать якорь, как из бухты в разные стороны устремились два десятка больших китайских джонок, чьи пассажиры явно не были заинтересованы в близком знакомстве с русскими военными. Обеспокоенное областное начальство поспешило отдать право на разработку островного золота купцу И.И. Кустеру. Новый владелец начал с того, что отправил на остров охрану и назначил управляющего прииском. Им стал человек, весьма известный в истории Приморья. 34-летний уроженец царства Польского Михаил Янковский был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 г. Водворенный на поселение бывший дворянин не пал духом и занялся чисто сибирским бизнесом – добычей золота. Затем были участие в научных исследованиях на Амуре и жизнь во Владивостоке. Оказавшись на Аскольде, Янковский не только быстро наладил работу прииска, но и завез на остров небольшое стадо пятнистых оленей. Быстро обжившиеся животные стали еще одним сокровищем Аскольда, обеспечив острову славу первого в мире оленьего питомника. Восстановившись в правах дворянства, Янковский в 1879 г. покинул Аскольд и активно занялся предпринимательством. Ко времени отъезда из Приморья в 1909 г. в активе бывшего ссыльного были высокодоходная ферма и книжная торговля с отделением в Никольске-Уссурийском, конный завод и кожевенное дело.

Янковскому удалось раз и навсегда очистить Аскольд от старателей-хищников и их «краснобородых» друзей. Разбойников, скрывавшихся в бараках приискового поселка, начальнику удалось выявить благодаря подсказке старшин рабочих артелей: руки хунхузов, не знакомых с киркой и заступом, не знали трудовых мозолей...

Последнее яркое событие в истории острова Аскольд было связано с Русско-японской войной 1904–1905 гг. Еще в 1892 г. командование Владивостокской крепости оборудовало на выгодно расположенном острове передовой наблюдательный пункт, связанный с

материком телеграфным кабелем. Эффективность этой меры подтвердилась 22 февраля 1904 г., когда к Владивостоку подошла эскадра японских броненосных крейсеров адмирала Камимурэ. Пост на острове Аскольд сообщил о приближении неприятельских кораблей за три часа до их появления в виду крепости. Наблюдатель-телеграфист Андросов получил за бдительность Георгия.

ГАЛЛЬСКИЙ ЛИС В ХУНХУЗСКОМ КУРЯТНИКЕ

Весна 1868 г. выдалась горячей. Молодой русской администрации Уссурийского края за восемь лет своего существования доводилось преодолевать всякие трудности, но такое... Словно бес вселился в уссурийских китайцев. «Манзы» и раньше не слишком радовались появлению русских в крае, который давно считали своей неотъемлемой собственностью, однако дальше мелких пакостей и отдельных стычек с поселенцами дело не шло. Теперь все было по-другому: объединившись, «манзы» собрали целую рать, громившую молодые русские деревни и не боявшуюся «показывать зубы» войсковым командам. Под прикрытием китайских полчищ шли хунхузы. В кипящем котле бунта их атаманы видели прекрасную возможность не только пограбить в свое удовольствие, но и отомстить ненавистным русским «капитанам», наложившим руку имперского закона на хунхузскую золотодобычу. Попытка «запереть» разбойную вольницу на приисках прибрежных островов Аскольд и Путятин провалилась – экипажу военной шхуны «Алеут», в одиночестве крейсировавшей у берегов Приморья, не под силу было уследить за обширной акваторией.

Начальник Новгородского постового округа подполковник Я.В. Дьяченко, возглавивший подавление беспорядков, оказался в трудной ситуации. Малочисленный личный состав подчиненных ему линейных батальонов был разбросан по караулам и постам, прикрывавшим русско-китайскую границу и побережье. По разумению стратегов из штаба Восточно-Сибирского генерал-губернаторства выходило, что «внешнего супостата» можно ждать только с моря или из Маньчжурии. Жизнь рассудила по-другому: враг нежданно-негаданно поднял голову во внутренних районах Приморья. Теперь войска нужно было срочно собирать в единый кулак – настолько срочно, насколько позволит первозданное уссурийское бездорожье... К тому же боевой дух и подготовка вверенных Дьяченко войск оставляли желать много лучшего. Солдатики были более привычны к лопате и топору, чем к штыку и винтовке. Иным «чудо-богатырям» годами не случалось видеть оружие даже в карауле. Господа офицеры привыкли видеть себя скорее распорядителями казенных работ, нежели боевыми командирами. В редкие минуты досуга мысли начальников были заняты сладкими мечтами о грядущей пенсии и отъезде из опостылевшей тихоокеанской глуши. Энергичных и быстрых действий от подчиненных ждать не приходилось... В довершение всех бед испортившийся телеграф, единственное средство оперативной связи с внешним миром, уже несколько дней не позволял известить о происходящем ставку военного губернатора Приморской области в Николаевске-на-Амуре.

Измученный бесчисленными заботами, а наипаче всего – отчаянной нехваткой толковых людей, Дьяченко 29 апреля 1868 г. прибыл во Владивосток. Начальник округа еще не знал, что накануне ночью полуторатысячная масса хунхузов на плотях переправилась с

острова Аскольд на матерый берег. Тем не менее опытный офицер допускал такое развитие событий. Следовало подумать и представить, каковы будут действия разбойников, окажись они на материке. Очевидно было, что первым делом хунхузы примутся грабить всех, кто на беду свою попадетс я им на дороге. Постепенно увеличивающаяся добыча будет все более и более отягощать шайки. Рано или поздно, но обоз с награбленным заставит хунхузов уйти на китайскую территорию. При этом на пути шаек неизбежно встанет внушительная водная преграда – река Суйфун, изрядно поднявшаяся после таяния снегов в маньчжурских горах. Суйфун вброд не перейдешь и на коне не перепрыгнешь! Хунхузам понадобятся лодки, а этого добра по берегам реки местными «манзами» припасено в изобилии. Нужно было срочно отрядить специальную команду в устье Суйфуна – пускай идет вверх по течению, разрушая китайские переправы. Но кто возглавит эту группу? Этому офицеру придется постоянно оценивать ситуацию и принимать самостоятельные решения. Значит, должен быть скоропонятлив и инициативен. Должен уметь внушить уважение подчиненным. Да и боевой опыт не помешает: «манзы» нынче ненадежны, так что можно ожидать всякого...

«Свободных» офицеров не имелось. Командиры линейных батальонов Пффингстен и Корольков оказались далеко – о них вообще можно было не думать. Бравый командир «Алеута» А.А. Этолин был слишком нужен на своей шхуне. К тому же Дьяченко только что назначил моряка начальником всех морских и сухопутных сил во Владивостоке, сместив с этой должности постового начальника, вялого и трусоватого майора А.А. Горяинова. Штабс-капитана Г.В. Буяковича подполковник поставил во главе сборных войск, отправляемых в горячую точку края – на *censored*н. Прапорщика Майлова следовало оставить во Владивостоке: кто-то должен был принять под начало владивостокскую постовую команду.

Течение военной мысли Дьяченко прервал денщик, доложивший о приходе посетителя. Некий отставной телеграфист просился на военную службу волонтером. К тому же французский подданный! Вишь ты, приключений захотелось иностранцу... Подполковник принял посетителя, довольно бойко говорившего на уморительно-ломаном русском языке. Отставной солдат французской армии Лаубе и впрямь оказался настоящим искателем приключений. Средних лет, сухощавый, подвижный. По словам Лаубе, несколько лет ему довелось провести на службе в Алжире, где начиная с 1830 г. французские колониальные войска вели нескончаемую войну со свободолюбивыми магрибинцами. Лаубе вдоволь надышался пороховым дымом, воюя с отрядами повстанцев в песках Сахары и отрогах Атласа. Выйдя в отставку, Лаубе не усидел дома и отправился странствовать. В конце концов судьба занесла его в Тмутаракань российского Дальнего Востока, где он окончил школу телеграфистов в Николаевске и поступил в штат амурского телеграфа. Строительство линии, связавшей Новгородский пост в заливе Посьет с Николаевском-на-Амуре, завершилось к началу 1867 г. Проектировщик и строитель телеграфа, полковник Д.И. Романов, был грамотным инженером, однако действовала линия, что называется, через пень-колоду. Постоянные обрывы провода, протянувшегося без малого на две тысячи верст, были причиной частых перерывов в работе телеграфа. Неизвестно, на какой из 12 станций амурского телеграфа работал Лаубе, однако служебная рутина и жизнь в глухомани быстро наскучили французу. Неугомонной натуре галла хотелось дела. Таким делом, сохранившим имя Лаубе в анналах истории, стала «Манзовская война» 1868 г.

По-видимому, основным фактом биографии экс-телеграфиста, повлиявшим на решение Дьяченко, был боевой опыт француза. Подполковник принял Лаубе на службу волонтером и поставил во главе маленького отряда из пяти солдат, отправлявшегося на Суйфун. Дальнейшие события показали, что начальник не ошибся в своем новом подчиненном.

Высадившись в устье Суйфуна, 1 мая 1868 г. отряд Лаубе был на посту Речном. Здесь француз узнал о шайке хунхузов численностью до 70 человек, которая накануне пришла со стороны реки Цемухэ, переправилась через реку и скрылась в горах. К удивлению постовой команды, француз со своими людьми немедленно бросился в погоню. Вечером 3 мая партия Лаубе настигла хунхузов на таежной речке Эльдагоу. Старый алжирский солдат бесшумно подвел людей вплотную к лагерю шайки, дал залп и бросился в атаку. Хунхузы, не ожидавшие столь смелого нападения, ударились в панику. Несколько бандитов были убиты, два десятка схвачены, остальные разбойники разбежались. Первый успех ободрил Лаубе и внушил уверенность его людям. Пленные хунхузы порядком отягощали отряд. Поэтому было решено доставить их на пост Речной, а оттуда – во Владивосток. По пути на пост Лаубе удалось выведать у пленных важные сведения о хунхузских силах и планах. Дело было так: караульный солдат понимал по-китайски. Он случайно подслушал их разговор и узнал, что один из узников, в сущности, не имеет к хунхузам никакого отношения. Мужик занимался ловлей трепанга близ устья *censored*на, когда местные «манзы» силой заставили его вступить в свое «ополчение». В лагере повстанцев он встретил многочисленных хунхузов, а также цемухинских китайцев, примкнувших к *censored*нцам для борьбы с русскими. Тех, кто пытался избежать «службы китайскому делу», попросту убивали. Понятно, что ловец не стал упорствовать и в конце концов оказался в рядах хунхузов. Шайка пробиралась в Маньчжурию, и китаец решил примкнуть к ней только для того, чтобы поскорей покинуть ставший беспокойным Уссурийский край. По словам ловца трепанга, основную силу цемухинского «ополчения» составляли члены шайки хунхуза Дын Соа, 26 апреля сжегшие русский военный пост в заливе Стрелок, а затем, в последних числах того же месяца, разгромившие деревню Шкотову и вырезавшие две крестьянские семьи. Дын Соа, постоянно проживавший в маньчжурском городке Нингута, регулярно навещался со своей шайкой в Уссурийский край для добычи золота. На Цемухэ у него имелись фанзы, а шайка была хорошо вооружена огнестрельным оружием. По словам китайца, Дын Соа намеревался воспользоваться беспорядками, чтобы напасть на Владивосток, для чего постоянно засылал в окрестности поста лазутчиков.

Обеспокоенный такими известиями, Лаубе немедленно отправил из Речного донесение на имя Дьяченко. В нем француз, помимо всего прочего, извещал подполковника о своих планах провести рекогносцировку прилегающего к устью Суйфуна побережья Амурского залива, а также долины реки Монгугай. От корейцев, принявших русское подданство и поселившихся в этих местах, приходили тревожные сообщения о многочисленных шайках хунхузов, бродивших в тайге. Инициативного Лаубе не смущало ни отсутствие воинского звания и полномочий, ни то, что исходное поручение, данное ему подполковником Дьяченко, было совсем другим... Старый солдат рвался в бой и нисколько не сомневался в успехе. Несмотря на немалые масштабы поставленной перед собой задачи, Лаубе просил начальство прислать в качестве подкрепления всего лишь... пятерых солдат.

Получив рапорт Лаубе, подполковник Дьяченко пришел в восторг и немедленно отправил в Речной требуемых солдат. Ожидая подкрепление, Лаубе и не думал сидеть сложа руки. За два дня он с оставшимися людьми объехал ближайшие окрестности поста и собрал все «манзовские» джонки, которые удалось найти. Три десятка собранных суденышек были уничтожены. Дождавшись прибытия посланных из Владивостока, «русско-французские силы» выступили в поход на Монгугай.

Выражаясь языком современной войны, старый алжирский солдат Лаубе был прирожденным полевым командиром. Он не только умел воевать сам, но и умел учиться у своего противника. Он широко использовал трофейное оружие, раздав своим солдатам хунхузские ножи и небольшие топоры. Каждый боец обязан был иметь при себе веревку. Отряд получил приказ оставить при себе только самое необходимое, бросив все лишнее в Речном. Лаубе заражал подчиненных смелостью и энергией, подкупал заботой и истинно галльским искрометным юмором. Команда Лаубе фактически представляла собой партизанский отряд, и, как обычно бывает в подобных формированиях, власть француза держалась исключительно на том авторитете, который ему удалось завоевать у подчиненных. Этот авторитет был поистине непререкаем!

Достигнув долины Монгугая, Лаубе услышал от корейцев многочисленные жалобы на жестокости хунхузов, совершивших несколько убийств среди мирного населения. По словам поселенцев, головорезы численностью более сотни человек укрывались в уединенной фанзе, носившей прозвище Богатой. Лаубе понял, что силами одного отряда ему с шайкой не справиться. Взяв людей со станции выючного тракта, француз собрал под своим командованием 17 человек. То, с какой легкостью удалось бывшему телеграфисту уговорить личный состав станции принять участие в опасной экспедиции, лишний раз свидетельствует о силе характера француза, неотразимо действовавшего на всех окружающих. Взяв корейца-проводника, отряд отправился в разбойничий притон. Богатая фанза представляла собой обширный двор, окруженный постройками и обнесенный высокой глинобитной стеной. Расставив людей, Лаубе атаковал фанзу и нанес хунхузам значительный урон. Численное превосходство шайки, а главное – толщина неожиданно прочных стен подворья заставили команду отступить. В ходе боя один из солдат был ранен пулей в грудь, а у самого Лаубе была в трех местах прострелена одежда. Это был, пожалуй, единственный случай, когда французу не удалось добиться успеха.

Неудача не подорвала боевой дух алжирского ветерана. Отряд продолжил охоту за мелкими шайками, а во Владивосток отправилось донесение, в котором Лаубе излагал свой взгляд на организацию борьбы с бандитами. По мнению француза, для эффективной защиты населения необходим отряд численностью минимум полсотни солдат. Залог успешного штурма опорных пунктов хунхузов Лаубе видел в применении артиллерии.

Донесение не застало Дьяченко во Владивостоке. Подполковник заканчивал необходимые дела в Посъете. 12 мая 1868 г. он выехал в село Раздольное и, двигаясь берегом залива, спустя два дня... предстал перед Лаубе собственной персоной. Выслушав доклад француза, Дьяченко решил лично принять участие в обследовании долин Монгугая и Амбабира. Узнав о прибытии русского начальника, хунхузы бежали в горы. Была покинута даже неприступная Богатая фанза. Дьяченко смог продолжить путь в Раздольное,

а отряд Лаубе углубился в тайгу и продолжил охоту на хунхузов, продолжавшуюся до самого конца кампании.

Увы, молодецкие действия француза не принесли ему безусловно заслуженной награды. Последним поручением командования, которое Лаубе получил в середине июня 1868 г., была разведка горного района, лежащего между реками Мо, Лефу и Майхэ. Исполняя поручение, отряд Лаубе сжег несколько уединенных китайских фанз. Подобные действия представляли собой точное исполнение требований полковника М.П. Тихменева, вступившего в командование войсками Южно-Уссурийского края. Фанзы и мелкие китайские деревни, затерянные в тайге, были главной базой хунхузничества в крае. Продолжая движение, Лаубе послал командованию два донесения. Во втором из них волонтер сообщал, что получил известие о близости хунхузов. В этом же донесении Лаубе, как о чрезвычайном обстоятельстве, сообщал об обнаружении в одной из «манзовских» деревень... китайки. Это было интересное известие, так как до той поры в Уссурийском крае жили только мужчины – китайцы.

Поиски хунхузов заставили Лаубе отклониться от предписанного маршрута и прийти на пост Камень-Рыболов на берегу озера Ханка. Находившемуся там же временному командиру 3-го Восточно-Сибирского батальона майору В.Д. Мерказину, по всей видимости, не понравилось, что солдатами русской армии командует какой-то иностранец сомнительного происхождения. Надо полагать, что столь же негативное впечатление произвел на майора «неуставной» внешний вид подчиненных француза. Попытки Лаубе объясниться привели к конфликту, в результате которого Мерказин приказал арестовать волонтера и послал рапорт генерал-губернатору М.С. Корсакову.

На беду Лаубе, до прибытия в командировку в Уссурийский край В.Д. Мерказин был личным адъютантом генерал-губернатора. М.С. Корсаков, до последнего отказывавшийся верить, что «мирные» уссурийские китайцы помогают хунхузам, ухватился за мерказинский рапорт и приказал судить Лаубе военным судом. Неизвестно, как сложилась бы судьба француза, если бы не вмешательство Дьяченко и Тихменева. Их характеристики, а также личное знакомство генерал-губернатора с обстановкой в крае, заставили Корсакова отменить скоропалительное решение и назначить расследование, быстро подтвердившее неправоту майора Мерказина.

Лаубе был освобожден, однако, как часто бывает в России, «неприятный осадок остался». Бесспорный герой «Манзовской войны» не получил за свои подвиги никакой награды. Дальнейшая судьба храброго француза, в трудную минуту вставшего на защиту интересов России, осталась неизвестной...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ ШТАБС-КАПИТАНА ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Юного Николая никто не мог упрекнуть в робости. Еще молоко не обсохло на губах у кимборовского барчука, а он уже не боялся выходить с дареным ружьем на крупную дичь, зарядом дрови в глаз укладывая матерого волка. Гувернер братьев Пржевальских, дядюшка Павел Алексеевич Каретников, сам бывалый охотник, с удовольствием подкручивал ус: мой выученик! Никто в семье не сомневался, что сын ветерана 1812 г.

рожден для военной службы, да небось еще и в самом горячем месте. «Вырастет Колька – отошли его служить на Кавказ!» – говорили матери соседи.

Для самого Николки Пржевальского охотничьи утехы также были всего лишь закалкой, единственным достойным способом скоротать время в ожидании той волнующей минуты, когда он под гром пушек и пение полковых труб выйдет на поле брани для блистательных подвигов. Именно такой видел военную службу мальчик, разгоряченный чтением книг: красивой, легкой, полной благородных героев, каждый из которых – рыцарь без страха и упрека.

Последний год учебы в Смоленской мужской гимназии дался старшему сыну вдовы Екатерины Алексеевны Пржевальской особенно тяжело. Шла Крымская война, на далеком юге сражался осажденный Севастополь, а он, полный сил 16-летний дворянин, «протирал штаны» за партой. Но вот он, сладкий миг свободы – экзамены позади, а маменька уже давно обещала определить в службу... Радость изрядно подпортило известие о замирении с союзниками, ну да ладно – вся жизнь впереди, найдется и для него ратное дело. Только бы поскорей в полк... Все лето, пока матушка занималась делами имения, а брат Володя корпел над книгами, готовясь к поступлению в университет, Николай с возросшим пылом предавался любимой охоте. 4 сентября 1855 г. во дворе усадьбы с утра стояла исправленная и запряженная коляска – барыня со старшими сыновьями отправлялась в Москву. Начиналась новая жизнь.

11 сентября 1855 г. Николай Пржевальский поступил унтер-офицером в сводно-запасной Рязанский пехотный полк 18-й сводной дивизии. Спустя несколько дней сформированная часть выступила в поход. Трудности ежедневных 30-верстных переходов и неприкрашенная полковая жизнь ошеломили юношу. Привыкший к простой, но сытной и вкусной домашней кухне, «рыцарь без страха и упрека» быстро отощал на щах, цветом похожих на «самые грязные помои». Уездный городок Белев Тульской губернии, где в конце 1855 г. оказался Пржевальский, встретил его невыносимым холодом казенной квартиры и раблезианскими нравами армейского офицерства. Юнкерами и вольноопределяющимися никто не занимался, и томительное ожидание производства в офицеры скрашивали Пржевальскому книги да... сушеные груши «по 10 копеек ассигнациями за фунт». Слегка разочарованный армейской жизнью, но по-прежнему мечтающий о подвигах, Николай во многом оставался ребенком. Пользуясь свободой, царящей в Белевском полку, к которому он оказался приписан, будущий путешественник уходил в лес «на охоту» и часто плакал там в одиночестве. Крестьяне, встречавшие исхудавшего юношу, участливо спрашивали: «За что тебя, молодого такого, в солдаты-то отдали?»

Прелесть военной службы рушилась в глазах Николая, к тому же объявленный поход полка в Финляндию, о котором он так мечтал, был отменен. И все-таки рано обнаружившая себя твердость характера не позволяла ему бросить службу. Став в ноябре 1856 г. прапорщиком, Пржевальский долгие четыре года тянул военную лямку в разных городах Европейской России. Потаскавшись, по его собственному выражению, «в караул и по всевозможным гауптвахтам и на стрельбу со взводом», будущий путешественник понял, что больше так продолжаться не может. Нужно было брать судьбу в собственные

руки, чтобы не пропасть окончательно в захолустье, среди сослуживцев, пропивающих небогатое жалование вместе с последними крохами разума. Выходом из угнетающей действительности в широкий мир приключений виделось поступление в Николаевскую академию Генерального штаба. Прапорщик Полоцкого полка понимал, что пять лет армейской службы ничуть не обогатили его знанием военных наук. Оставшееся до вступительных испытаний время нужно было потратить с пользой, и Пржевальский засел за книги. По шестнадцать часов в сутки продолжались его штудии. В редкие минуты отдыха, которые позволял себе молодой человек, отвлечься помогали походы по живописным окрестностям Кременца на Волыни, где стоял в то время его полк. Железная воля победила: весной 1861 г. Николай Пржевальский одним из первых среди 180 соискателей выдержал экзамены и был принят в число слушателей академии.

В пору учебы молодого офицера все чаще стали занимать мысли о путешествиях. Все склонности натуры Пржевальского – любовь к охоте и лесным ночевкам у костра, интерес к естественным наукам – благоприятствовали такому выбору. Первоначально он загорелся идеей поиска истоков Белого Нила, но по здравом рассуждении нашел, что для поездки в Африку его средств не хватит. Более достижимыми, по его мнению, были просторы азиатской России и в первую очередь – неизведанные дебри Приамурья, только что вошедшего в состав империи. Еще в бытность свою в Кременце Пржевальский подавал начальству рапорт о переводе на Амур, однако единственным следствием этой инициативы стали три дня заключения на гарнизонной гауптвахте. Теперь великая азиатская река подсказала тему первой научной работы слушателя академии – «Военно-географическое обозрение Приамурского края». Дальний Восток все больше притягивал мысли Николая Пржевальского...

В конце марта 1867 г. в Иркутск прибыл «причисленный к Генеральному штабу Полоцкого пехотного полка штабс-капитан Николай Пржевальский». Это был уже не мальчик, болезненной худобой возбуждавший некогда жалость тульских крестьянок. Рослый и статный, симпатичный, хотя и несколько нервный, штабс-капитан обращал на себя внимание прядью белых волос на виске, резко контрастировавшей с черной шевелюрой и смуглым цветом лица. С момента выпуска из Николаевской академии минуло четыре года, наполненных самыми разнообразными событиями. Было хорошее, например, избрание в феврале 1864 г. в члены Русского географического общества и преподавание в новом Варшавском юнкерском училище. Плохого тоже хватало: служба адъютантом у известного тяжелым и капризным характером начальника 7-й пехотной дивизии, безденежье и вежливый отказ руководства географического общества в выделении средств на изучение Средней Азии... Пржевальский мог считать себя бывалым служакой. Не было в его карьере только одного. Офицеру, в юные годы бредившему подвигами на поле боя, так и не пришлось понюхать пороха. Правда, в мае 1863 г. слушатель старшего курса Николаевской академии Пржевальский принял предложение начальства отправиться на подавление Польского восстания, однако сделано это было не ради сражений, а исключительно для досрочного выпуска «с правами второго разряда». В Польше Пржевальский в основном занимался... охотой, для чего возил с собой ружье и собаку.

Сразу же по прибытии в Иркутск Пржевальский возбудил перед начальством вопрос о командировании его в Уссурийский край для проведения военно-статистических исследований. Собственно говоря, идея такой поездки принадлежала председателю ИРГО П.П. Семенову, который, отказав Пржевальскому в материальной помощи, считал нужным поддержать многообещающего офицера морально и снабдил Николая Михайловича рекомендательными письмами к восточносибирскому генерал-губернатору М.С. Корсакову и начальнику штаба войск Восточной Сибири генералу Б.К. Кукелю. Семена инициативы упали на благодатную почву: несмотря на труды Р.К. Маака, М.И. Венюкова, К.Ф. Будогоского и других первопроходцев, Уссурийский край по-прежнему представлял собой огромное белое пятно. Особенно нужны были сведения о путях сообщения Приморья и состоянии поселений – как русских, так и «инородческих», – расположенных на его территории. В начале мая 1867 г. Николай Михайлович получил инструкции иркутского штаба и спустя двадцать дней выехал на Амур.

Несмотря на отсутствие у Пржевальского опыта длительных путешествий, его первая экспедиция оказалась исключительно удачной. Начало осени 1867 г. застало штабс-капитана и его немногочисленных спутников в посту Камень-Рыболов на озере Ханка. Только естественнонаучные изыскания путешественника на Уссури и озере Ханка за два летних месяца дали 1200 образцов растений, 10 звериных шкур, 60 чучел птиц, 22 из которых принадлежали неизвестным ранее видам. Удалось собрать солидную коллекцию насекомых и даже открыть неизвестный вид млекопитающего – черного зайца. Не забывал Пржевальский и о военных задачах своей поездки. Сбором «военно-статистических сведений» об Уссурийском крае предстояло заняться в оставшееся время. 29 августа 1867 г. экспедиционный отряд в составе Н.М. Пржевальского, помощника-препаратора Н.Я. Ягунова и двух солдат выступил из Камень-Рыболова на реку Суйфун. Начиналось путешествие, призванное дать правительству ясную картину заселения нового края, оценить его пригодность для передвижения и расквартирования войск, наметить перспективы его развития. Здесь Пржевальский был пионером: все экспедиции, посещавшие Приморье до него, работали в полосе, прилегающей к русско-китайской границе, и не затрагивали внутренних районов края. Исключением были две экспедиции А.Ф. Будищева, организованные Министерством государственных имуществ (в 1859 и 1866 гг.), однако этот исследователь преследовал специальную цель – изучение приморских лесов.

Поход партии Пржевальского по Уссурийскому краю продолжался до начала 1868 г. 7 декабря усталые и обносившиеся путешественники добрались до залива Святой Ольги. Побывав на реках Цемухэ и *censored* и посетив только что основанные в этих местах русские деревни Шкотову, Владимирскую и Александровскую, Пржевальский поразился бедности поселенцев, с трудом привыкающих к незнакомой природе азиатской окраины. Уже тогда путешественнику бросилось в глаза откровенно недружественное отношение к русским уссурийских китайцев – «манз».

Отдохнув в Ольгинском посту и пополнив походные запасы, путешественники вновь отправились в путь. 18 декабря отряд достиг долины реки Тазуши, густо заселенной «манзами». Как раз в это время на *censored* не начинались китайские волнения, которым спустя несколько месяцев предстояло разгореться в пламя «Манзовской войны»... С

берегов Тазуши Пржевальскому и его спутникам предстоял 80-верстный переход через главный хребет Сихотэ-Алиня в верховья реки Лифудин. Экспедиция столкнулась с самыми тяжелыми испытаниями. Столбик термометра опускался ниже отметки 30 градусов, полуметровый слой снега замедлял движение отряда, изматывая людей и животных. Одна из лошадей «издохла от натуги», другая утонула при переправе через реку...

Конечной целью Пржевальского была станица Бельцова в месте слияния рек Даубихэ и Улахэ, дающих начало Уссури. Таким образом, к Новому году Николай Михайлович надеялся достигнуть знакомых мест и замкнуть маршрут своего путешествия. Начавшаяся 30 декабря сильная метель похоронила все планы и заперла путников в убогой китайской фанзе. Здесь, при свете тусклого жирника, «среди грубых и невежественных манз», Пржевальскому пришлось отметить наступление богатыми событиями 1868 г. В Бельцову экспедиция пришла только несколько дней спустя, а конечным пунктом экспедиции стала станица Буссе. За время пути Николай Михайлович нанес на карту многочисленные таежные тропы, сделал ценные этнографические наблюдения и провел первую в Уссурийском крае перепись поселенцев, охватившую 1259 человек.

Весну 1868 г. Пржевальский встретил в приханкайских степях, охотясь на птицу, оленей и диких коз. Это приятное занятие, равно как и обработку материалов минувшего года, вскоре пришлось отложить. Край охватили волнения, поднятые уссурийскими китайцами и примкнувшими к ним шайками маньчжурских хунхузов. Русскому населению края грозила смертельная опасность. На защиту мирных жителей встали войска, во главе которых были знакомые Николая Михайловича – начальник Суйфунского потового округа подполковник Я.В. Дьяченко и моряк, лейтенант А.А. Этолин, чья винтовая шхуна «Алеут» в сентябре 1867 г. доставила экспедицию Пржевальского из устья Суйфуна в Посьет. В мае 1868 г. хунхузы сожгли деревни Шкотову, Никольскую и Суйфунскую – селения, которые Пржевальский посетил во время своего похода. Из Николаевска-на-Амуре и Хабаровки на выручку спешил сводный стрелковый полубатальон под командованием начальника штаба войск Приморской области полковника М.П. Тихменева. Все офицеры, находившиеся в крае, должны были принять участие в борьбе с хунхузами, и штабс-капитан Пржевальский не был исключением. В мае 1868 г., когда полубатальон проходил через станицу Буссе, М.П. Тихменев встретился с Пржевальским и поручил ему встретить и принять под свое командование дополнительную стрелковую роту, следовавшую из Хабаровки на пароходе «Телеграф». Выполнив это поручение, Николай Михайлович должен был догнать основные силы у Бельцовой.

Соединение русских сил в Бельцовой произошло 23 мая. Полубатальон был переформирован в стрелковый батальон в составе четырех рот. Николай Михайлович ожидал, что с учетом его знаний географии края он будет сразу же направлен для преследования хунхузов во главе одной из войсковых команд. К его удивлению, М.П. Тихменев назначил новичка начальником своего штаба, поручив ему то, что Пржевальский ненавидел больше всего на свете, – бюрократическую писанину. Скорее всего, Тихменев просто по достоинству оценил образованность молодого человека, а может быть, берег талантливый исследователь, не успевший даже представить отчет о

первой экспедиции. Однако Пржевальский, подчинившись приказу начальства, затаил глубокое разочарование.

29 мая основные силы мятежников были рассеяны русскими войсками у станка (поста) Дубининского. Главная опасность, угрожавшая населению края, миновала, однако в таежных дебрях продолжали бродить многочисленные мелкие шайки хунхузов. Тревогу властей вызывали также вооруженные отряды, созданные «манзами» в своих поселениях на реках Цемухэ и *censored*н. Для уничтожения одних и разоружения других в разные концы края отправилось несколько военных отрядов. Одну из команд, которой предстояло совершить поход из станицы Верхне-Романовой к крупному «манзовскому» поселению Пинсау (Пинсоу) на реке *censored*н, возглавил штабс-капитан Пржевальский. Это было то дело, о котором путешественник мечтал, томясь над штабными бумагами. О том, как проходил поход, лучше всего узнать от самого Пржевальского. Сохранившиеся в архивах донесения Николая Михайловича на имя М.П. Тихменева дают нам такую возможность [4 - Цит. по соч.: Тихменев Н.М. Манзовская война // Военный сборник. 1908. № 7. С. 39–42.].

Итак, дав отряду один день отдыха, Пржевальский «утром 7-го числа выступил из В.-Романовой вверх по Дауби и *censored*ну. Чуть заметная тропинка вилась сначала по открытой, постепенно суживавшейся долине и, пройдя таким образом верст тридцать пять, вступила, наконец, в дремучую первобытную тайгу. Густые заросли папоротника и различных кустарников, громадные деревья, теснившиеся сплошной непроницаемой стеной и во многих местах до того заграждавшие дорогу, что надо было делать просеку для вьючных лошадей, наконец, частые переправы через извилистую, хотя и неглубокую, но чрезвычайно быструю Дауби – все это сильно затрудняло наше следование. Трудности увеличивались по мере приближения к вершине Сихотэ-Алиня, где, не доходя верст трех до главного перевала, нужно было идти узким каменистым ущельем с крутым подъемом и почти отвесными боками. На самой вершине перевала я нашел 8 шалашей, в которых недавно жило человек 50 китайцев; дня за три до нашего прихода эти китайцы ушли на *censored*н, и теперь не было здесь ни одного человека. Спуск с хребта к долине *censored*на был несравненно легче, так как тропинка здесь была хорошо протоптана, вероятно, китайцами, возившими продовольствие. 11 июня вечером я был уже в Пинсау, сделав в течение пяти дней, т. е. со дня выступления из Романовой до прихода на *censored*н, 130 верст. Притом один из этих пяти дней был употреблен на розыски около одной подозрительной фанзы (в верховьях Дауби), которую я велел сжечь. Придя в Пинсау, я нашел там около 150 человек манзовской милиции [5 - Здесь – ополчение.] как с *censored*на, так и с рек Пхусун, Та-ухэ, Суду-хэ. Впрочем, это были уже только остатки той милиции, которая разошлась по домам за несколько дней перед моим приходом и цифра которой простиралась, по уверениям здешнего старшины, до 800 человек. Замечательно, что в этой милиции было 300 человек маньчжуров из Хунь-Чуна и других частей Маньчжурии, ловивших капусту в море и вышедших на берег с ружьями при известии о хунхузах, с неделю тому назад все эти маньчжуры ушли обратно в море.

Первым моим делом по прибытии в Пинсау было обезоружение китайской милиции, которой я велел разойтись по домам. Отобранные ружья возьму с собой и доставлю в Находку. Трех предводителей манзовской милиции с рр. Пхусун, Та-ухэ и Суду-хэ, а

равно и старшину в Пинсау я арестовал за то, что они, вопреки приказаний лейтенанта Старицкого, казнили трех пойманных хунхузов и в том числе одного атамана. Мне кажется, что это они сделали для того, чтобы пленные хунхузы при допросе не показали чего-нибудь предосудительного о *censored*нских манзах, как то уже сделал один из таких пленных в Находке. Краткий, наскоро мною сделанный допрос пинсаускому старшине я прилагаю при сем рапорте. Сегодня, т. е. 13-го утром, ко мне присоединился отряд Шелихе, который пришел из Лоренцовой по рекам Май-хэ и Циму-хэ. На всех этих реках, так недавно густонаселенных, отряд наш не встретил ни одной души человеческой, ни одной целой фанзы; все было разграблено, сожжено и уничтожено хунхузами.

О хунхузах здесь ничего не слышно, поэтому завтра я выступаю из Пинсау и 15-го числа буду в деревне Хуани-хезе (на правом берегу *censored*на против наших поселений), где расположусь в ожидании дальнейших распоряжений. Отряд лейтенанта Векмана (Каблукова) еще не присоединился ко мне, и я ничего о нем не знаю».

Во втором донесении, написанном через десять дней после первого, Пржевальский, сообщая о соединении его команды с прибывшим отрядом поручика артиллерии Н.Н. Каблукова, продолжает свой доклад: «14 июня в три часа пополудни я выступил из Пинсау и 15-го утром прибыл в деревню Хуани-хезу. Отобранные от манзовской милиции 83 ружья, 2 пушки, около 1 пуда пороху и свинцу я привез с собой, а также привел арестованными трех предводителей манзовской милиции с рек Пхусун, Та-ухэ и Суду-хэ, старшину Лигуя и трех его помощников.

Ружья почти все принадлежали тазам [6 - Тазы – народность Приморья.], и я их возвратил по приказанию адмирала Фуругельма, пушки отправлены во Владивосток, а также вследствие его личного приказа освободил из-под ареста старшину Лигуя, трех его помощников и трех предводителей манзовской милиции.

Придя в дер. Хуани-хезу, я пробыл там в ожидании дальнейших распоряжений, до 20 июня. Затем, вследствие предписания адмирала Фуругельма, оставив в п. Находка под начальством Садовникова 120 человек, горное орудие с зарядными ящиками отправил на пароходе „Америка“ [во Владивосток]. Поручику Каблукову предписал пройти от *censored*на берегом через реку Таудеми, бывший пост Стрелок в устье Цимухэ во Владивосток. По этой дороге еще не проходил ни один русский отряд, и я в инструкции Каблукову предписал ему сжечь все фанзы, устроенные для промывки золота, и арестовать тех хозяев, у которых будет найден этот металл.

Лейтенант Векман принял от лейтенанта Старицкого железный баркас, стоявший в п. Находка, и на нем отправился во Владивосток.

За время следования по Дауби и *censored*ну я продовольствовал отряд реквизицией, согласно вашему приказанию, но потом получил личное приказание от адмирала уплачивать за все забираемое.

Одновременное прибытие с трех разных пунктов наших отрядов, обезоружение милиции, арест ее предводителей и главного старшины с помощниками – все это

произвело самое сильное и для нас самое благоприятное впечатление на жителей *censored*нской долины. Они в первый раз увидели перед собой силу, готовую раздавить их при малейшем сопротивлении, и с совершенной покорностью, могут даже сказать, с раболепством, встречали наши отряды. Безмолвно, как осужденные, стояли обезоруженные отряды милиции в то время, когда я их собрал для того, чтобы объяснить, хотя в общих чертах, те отношения, в которых они должны находиться к русским. Ни одного возражения, ни одной противоречивой фразы не слышал я в течение часа, проговоренного нами с манзами. И нет сомнения, что теперь самое благоприятное время для того, чтобы произвести коренную реформу в существовавших до сих пор отношениях манз к русским, дать более правильную организацию и тем навсегда предотвратить кровавое явление, совершившееся здесь в последнее время».

В середине июля 1868 г., в связи с окончанием кампании, штаб войск Южно-Уссурийского края был расформирован. Возвращаясь в Николаевск-на-Амуре, М.П. Тихменев взял с собой толкового и исполнительного штабс-капитана, добившись для Пржевальского назначения на должность старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа. За участие в военных действиях Николай Михайлович был награжден досрочным производством в капитаны.

Вряд ли Пржевальский, мечтавший о продолжении научных изысканий, с восторгом воспринял очередное назначение. Разумеется, чувство долга не позволило ему открыто выразить свои чувства, однако до конца своих дней Пржевальский крайне неохотно и скупно вспоминал о своем участии в «Манзовской войне». Так или иначе, последняя стала боевым крещением Николая Михайловича и единственной военной кампанией, в которой довелось принять участие знаменитому офицеру-путешественнику.

Возможно, именно обстоятельствами первого неудачного знакомства путешественника с китайцами объясняется такая черта Н.М. Пржевальского, как крайнее предубеждение по отношению к этому народу. В своих центральноазиатских походах исследователь также частенько сталкивался с сынами Поднебесной, однако эти новые встречи не смогли изменить нелестное мнение Пржевальского о Китае и его подданных. Николай Михайлович не видел в китайцах каких-либо достоинств и сомневался в будущем их страны. В трудах путешественника можно найти немало резких высказываний о Китае, из которых, ради примера, стоит привести следующее: «...Хитрости и криводушию не стать учиться китайцам. Пуская пыль в глаза своим либерализмом, где это нужно, подделываясь под тон той или иной, но выгодной для себя внешней политики, притворяясь другом с сильным и хорохорясь со слабым, словом, умело эксплуатируя и врагов, и друзей, втихомолку же подсмеиваясь над теми и другими, Китай может еще долго существовать самобытно. Без конца станет он тянуть одну и ту же лицемерную политику и, всего вернее, в будущем изобразит для Европы нового „большого человека“» [7 - Под «большим человеком» в европейской политике середины – конца XIX в., как известно, понималась Османская империя.].

РАТНЫЕ БУДНИ КАЗАКОВ

«Манзовская война» была хорошим уроком недоброжелателям России на Дальнем Востоке. К сожалению, этот урок довольно быстро оказался забыт. Китайское население Уссурийского края, сократившееся было в 1868 г., спустя пару лет начало быстро увеличиваться. При этом русские власти по-прежнему не могли уследить ни за переходом китайцев через границу, ни за их расселением в крае, ни за дальнейшей деятельностью. Даже попытки просто «пересчитать» находящихся в русских пределах китайцев не давали результата. Едва в уссурийской тайге умолкла стрельба, как 8 октября 1868 г. военный губернатор Приморской области контр-адмирал И.В. Фуругельм предписал чиновнику особых поручений Залесскому «отправиться во Владивосток и наблюдать за производством переписи манз». Перепись думали завершить к 1 января 1869 г. Срок вышел, и чиновник вынужден был доложить губернатору... о своем фиаско.

К 1874 г. только на восточном берегу Уссурийского залива, от реки Цемухэ до бухты Находка, число китайских фанз значительно увеличилось по сравнению с 1868 г. Именно этот район стал главной базой китайских разбойников на территории Приморья.

Хунхузы проникали в русские пределы в основном из Саньсинской области Маньчжурии. Этот лесистый горный район на юго-востоке провинции Хэйлунцзян предоставлял разбойникам хорошее убежище от преследования, а плодородные равнины рек Сунгари и Мурень кормили их и давали средства для снабжения одеждой, оружием, лошадьми и прочим. Сильно облегчала жизнь хунхузов в этом районе близость русской границы, а также административной границы Хэйлунцзяна с провинцией Гиринь. В борьбе с «краснобородыми» власти двух провинций действовали без согласования и часто попросту мешали друг другу. Хорошо знавшие об этом хунхузы, почуяв опасность в одной провинции, легко находили убежище в другой. При совсем уже неблагоприятном раскладе можно было уйти на русскую территорию, тем более что с китайской стороны граница двух империй никем не охранялась.

В Уссурийском крае хунхузы были полноправными хозяевами жизни «манзовского» населения, которое, как правило, беспрекословно выполняло все их требования. Как и в Маньчжурии, мирное население не только снабжало «братьев» всем необходимым, но и обеспечивало им «прикрытие» в виде поручительства перед властями. Показателен такой случай: в середине 70-х гг. XIX в. хуньчуньские власти передали русским коллегам информацию о 300 хунхузах, находящихся на российской территории. В ходе проведенного розыска оказалось, что большинство указанных лиц... спокойно проживают во Владивостоке и его окрестностях, имея выданные администрацией «билеты» (визы) на право пребывания в городе. Все документы были выданы на основании поручительств «манз» – постоянных жителей края.

Главной силой, защищавшей край от пришлых хунхузских шаек, были казаки. Первые из них пришли на Уссури из Забайкалья в 1858 г., а уже спустя пять лет в крае было 29 казачьих станиц. 29 декабря 1858 г. было создано Амурское казачье войско, земли которого простирались от Шилки и Аргуни до побережья Японского моря. Казаки-уссурийцы долгое время составляли Уссурийский пеший казачий батальон Амурского войска. Ратная служба казаков-дальневосточников началась в мае 1868 г., когда начальник штаба войск Приморской области полковник М.П. Тихменев приказал командиру

батальона подполковнику Н.Ф. Маркову выставить для усмирения мятежных «манз» роту из 150 отборных казаков. Уроки «Манзовской войны» показали, что, действуя в пешем строю, станичники плохо справляются с преследованием хунхузов. С учетом боевого опыта в 1869 г. была сформирована Уссурийская конная казачья сотня – своего рода «силы быстрого реагирования», преследовавшие шайки, что приходили из Китая и промышляли в приграничных районах края. Подразделение состояло из 131 всадника и прикрывало район до 600 верст в длину по линии границы. Личный состав сотни распределялся следующим образом: в селе Турий Рог стоял пост (караул) из 10 человек, а на посту Суйфунском (то есть на расстоянии 200 верст) находился отряд из 20 человек. Затем на протяжении около 250 верст до Хуньчуньского караула, где от сотни стоял отряд из 15 человек, граница была пуста. На расстоянии 25 верст от Хуньчуньского был расположен караул Корейский, где были расквартированы 10 казаков. Существовал еще Монгугайский караул в составе 11 человек, удаленный от границы и предназначавшийся для защиты от хунхузов корейских поселений. Еще два взвода составляли резерв части, находившийся в селе Камень-Рыболов.

Бойцы и командиры Уссурийской сотни часто выполняли поручения русского пограничного комиссара – специального чиновника, представлявшего интересы русских властей на границе. Пост пограничного комиссара в Уссурийском крае с резиденцией в урочище Новокиевском был учрежден в 1869 г. (в 1881 г. «офис» чиновника переехал в село Никольское – нынешний город Уссурийск). В обязанности комиссара входило решение с китайскими властями мелких пограничных вопросов, надзор за въездом китайских подданных и торговлей, а также защита жителей приграничных районов. Главная опасность для населения исходила от хунхузов, в борьбе с которыми комиссар опирался в первую очередь на казаков.

Долгие годы на посту погранкомиссара в Уссурийском крае трудился Н.Г. Матюнин, пользовавшийся уважением китайских коллег. Весной 1879 г. в его присутствии казаки Уссурийской сотни сожгли в 30 верстах от селения Турий Рог деревянную крепость хунхузов Кунигуй. Стены этого укрепления имели более 4 метров в высоту, 180 шагов длины и 125 ширины; двое крепких ворот защищались двумя двухъярусными башнями. Возникновение хунхузского «замка» было связано с именем могущественного чжангуя Суй Бинвана, в середине 1870-х гг. сколотившего на реке Мурень, у самой русской границы, шайку из 200 хунхузов. Построив Кунигуй, Суй Бинван хранил здесь большие запасы продовольствия и амуниции. Одна половина его банды, чередуясь ежемесячно с другой, работала на золотых промыслах в 80—100 верстах от Саньсина, в местности Тайпинго. Сам предводитель с остальными товарищами проживал в крепости, при случае грабил караваны или конвоировал их за большую плату, охраняя товары от мелких банд, а нередко даже от правительственных отрядов, весьма падких на чужое добро. Зимой банда проводила в крепости, проживая в свое удовольствие. Суй Бинван держал в страхе все окрестное население, вынуждая его ежегодно составлять общественные «приговоры» о благополучии края и отсутствии хунхузов и представлять эти документы вкупе с ценным подарком фудутуну в Нингуге. Начальник области, ограждаясь формально от ответственности, находил выгоду в потворстве банде.

Вольготное существование Суй Бинвана имело одно весьма немаловажное объяснение. Он приходился родственником... нингутаюскому фудутуну Шувану. Столь прямая и близкая связь с главой местной администрации обусловила целое направление деятельности атамана. Он преследовал мелкие банды хунхузов и выдавал их обремененному властью родичу. Таким образом Суй Бинван, по выражению китайского народа, «одной стрелой убивал двух орлов»: не только зарабатывал определенную плату, но и уничтожал конкурентов.

Знаменитого предводителя погубил случай. При встрече с небольшим отрядом войск, высланным против него из Саньсина, Суй Бинван истребил всех солдат до последнего человека. Происшествие получило огласку и стало известно в столице. Из Пекина поступило строгое приказание схватить и казнить виновного. Сообразив, что родственник перегнул палку, нингутаюский фудутун решил срочно спасти собственную шкуру, пригласил атамана на частное свидание, арестовал и повесил. Шайка Суй Бинвана частью рассеялась, однако 140 человек, выбрав нового предводителя, продолжили свою деятельность в Маньчжурии и в русских пределах. При этом на русской территории «братья» пользовались помощью многочисленных сообщников. Так, проживавший в посту Камень-Рыболов китаец Цао (Сяо) Фунсян долгое время доставлял хунхузам порох и свинец, а в случае появления войск предлагал себя в проводники и отводил русские отряды по ложной тропе, давая банде время скрыться за границу. По неясной причине все эти фортели долгое время сходили Цао с рук. Когда же русское начальство в конце концов в 1880 г. выдворило китайца, он не только не понес никакого наказания за связи с хунхузами, но и занял довольно высокое положение в китайской администрации.

Наследники Суй Бинвана, продолжая разбойничать, могли воспользоваться его «замком». Чтобы не допустить этого, комиссар Матюнин с казаками совершил рейд на китайскую территорию и сжег крепость. У читателя может возникнуть справедливый вопрос: как русский чиновник, сопровождаемый русским военным отрядом, мог предпринимать подобные действия на территории другого государства? Такие «вольности» в 70—80-х гг. XIX в. были довольно частым явлением. Командирам отрядов, преследовавших хунхузов на русской территории, зачастую приходилось перехватывать разбойников уже на китайской земле – иначе возвращение отдохнувшей шайки было делом ближайшего времени. К тому же линия границы была в то время настолько плохо обозначена на местности, что в пылу погони русские военные иной раз просто не замечали, как оказывались в Китае. Есть сведения, что китайские приграничные власти при неофициальных контактах с русскими представителями зачастую сами просили военных «не стесняться» заходить в пределы Поднебесной для уничтожения бандитов. Впрочем, официальный Пекин реагировал на подобные случаи чрезвычайно болезненно. Русское правительство демонстрировало двойственный подход к проблеме: с одной стороны, «экскурсии» войск в глубь китайской территории не приветствовались, с другой – еще в 1869 г. МИД империи направило нашему посланнику в Пекине генералу А.Е. Влангали инструкцию, коей последнему предписывалось заявить Цинскому правительству, что русское «местное начальство вынуждено будет предпринимать поиски и вне наших пределов для уничтожения злонамеренных шаек».

В 1879 г. командир Уссурийской конной сотни майор Ножин, преследуя с подчиненными одну из таких шаек, перешел границу и по ошибке имел столкновение с отрядом китайских войск, приняв их за хунхузов. По этому поводу возникла переписка между военными ведомствами и министрами иностранных дел двух стран. Для разбора инцидента с русской стороны был командирован знакомый нам Н.Г. Матюнин, а с китайской была назначена комиссия. По результатам переговоров 9 августа 1879 г. Матюнин доносил начальству, что китайские представители удостоверились в ошибке и отсутствии злого умысла со стороны майора Ножина. Однако еще до получения доклада комиссара Министерство иностранных дел поспешило выразить китайскому правительству сожаление о случившемся.

В ноябре 1877 г. в верховьях рек Сианхэ и Мурень казаки Уссурийской сотни имели одно из самых горячих дел с хунхузами. Шайка разбойников численностью около ста человек, ограбив множество «манзовских» фанз и захватив в плен несколько русских крестьян-охотников, пыталась прорваться в Маньчжурию. Первоначально запуганные бандитами «манзы» сообщили властям неточные сведения о количестве хунхузов, в связи с чем в погоню отправился взвод казаков под командованием хорунжего Токмакова. Когда в верховьях Сианхэ шайка была достигнута и истинное положение дел выяснилось, Токмаков отправил двух казаков за подкреплением в Камень-Рыболов, а сам с оставшимися подчиненными вступил в перестрелку с хунхузами. Действуя цепью и умело пользуясь пересеченной местностью, казаки в течение двух суток преследовали «краснобородых». Сознавая свое численное превосходство, последние проявили упорство и несколько раз пытались атаковать русских. Меткие залпы каждый раз заставляли хунхузов отступать с потерями. Обоз с награбленным добром сильно замедлял движение шайки, что, разумеется, было только на руку преследователям. Когда на соединение с Токмаковым прибыл второй взвод под начальством хорунжего Павленко, погоня уже продолжалась на китайской территории. Командование объединенными силами казаков принял старший по возрасту Павленко. Русский отряд перешел в наступление, разбил шайку и гнал ее остатки на протяжении 100 верст (!) в глубь территории Китая. Не обошлось без потерь: хорунжий Токмаков получил пулевое ранение, уряднику Федотову осколком фальконетной [8 - Под фальконетом имелась в виду уже упоминавшаяся пиццаль тайцян либо ручная пушка шоупао.] картечи разорвало ухо, а приказный Герасимов был ранен копьем в грудь. Кроме того, был легко контужен пулей в верхнюю часть живота рядовой казак Николаев. Раненым оказал помощь сотенный фельдшер Овчаренко, помощь доктора медицины Берга понадобилась только хорунжему Токмакову. Трофеями отряда стали 7 хунхузских лошадей, седла, оружие и разного рода снаряжение. Были освобождены пленные: двое крестьян деревни Ильинки и один крестьянин деревни Троицкой. Отбитые у хунхузов 16 голов скота были возвращены законным владельцам. Единственного хунхуза, которого удалось взять в плен, казаки сдали пограничному комиссару для передачи в Хуньчунь.

В части отваги, выносливости и боевых навыков казаки Уссурийской сотни могли поспорить с кем угодно. В 1880 г. корреспондент газеты «Русский инвалид» писал из Приморья: «Казаки Уссурийской конной сотни, держа кордон по границе и зачастую преследуя появлявшиеся шайки хунхузов, делают по 100 верст в сутки, да при морозе в 25°, а в осеннее, самое бойкое у нас время бывали случаи, когда приходилось делать и по

400 верст в пятеро суток». Хунхузы боялись конных строевых казаков. «Оседлые» шайки, постоянно орудовавшие на территории края, старались держаться в районах к востоку от Уссурийского залива – подальше от войсковых земель.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. количество хунхузов, промышленяющих в русских пределах, стало расти пугающими темпами. Свинью, сами того не ведая, подложили китайские власти. В 1886 г. они разогнали уже упоминавшуюся Желтугинскую золотопромышленную республику в Маньчжурии. Она с 1883 г. существовала на севере Маньчжурии на берегах речки Лаогоу (Желтуги), впадавшей в Аабазу – небольшой приток Амура. Сейчас это место находится в уезде Мохэ провинции Хэйлунцзян. Погибая, желтуга «выплеснула» на русскую территорию целую волну преступного люда. Одна Уссурийская конная сотня уже не могла справиться с расплодившимися «братьями». В 1887 г. для отражения хунхузов были образованы летучие отряды, комплектовавшиеся казаками разных казачьих войск. 26 июня 1889 г. произошло еще более важное событие: казачье население долины Уссури и Южно-Уссурийского края, составлявшее Уссурийский батальон (с ноября 1879 г. – полубатальон) Амурского войска, было выведено из состава последнего и образовало новое, самое молодое русское казачье войско – Уссурийское. Из земель, отведенных ему в составе Приморской области, была образована особая единица – округ Уссурийского казачьего войска, разделенный на три участка. Во главе ее встал окружной начальник. 14 июля 1889 г. было принято дополнительное постановление о подчинении войска губернатору Приморской области. Первоначально временное войсковое управление находилось в Благовещенске, а после вступления в должность наказного [9 - Наказной – здесь: назначенный, в отличие от казачьих атаманов, выбиравшихся из рядов ватаги.] атамана уссурийцев губернатора Приморской области оно в 1890 г. перебазировалось во Владивосток. Только для действия в составе летучих отрядов уссурийцы в конце XIX в. выставляли 249 бойцов. Кроме того, в разные районы Приморской области направлялись контингента казаков Амурского и Забайкальского войск.

С 1889 г. дальневосточных станичников снабдили инструкцией по обороне от нападений хунхузов. В каждом поселении надлежало создать поселковый караул. Казаки, назначенные в караул, формировали несколько сторожевых постов с конными разъездами. Задачей караула был первый отпор разбойникам и обеспечение сбора поселкового ополчения, которым командовал станичный атаман. Однако преследование бандитов разрешалось только под командой офицера. По-видимому, это было связано с опасением, что казаки могут невзначай вступить в бой с хунхузами на китайской территории. Ополчению предписывалось направляться в район сбора полка или полубатальона.

Казаки не просто гонялись за разбойниками, совершившими то или иное преступление. Они старались завязать добрые отношения с китайскими соседями и загодя получать от них информацию о намерениях хунхузов. Впрочем, бывало в отношениях станичников с китайцами всякое. Нередко звучали жалобы «манз» на обиды, причиненные казаками. Обоснованные претензии рассматривались властями, и виновникам приходилось держать ответ. В октябре 1882 г. двое уссурийских казаков, за год до того убившие пятерых китайцев, были расстреляны, еще сорок нижних чинов и офицер долгое время были под следствием по этому делу.

Водился и еще один грех за казаками: крайне неохотно преследовали они контрабандистов, возивших из Китая сулю – так, на корейский манер, называли в Южно-Уссурийском крае китайскую водку. Уж больно жаловали станичники это пахучее и крепкое хмельное зелье. В отчете, представленном губернатору Приморской области в 1876 г., комиссар Матюнин жаловался, что сулю возят под самым носом у казачьих караулов. При этом казаков можно было если и не оправдать, то понять: бутылка сули из контрабандного маньчжурского спирта в 1891 г. стоила в крае 10–12 копеек, тогда как водка русского производства обходилась в 20, а то и 30 копеек за бутылку. Веселие Руси есть пити...

Пример бравых уссурийцев вдохновлял китайских соседей, живших вдоль русской границы, на сопротивление «краснобородым». В апреле 1896 г. в верховьях реки Мурень объявилась шайка из 15 разбойников, перекочевавшая в эти места из Айгунской области Маньчжурии. Бандиты ограбили несколько фанз, опустошив кладовые и раздев хозяев буквально до нитки. Пострадавшие пожаловались соседям. В итоге образовался отряд, настигший шайку и безжалостно истребивший всех хунхузов. Тела бандитов китайцы зарыли, насыпав в качестве своеобразного назидания высокий курган.

С началом Первой мировой войны основная часть казаков Приморья ушла в действующую армию. Однако оставшиеся уссурийцы, в рядах которых оставались юнцы и старики, не забывали о своем долге защитников границы. Осенью 1915 г. конный разъезд из станицы Полтавской сумел перехватить обоз с оружием, который контрабандисты пытались переправить в Китай для продажи «братьям». Конфискованные возы завернули в станицу, оружие сложили в здании станичного правления, а арестованных возчиков посадили под замок. На следующий день к станичному атаману уряднику Василию Шереметьеву пришли китайцы, сообщившие, что хунхузы замышляют спустя сутки напасть на Полтавскую и отбить «свое» добро. Атаман решил заманить «краснобородых» в ловушку. По его приказу молодежь устроила вечернее гулянье. В то время как в сумерках по всей станице раздавались песни, вооруженные подростки и неробкие женщины под руководством бывалых стариков скрытно занимали огневые позиции вокруг правления. Глубокой ночью ничего не подозревавшие хунхузы тремя группами вошли в село и стали втягиваться на центральную площадь. Внезапно ночную тишину разорвали выстрелы казачьих винтовок. Со всех сторон на ошеломленных хунхузов обрушился град пуль. Спустя полчаса, потеряв около сотни убитыми, «братья» бежали. С восходом солнца атаман Шереметьев со взводом казачат пустился в погоню. Хунхузы быстро уходили вдоль границы к югу, как вдруг, в четырех верстах от деревни Корфовки, наткнулись на засаду. Атаман поселка Николо-Львовского Алексей Ефтеев, узнав о ночном бое в Полтавской, поспешил на выручку. Группа молодых парней под его началом удерживала банду до подхода преследователей. Наскакавшие полтавцы с ходу порубили хунхузов, уничтожив и взяв в плен свыше полусотни «краснобородых». Победа досталась храбрецам малой кровью. К сожалению, в последнем бою получил тяжелую рану николю-львовский атаман урядник Ефтеев, спасавший молодого казачонка. По пути на станцию Гродеково, где была железнодорожная больница, исправный казак скончался...

Одно из последних крупных столкновений уссурийских казаков с «краснобородыми» в предреволюционные годы имело место осенью 1916 г. 20 сентября двое казаков из

поселка Богуславка, И. Зырянов и И. Кутузов, отправились на охоту. Переночевав на соседней корейской заимке, станичники уже собирались домой, как вдруг фанзу окружили 40 вооруженных китайцев. Попытавшийся оказать сопротивление Зырянов был убит, а его товарища бандиты увели к месту своей стоянки. На следующий день Кутузову позволили вернуться домой, отобрав лошадь, ружье и прочее имущество. На рассвете 30 сентября хунхузы явились в Богуславку. Несмотря на недавнюю историю с охотниками, нападение почему-то застало жителей врасплох: большинство бросилось бежать в направлении поселка Нестеровского, а сопротивление «краснобородым» в первые минуты попытался оказать только казак Туров. Хунхузы двинулись по сельской улице, грабя и поджигая дома. В это время казаки П. Швецов, Х. Меновщиков, Н. Федосеев, А. Дожевников и П. Толочкин устроили на пути банды засаду. Подпустив китайцев на близкое расстояние, они открыли плотный огонь из винтовок, первым же залпом уложив двоих и ранив нескольких злодеев. Не выдержав обстрела, хунхузы обратились в бегство. На улице остались лежать 9 убитых, а раненых разбойники увезли с собой на захваченных подводах.

К этому времени о происходящем в Богуславке уже было известно в близлежащих поселках Нестеровском, Барановичи, а также на станции Гродеково. Быстро собранный отряд из 60 добровольцев выступил в погоню и сумел настигнуть банду в 8 верстах от Богуславки. Хунхузы, численность которых, по оценкам казаков, составляла около 200 человек, заняли удобную позицию на скалистой горе и оттуда принялись обстреливать станичников из трехлинейек и маузеров. В распоряжении бандитов имелась также внушительных размеров ручная пушка, которую обслуживали шесть человек. Под пулями хунхузов семерым казакам удалось подобраться к самому подножию горы и уничтожить четверых «краснобородых». При этом один из смельчаков был ранен в ногу. То затихая, то разгораясь, перестрелка продолжалась до ночи, когда темнота позволила хунхузам начать отход к границе. На следующий день, 31 сентября, казаки вновь настигли банду в урочище Крепостная Падь и обстреляли. Несмотря на упорство преследователей, большинству «краснобородых» удалось-таки уйти на китайскую территорию. Ничего удивительного в этом нет, так как в числе добровольцев было только 17 казаков действительной службы, а подкрепления из Гродекова и Никольска-Уссурийского безнадежно запоздали. При этом артиллерийская батарея была отправлена армейским начальством по «маршруту», полностью исключавшему ее участие в баталии.

ТРАГЕДИЯ «ВОЛЬНОГО ШКИПЕРА»

В ряду первопроходцев Дальнего Востока фигура этого человека стоит особняком. Необычна его судьба, необычно и звание – «вольный шкипер». Не «офицер флота», не «флотский штурман», а именно «шкипер», да еще и «вольный»... За романтическим флером, окутавшим название профессии нашего героя, скрывается простой и понятный смысл. «Вольным шкипером» в старой России именовали судоводителя торгового флота, не состоявшего на государственной службе. Фридольф (Фабриан) Гек был финном и подданным Российской империи. Рожденный в 1836 г. окрестностях столицы Великого княжества Финляндского, мальчик уже в 11 лет ступил на палубу корабля. Первая судовая должность будущего исследователя дальневосточных морей – кают-юнга, или, попросту говоря, мальчик для разнообразных поручений. На заре своей морской карьеры юнга вряд ли помышлял о морях Тихого океана: бриг «Ольга», первое судно Гека, курсировал между

Финским заливом и портами Англии. Гулль, Лондон, Плимут, Кардифф... Случались заходы в норвежские и германские гавани.

Пройдя тяжелую, но хорошую школу на корабле, Фридольф Гек поставил себе цель «переехать на шканцы» [10 - Шканцы – место капитана на палубе парусного судна.]. Путь к офицерским нашивкам и должности капитана лежал через мореходную школу, располагавшуюся в Або (ныне Турку). Здесь таких же, как Гек, юнг учили премудростям математики, астрономии и навигации. Учеба началась в 1854 г., а уже через два года юный моряк держал экзамен на звание штурмана. Впрочем, успешная сдача экзамена поначалу не отразилась на положении Гека: в судовую роль корабля «Джо» питомец мореходки был по-прежнему записан юнгой... Книжные знания нужно было подтвердить на деле. Три года ходил молодой Гек вокруг Европейского континента, посещая знакомые и незнакомые порты Англии, Франции и Италии. Постепенно юноше стали доверять все более и более сложную корабельную работу. В августе 1857 г. Фридольф Гек впервые поднялся на палубу китобойца. Судно «Граф Берг», отправлявшееся в дальний промысловый рейс в Тихий океан, принадлежало «Русско-Финляндской компании». Так юнга Гек, ставший гарпунером, впервые оказался в тихоокеанских водах и приобрел навыки профессии, на долгие годы ставшей его главным занятием.

Возвращение «Графа Берга» на Балтику пришлось на 1861 г. За год до этого под «высокую руку» императора Александра II перешли земли Уссурийского края. Вряд ли будущий молодой моряк обратил внимание на подобную новость – будущего уссурийского землевладельца волновали совсем другие события. Пришла пора воплощения давней мечты. В октябре 1862 г. Фридольф Гек вновь переступил порог Абоского мореходного училища. Опыт и практические знания, приобретенные в дальних плаваниях, помогли быстро подготовиться к «испытанию». Наставники, экзаменовавшие молодых навигаторов, не могли не отметить юношу: толков, понятлив, ответы «отскакивают от зубов». К тому же чувствуется подлинный опыт и морская закалка. «Достоин!» – решили морские волки, и 23 марта 1863 г. Фридольф Гек получил свидетельство «вольного шкипера».

В то время, как новоиспеченный капитан осваивался в роли «первого после Бога», за тысячи верст от Финляндии, на южном побережье Приморья, происходили события, сыгравшие важную роль в дальнейшей судьбе шкипера Гека.

Солдаты-линейцы и амурские казаки, в приказном порядке переселявшиеся в Уссурийский край начиная с 1858 г., едва справлялись с задачей охраны китайской границы. Об освоении пустынного края силами таких засельщиков не могло быть и речи. Даже самые недалекие бюрократы понимали, что Дальний Восток нуждается в крестьянском труде. С 1859 по 1860 г. в Уссурийский край прибыли 264 крестьянские семьи. Это были государственные крестьяне, то есть те, чьим владельцем-помещиком считалось правительство. Надо полагать, что согласия мужиков на переезд к черту на рога тогда никто не спрашивал... Ситуация изменилась 19 февраля 1861 г., когда государь император Александр Николаевич даровал рабам волю, заслужив славу Освободителя. Отныне одной начальственной воли для переселения крестьян на далекую окраину было недостаточно. Мужиков необходимо было привлечь перспективой материальной выгоды.

Сперва правительство щедро посулило каждому переселенцу 100 десятин приморской земли по прибытии в край. Однако и это не подвигло крестьянские массы собираться в путь: больно дорог и труден был переезд, да и неизвестно было, что представляют собой обещанные земли. Для изыскания мест, наиболее пригодных для заселения и распашки, в 1866 г. в Приморье прибыла экспедиция во главе с уроженцем Эстляндии Гаральдом Фуругельмом. Его старший брат Йохан, в православии ставший Иваном, был моряком и старым дальневосточником. Бывший правитель Русской Америки, Иван Васильевич Фуругельм в 1866 г. имел чин контр-адмирала и занимал пост военного губернатора Приморской области. Осмотрев «владения» брата, Гаральд Фуругельм положил глаз на плодородную долину реки *censored*н, где уже появились две русские слободы, Владимирская и Александровская. *censored*н впадал в удобную бухту, в 1859 г. самим графом Муравьевым-Амурским названную Находка. Бухта как нельзя лучше подходила для создания порта и связи новых поселений с внешним миром. Кроме порта необходимо было учредить почту и навести переправы через реки, лежавшие на пути с *censored*на во Владивосток и Посыет.

Прибыв в Николаевск-на-Амуре, Гаральд Фуругельм представил брату-губернатору обстоятельный доклад о мерах по подготовке области к приему переселенцев. Иван Фуругельм поддержал инициативы родственника, и доклад начал свое путешествие по инстанциям, обрастая записками и резолюциями. В апреле 1868 г. Департамент уделов Министерства императорского двора объявил о решении создать в Южно-Уссурийском крае факторию, под которую отводилось 167 тысяч десятин земли на восточном берегу Уссурийского залива, на острове Русский и в других местах. Управляющим факторией был назначен Гаральд Фуругельм, получивший широкие полномочия. В первые же два года правительство намеревалось потратить на обустройство фактории и прием колонистов 200 тысяч рублей. В дальнейшем управляющий удельными землями Южно-Уссурийского края должен был получать из казны по 26 тысяч рублей ежегодно.

По рекомендации братьев Фуругельм правительство решило «посадить» на удельных землях трезвых и работающих «финляндцев». Впервые переселение колонистов на Дальний Восток было решено произвести морским путем. Первая партия из 44 переселенцев собралась в Або и в 1868 г. вошла на борт паровой шхуны «Находка». Следующие полсотни будущих приморцев образовали товарищество в Гельсингфорсе. Во главе второй партии переселенцев встал... наш знакомый Фридольф Гек, также решивший связать жизнь с далекой тихоокеанской окраиной.

В конце августа 1869 г. в бухту Находка прибыл бриг «Император Александр II», доставивший колонистов во главе с Фридольфом Геком, избранным товарищами на роль предводителя. На берегу залива уже были намечены места для строительства зданий и сооружений порта, нарезаны земельные участки. Гек также получил свой надел в бухте Гайдамак. Казалось, жизнь фактории налаживается, как вдруг, словно по мановению чьей-то злой руки, на колонистов посыпались беды. Шхуна «Находка», доставлявшая из Китая все необходимые припасы и материалы, потерпела крушение. Отрезанные от мира «финляндцы» были вынуждены перейти к натуральному хозяйству. За почтой приходилось отправлять ходоков во Владивосток, при этом пешая «прогулка» посланцев занимала неделю. И все же не это составляло главную трудность в жизни колонии. С

первых дней на уссурийской земле «финляндцы» ощутили опасное соседство хунхузов. Выбитые из долины *censored*на во время «Манзовской войны», разбойники в начале 1870-х гг. вновь появились в этих местах, чтобы вернуться к своему излюбленному занятию – промывке золота. Россыпи драгоценного металла послужили одним из главных доводов в пользу создания удельной фактории. По иронии судьбы они же, а вернее, неспособность правительства наладить эффективную добычу золота послужила одной из причин ликвидации фактории в 1873 г. К этому времени хунхузы были фактическими хозяевами не только золотых месторождений, но и всей окрестной тайги. В страхе перед набегами «краснобородых» колонисты-финны старались держаться вместе, но и это мало помогало. Закончилось тем, что к 1880 г. «финляндцы», бросив с трудом налаженное хозяйство, один за другим перебрались во Владивосток и его окрестности.

А что же наш герой? Став собственником земли, Гек не стал землепашцем. Вместо этого «вольный шкипер», ставший к тому времени отцом семейства, принял предложение купца Линдгольма наладить в дальневосточных морях китобойный промысел. На деньги компаньона Гек снарядил крепкое судно и, набрав команду, вышел в море. Дела шли хорошо, чему способствовала изобретательность шкипера, сконструировавшего оригинальную гарпунную пушку.

Единственное, что досаждало шкиперу, была тревога за семью. Из Находки приходили все более пугающие известия, и наконец настал день, когда выносить все это стало невмоготу. Гек сообщил Линдгольму, что прекращает рейсы. На деньги, которые удалось скопить, шкипер в 1877 г. приобрел участок земли на полуострове Сидими. Место, расположенное на западном берегу Амурского залива, почти напротив Владивостока, казалось уютным и спокойным. Вскоре на берегу маленькой бухты вырос дом, окруженный хозяйственными постройками. Ферма отставного шкипера в изобилии производила хлеб, молоко и овощи, которые хозяин возил во Владивосток на собственной маленькой шхуне. Дела шли хорошо, и в 1879 г. по соседству с Геком решил поселиться уже знакомый нам М.И. Янковский, только что окончивший службу на золотых приисках острова Аскольд.

В июне 1879 г., по просьбе нового соседа, Гек вывез с Аскольда его имущество, а затем отправился во Владивосток за самим Янковским и его семьей. По возвращении на свою ферму шкипер застал ужасную картину. Двери дома были сломаны, а имущество разграблено. Гражданская жена Гека была повешена в задней комнате со связанными руками. Два конюха и работник были жестоко убиты, а семилетний сын шкипера пропал без вести. Сомнений не было: хунхузы, казалось оставшиеся в прошлом, нанесли страшный визит бывшему находкинскому колонисту. Разбойники долго следили за фермой и, судя по состоянию трупов, совершили нападение в первую же ночь после отплытия Гека. Погрузив награбленное на шлюпки, также позаимствованные в хозяйстве шкипера, хунхузы удалились.

Потрясенный Гек долго не находил себе места. Он надеялся выкупить у хунхузов своего малолетнего сына, однако никаких следов мальчика найти так и не смог. Жить на ферме становилось все труднее, страшные воспоминания преследовали Гека. Моряк искал забвения в море, все чаще уходя на своем суденышке. Со временем Гек стал капитаном

шхуны «Надежда», а с 1892 г. – командиром шхуны «Сторож», охранявшей от браконьеров котиковые лежбища Берингова моря. В 1894 г. на судне Гека был поднят таможенный флаг, а шкипер получил право таможенного досмотра иностранных судов. Помимо дел службы «вольный шкипер» занимался описью берегов Камчатки, Кореи и Японского моря. Результаты съемок регулярно поступали в Главное гидрографическое управление русского флота в Петербурге. В знак уважения к самоотверженным усилиям энтузиаста большинство географических названий, присвоенных «вольным шкипером», было сохранено. По сей день их можно найти на картах дальневосточных морей.

Время притупило боль утраты. Гек обрел новую семью, слыл состоятельным и уважаемым человеком. И все же тяжелые мысли продолжали посещать шкипера. Возможно, их влиянием объясняется странная болезнь, поразившая Фридольфа Гека в последние годы жизни. Он стал страдать бессонницей, потом к ней добавились мучительные головные боли и помрачение рассудка. В 1904 г. этот сильный и одаренный человек застрелился...

Нападение на ферму Гека стало одним из самых нашумевших деяний уссурийских хунхузов за всю историю края. Сообщение об этом происшествии в ноябре 1879 г. появилось даже в центральной российской газете того времени – «Санкт-Петербургских ведомостях». Возникает вопрос: а был ли визит «краснобородых» банальным разбоем? Случайным его совершенно точно не назовешь. С одной стороны, похищенное имущество свидетельствовало о корыстных намерениях бандитов. С другой стороны, бросается в глаза тот факт, что разгром фермы был учинен после того, как ее продукция завоевала признание владивостокских покупателей. Не исключено, что Гек попросту перешел дорогу «манзам», державшим в своих руках снабжение столицы Приморья продуктами огородничества. Бизнес приносил китайцам огромные доходы, и появление удачливого конкурента каждый раз вызывало их крайнее недовольство. Еще в 1877 г. на окраине Владивостока чуть было не произошло массовое побоище между китайцами и корейцами, пытавшимися, выражаясь современным деловым языком, «занять сегмент овощного рынка». Кровопролитие предотвратило только появление солдат гарнизонного караула.

Похищенный сын Гека, возможно, предназначался «краснобородыми» для шантажа отца. Об этом свидетельствует тот факт, что обычного требования уплаты выкупа хунхузы шкиперу так и не прислали...

Примечательно, что спустя три года после разгрома фермы на полуострове Сидими такое же нападение было совершено хунхузами на усадьбу другого приморского предпринимателя – К.А. Купера. 27 апреля 1882 г. в заливе Пластун Купер обнаружил разграбленным и сожженным свой дом. На пепелище купец нашел тела своих сыновей Евгения и Иосифа, а также двух китайцев – компаньона Чжун Сицзина и приказчика Ма. Нападавшими был угнан скот Купера и разграблено имущество на сумму 23 тысячи рублей. Подозрение властей пало на шестерых китайцев: Шунь Чжа, Сун Тая, Цзун Вэньцая, Ли Хуэйшаня, Ма Ю и Ян Юнсина. Все шестерых взяли под стражу и отправили на следствие в Хабаровку. Здесь в судьбу задержанных вмешался известный купец Цзи Фэнтай или, как называли его русские, Николай Иванович Тифонтай. Тифонтай взял китайцев на поруки, а дальнейшее расследование подтвердило невиновность всех

шестерых. Злодеями оказались совсем другие китайцы, незадолго до трагедии появившиеся в Пластуне и нанявшиеся к Куперу на работу, а также их сообщники, проживавшие в окрестностях усадьбы. Из семерых бандитов удалось арестовать только одного, некоего Ван Цзичэна, да и тот в сентябре 1884 г. ухитрился сбежать с каменья-рыболовской гауптвахты, вырыв подкоп и унеся при побеге кандалы...

Как можно заметить, налет был организован разбойниками почти по такому же сценарию, что и нападение на ферму Гека! При этом известный владивостокский купец Я.Л. Семенов в 1885 г. прозрачно намекал на то, что жестокая расправа хунхузов с сыновьями Купера была вызвана его попыткой составить конкуренцию китайцам в весьма доходном промысле морской капусты. Комментарии, как говорится, излишни!

«БЕЛЫЙ ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАРИК»

Странное дело, сохранив в своей памяти дела этого субъекта, история постоянно путается, пытаюсь назвать его имя. Ли Гуй, Лигуй, Ли Чжуй, Ли Чжун... Все это один и тот же человек – скользкий, двуличный и изворотливый. Никто не знает, когда он появился в Уссурийском крае, откуда пришел и чем занимался прежде, чем вынырнуть из безвестности. Зато известно, когда это имя впервые появляется в документах приморской администрации – в январе 1868 г. Именно тогда «манза» Ли Гуй, один из многочисленных китайцев без роду и племени, проживавших в долине реки *censored*н, попался на глаза начальнику Суйфунского потового округа подполковнику Я.В. Дьяченко.

Обстоятельства появления подполковника на *censored*не уже известны читателю из очерка «Первые выстрелы в Приморье». Есть сведения, что к тому времени Ли Гуй жил в крае уже более двадцати лет. Нетрудно предположить, что старожил пользовался среди своих соседей кое-каким авторитетом, хотя и не входил в окружение местного «старшины» Ю Хая. Так или иначе, когда подполковник Дьяченко решил назначить Ли Гуя новым «манзовским начальником» взамен арестованного Ю Хая, никто из китайцев не роптал. Ли Гуй удивительно быстро вошел в новую роль. Сумев понравиться русскому начальству, он получил в свои руки реальную и весьма немалую власть. «Старшины» (да-е) появились в Уссурийском крае задолго до государственных чиновников. Опыт поколений предков, тысячелетиями живших в общине, привил китайцам удивительную способность к самоорганизации в любых условиях, будь то приморская тайга или «каменные джунгли» американского города. Там, куда не доставала сильная рука государства, люди тоже нуждаются в силе, защищающей от криминала и разрешающей споры. Такой силой для уссурийских китайцев были «старшины». В первые годы своего существования русская администрация вынуждена была мириться с властью «старшин» по всему краю, да и впоследствии в самых глухих уголках Приморья их влияние продолжалось.

Каждые три года члены «манзовской» общины собирались на совет для выбора нового «главы самоуправления». Сходку приурочивали к наступлению Нового года и воспринимали как особый праздник. Назначение избранных скреплялось договором, под которым ставили свои подписи все члены общины. При этом неграмотные могли просто оставить на бумаге отпечаток пальца или иной знак. Выбранный цзун да-е (главный «старшина») был «един в трех лицах», объединяя в своих руках законодательную,

исполнительную и судебную власть. Могущество цзун да-е, как правило, заканчивалось за ближайшим горным хребтом: соседняя долина была обиталищем другой общины с другими законами. Однако на своей территории «старшина» был вправе распоряжаться жизнью и смертью «подданных», налагая повинности и вынося приговоры вплоть до погребения провинившегося заживо. В распоряжении цзун да-е был целый штат сотрудников. Тун-цзун-ли следил за исполнением законов общины. Два заместителя «старшины» (бань да-е) выполняли наиболее важные поручения. Четыре помощника (себань да-е) ведали повседневными делами общинной жизни. Для защиты общины «старшина» собирал вооруженную «милицию». Именно эта функция «манзовских начальников», словно заноза, беспокоила русскую администрацию. «Защита общины» сплошь и рядом означала не только отражение хунхузских набегов, но и сопротивление заселению края русскими крестьянами, занимавшими земли, которые «манзы» считали своими угодьями.

Выйдя в начальники, Ли Гуй не стал искушать судьбу и дразнить русских. Он хорошо помнил судьбу своего предшественника, переоценившего свои силы и посмеявшегося заявить, что «на *censored*не русской земли нет». Ли Гуй всячески демонстрировал русским офицерам свою лояльность, являясь по первому требованию начальства. Однако лояльность «старшины» была исключительно показной. Демонстрируя горячее стремление выполнить очередное поручение властей, Ли Гуй на деле предпочитал создавать «шум, похожий на работу». В очерке «Аскольд – остров сокровищ» уже рассказывалось о том, как Ли Гуй, вместо того чтобы заниматься сбором «манзовских» лодок для лейтенанта Этолина, распространял слухи о приближении китайского войска. По законам военного времени уже этого хватало, чтобы «старшина» понес серьезное наказание. Однако командир «Алеута», видимо, решил, что озлоблять *censored*нских китайцев, имея под носом полторы тысячи старателей и хунхузов, будет рискованно. Ли Гуй воспользовался этим и продолжал свою сомнительную активность. Под предлогом передачи начальству «важных сведений» он частенько наведывался на пост Находка, приезжал на шхуну «Алеут», а затем отправился во Владивосток, где его присутствие абсолютно не требовалось. «Сведения» Ли Гуя каждый раз оказывались либо запоздавшими, либо бесполезными. Зато «старейшина» всячески старался побольше разузнать о силах русских и выведать их планы в отношении хунхузов.

Во Владивостоке активность Ли Гуя настолько бросалась в глаза, что солдаты доложили постовому начальнику о подозрительном китайце. От Ли Гуя потребовали объяснений, но «старшина» сумел заговорить зубы гарнизонным командирам. Лишь в самом конце «Манзовской войны» Ли Гуя пришлось несколько дней просидеть под арестом в обозе отряда Н.М. Пржевальского. Штабс-капитан обвинил «старшину» и его подручных в нарушении приказа русской администрации и с присущей ему решительностью сразу же принял меры. Дело в том, что еще в январе 1868 г. подполковник Дьяченко обязал Ли Гуя подчиняться начальнику военного поста Находка. Во время «Манзовской войны» маленьким находкинским гарнизоном командовал моряк-гидрограф, лейтенант К.С. Старицкий. Не принадлежавший к строевому офицерству, Старицкий оказался очень толковым командиром, установил в окрестностях Находки железный порядок и, в частности, велел *censored*нским «манзам» доставлять к нему для допроса всех пойманных разбойников. В нарушение этого приказа Ли Гуй казнил в своей «резиденции»

трех хунхузов. Видимо, «старшине» очень не хотелось везти бандитов в Находку, где они могли рассказать русским много интересного о Ли Гуй и его связях с «краснобородыми». По крайней мере, Пржевальский в этом не сомневался. Как бы то ни было, обезглавив хунхузов, Ли Гуй в очередной раз сумел выйти сухим из воды: прибывший морем из Николаевска-на-Амуре контр-адмирал И.В. Фуругельм не нашел веских оснований для наказания хитрого китайца. Ли Гуй был не только освобожден, но и остался во главе *censored*нского «манзовского самоуправления».

Имя Ли Гуя вновь оказалось в центре внимания спустя двенадцать лет. Китайцы Уссурийского края вновь ополчились против русских, причем, как и в 1868 г., рассадником этих настроений вновь стала долина *censored*на. Ли Гуй, долгое время ходивший тише воды ниже травы, в июне 1880 г. внезапно вышел из-под контроля и учинил «оскорбление действием» штабс-капитана Наперсткова, проезжавшего через *censored*нскую долину и потребовавшего от Ли Гуя лодки для переправы. Попросту говоря, офицер и казаки его конвоя были избиты китайцами. Поведение «старшины» становится понятным, если учесть, что еще в 1878 г. цинский чиновник Мугденгэ, прибывший во Владивосток из Хуньчуня для отправки в Китай тела убитого китайца, встретился с Ли Гуем и... объявил о пожаловании последнему чиновничьего звания и назначении начальником «манзовского» населения всего Южно-Уссурийского края! Ли Гуй, видимо, решил, что теперь он не обязан оказывать содействие русским официальным лицам. За своевольные действия Ли Гуя арестовали и собирались выдать хуньчуньскому фудутуну. Однако пограничный комиссар Н.Г. Матюнин, узнав, что китаец уже три с лишним десятка лет проживает в Уссурийском крае, признал его русским подданным и приговорил к высылке в отдаленные селения области. Приговор послали на утверждение областному военному губернатору, которым в то время был герой «Манзовской войны» М.П. Тихменев. После долгого рассмотрения дела в областном присутствии губернатор вынес неожиданное решение... освободить Ли Гуя. Что-то в истории с Наперстковым показалось Тихменеву странным. Разобраться в деле до конца не получалось: потерпевший от китайцев штабс-капитан уже покинул край. Получив свободу, Ли Гуй не стал возвращаться на *censored*н, зато очень быстро оказался... в Хуньчуне.

Тем временем в отношениях двух империй наступило охлаждение, чреватое серьезным конфликтом. Мощное восстание мусульманского населения Китайского Туркестана против китайского владычества в середине 1860-х гг. ввергло сопредельные с Россией районы Поднебесной в кровавый хаос. После взятия восставшими в апреле 1866 г. города Чугучака власть Пекина в Синьцзяне, казалось, окончательно пала. Установление на территории Кашгарии и Илийского края власти местных исламских лидеров не погасило страстей. Разоренное войной население огромного края в массовом порядке искало спасения на русской территории. При этом как беженцы, так и население приграничных районов России страдало от расплодившихся разбойников. В этой ситуации губернатор Семипалатинской области генерал Г.А. Колпаковский по согласованию с Петербургом отдал приказ войскам занять Илийский край. Этот шаг позволил навести порядок, однако резко ухудшил отношения России с Китаем. Хотя при занятии Илийского края официальный Пекин получил заверения в том, что это временная мера, китайское правительство подозревало – и небезосновательно, – что просто так русские оттуда не уйдут.

Перспектива территориальных потерь вовсе не устраивала официальный Пекин. В течение нескольких лет китайское правительство ничего не могло поделать ни с мятежниками, ни с русскими оккупационными войсками, однако во второй половине 1870-х гг. ситуация изменилась. Цинские войска под командованием генерала Цзо Цзунтана, разгромив очаги восстания в провинциях Шэнь-си и Ганьсу, вошли в Синьцзян. Летом 1877 г. умер наиболее могущественный из местных лидеров – кашгарский эмир Якуб-бек. Спустя год цинские войска подошли к границам Илийского края. Происходящее не застало русское правительство врасплох. Опасаясь войны с Китаем, оно еще в марте 1878 г. приняло решение вернуть Китаю Илийский край, выдвинув ряд встречных условий. В конце 1878 г. в Россию прибыл цинский посланник Чун Хоу. Переговоры о судьбе Илийского края продолжались почти год и завершились в октябре 1879 г. подписанием Ливадийского договора. Чун Хоу, игравший «на чужом поле» фактически в одиночку, принял требования русской стороны, включавшие амнистию участникам антицинского восстания, выплату Пекином издержек по многолетнему управлению краем, предоставление русским купцам торговых льгот, а самое главное – уступку ряда стратегически важных приграничных районов Илийского края России. Последнее вызвало в Пекине бурю негодования, едва не стоившую Чун Хоу головы. Цинский двор отказался ратифицировать Ливадийский договор, и все началось сначала. Летом 1880 г. в Петербург прибыл новый переговорщик – цинский посланник в Лондоне и Париже Цзэн Цицзэ. В ходе тяжелых переговоров царскому правительству пришлось умерить притязания, и в феврале 1881 г. новое соглашение было достигнуто. Вступивший в силу 7 августа 1881 г. Петербургский договор позволил разрешить затянувшийся илийский кризис. Уже в марте 1882 г. русские войска отправились домой, а к концу 1883 г. получила обозначение линия русско-китайской границы в Илийском крае.

Заключение Петербургского договора 1881 г. было с полным основанием воспринято в Пекине как серьезная дипломатическая победа. Развивая успех, китайские власти уже в 1882 г. поставили перед Россией вопрос о пересмотре границы в Уссурийском крае. В центре спора оказалась деревня Савеловка, незадолго до этого основанная корейцами, принявшими русское подданство. Отводя переселенцам место для строительства, начальник Новгородской постовой команды полковник Савелов допустил ошибку и залез на территорию Китая в местности под названием Хэйдинцзы. Никакого умысла в этом не было: линия границы в Уссурийском крае была обозначена на местности гораздо хуже, чем на бумаге. К тому же за годы, прошедшие со времени разграничения 1860 г., пограничные знаки попросту разрушились. Долгое время китайские власти не обращали на это внимания, однако в конце 1882 г. внезапно решили возмутиться. Сильное влияние на местную администрацию оказывал крупный столичный сановник У Дачэн, еще в 1880 г. прибывший в Маньчжурию укреплять оборону северо-восточных окраин. Поднимая вопрос о Савеловке, цинские власти намеревались в конечном счете завладеть частью побережья залива Посьет и, лишив Россию общей границы с Кореей, обеспечить себе выход к Японскому морю. Действуя чрезвычайно напористо, гиринский губернатор Мин Ань попытался поставить в Савеловке китайский войсковой караул. В ответ из села Никольского в направлении границы в начале 1883 г. был выдвинут 3-й Восточно-Сибирский батальон (так называемый «Савеловский поход»).

На требования маньчжурских властей немедленно очистить Савеловку губернатор Приморской области генерал-майор И.Г. Баранов резонно отвечал, что для решения такого вопроса нужно созывать пограничную комиссию с участием обеих заинтересованных сторон. В то же время в переписке с вышестоящим начальством генерал настоятельно рекомендовал не упорствовать в вопросе о судьбе деревни, дабы не провоцировать конфликт с китайцами. Последний был чреват серьезными последствиями: для надежного прикрытия края сил у губернатора было маловато. Преследуя собственные цели, китайские власти понимали, что для полного пересмотра границы оснований нет. Еще летом 1877 г. прохождение линии границы от Посьета до устья Уссури, определенное Пекинским договором, было подтверждено двусторонней комиссией, причем китайская сторона не только не имела претензий, но даже наградила главу русской делегации Н.Г. Матюнина орденом. Требовалось оказать на русских дополнительное давление. Для этого маньчжурские власти подняли вопрос о преступлениях русских против китайцев, проживающих на российской территории.

Основания для подобных претензий можно было найти достаточно легко, так как русские казаки и поселенцы, постоянно испытывавшие активную неприязнь со стороны более многочисленного «манзовского» населения уссурийской глубинки, при случае охотно платили китайцам той же монетой. Во Владивостоке и крупных селах, где «соотношение сил» было в пользу русских, китайцам и вовсе не было спасения от зуботычин. Однако претензий по поводу ганских выходов уличного сброда было маловато для международного скандала. Нужно было спровоцировать русские власти на репрессивные меры в отношении «манз». И тут же, словно чертик из табакерки, в 1882 г. на *censored*не снова возник Ли Гуй. Он перешел границу края не один, а в сопровождении сотни вооруженных хунхузов. Ли Гуй объявил *censored*нским «манзам», что возвращается к исполнению обязанностей «старшины» на пространстве от Шкотовой до залива Святой Ольги. Самое интересное, что на этот раз Ли Гуй был пожалован в «начальники» не русской, а... китайской администрацией, вручившей ему шапку с «белым хрустальным шариком» в качестве символа власти. Белый шарик был признаком довольно высокого, 5-го чиновничьего ранга. Опираясь на хунхузскую «дружину», Ли Гуй присвоил себе функции русской администрации, творя суд и расправу не только над своими китайскими «подданными», но и над русскими поселенцами – жителями деревень Владимировки и Александровки. В скором времени численность отряда Ли Гуя выросла до 240 человек.

Для поимки новоявленного «наместника» на *censored*н пришлось вновь посылать войска. Подполковник Винников с 50 солдатами высадился в устье *censored*на, а полковник Рябиков с ротой двигался ему навстречу от верховьев. Трудности похода замедляли продвижение отрядов, и Ли Гуй конечно же не замедлил этим воспользоваться. С четырьмя десятками боевиков «старшине» удалось улизнуть в Китай. Его «милиция» рассеялась по «манзовским» фанзам, а русским войскам в качестве трофеев достались чиновничья шапка Ли Гуя, указ о его назначении «правителем», распоряжение о строительстве укреплений, печать, знамя, небольшая пушка, 4 пуда пороха, 28 ружей и револьверов, 42 пики и около тысячи патронов.

Больше о Ли Гуйе в Уссурийском крае не слышали...

КАК ХУНЬЧУНЬСКИЙ ФУДУТУН САМ СЕБЕ ЯМУ ВЫКОПАЛ

Этот очерк – самый маленький в книге. Он целиком посвящен одному-единственному эпизоду дальневосточной хунхузской эпопеи. Эпизоду маленькому, но чрезвычайно поучительному.

Засылая в начале 1880-х гг. в Уссурийский край Ли Гуя, китайские власти преследовали двоякую цель. С одной стороны, нужно было «возмутить» уссурийскую глубинку и спровоцировать русское начальство на «непопулярные меры» в отношении китайцев. Жалобы «пострадавших от произвола царских властей» должны были стать дополнительным козырем в переговорах с российским МИДом. С другой стороны, даже простая дестабилизация обстановки в русских пределах играла на руку китайским властям, отвлекая внимание местного русского начальства от пограничных проблем. Если для достижения первой цели нужен был опытный интриган, каким был наш знакомец Ли Гуй, то другая была вполне по силам обычным бандитам-хунхузам. То, что приграничные маньчжурские власти имели возможность договориться с атаманами «краснобородых», у автора нет никаких сомнений. Китайское чиновничество, с его тысячелетним дипломатическим опытом, сумело бы найти общий язык хоть с владыкой ада Янь-ваном – лишь бы нашлись «точки соприкосновения». Хунхузам могли пообещать вознаграждение в звонкой монете или на худой конец «зеленую улицу» при переходе к границе соседней державы. Это не так уж и важно. Важно то, что в активизации хунхузов на русской территории в начале 1880-х гг. отчетливо прослеживается «хуньчуньский след». В набегах «краснобородых» тех лет ощущались какая-то особая целеустремленность, наглость и присутствие чужой воли. Уже в 1880 г., впервые после 1868 г., хунхузы осмелились напасть на солдат русской армии, учинив налет на ферму (подсобное хозяйство) 1-го Восточно-Сибирского батальона. При этом один солдат был убит и еще один ранен. Кроме того, был ранен русский охотник, ночевавший на ферме.

Несомненно, что в переговорах с главарями хунхузских «братств» китайские чиновники, помимо деловых аргументов, использовали ссылки на патриотизм и служение «китайскому делу». Для вида атаманы могли соглашаться, однако в душе продолжали оставаться обычными бандитами, готовыми на все ради обогащения. В 1868 г. «манзовские» повстанцы и их самодельные знамена были ширмой, за которой скрывались возы с награбленным хунхузами крестьянским добром. Спустя годы «манзы» стали для «краснобородых» таким же объектом охоты, как русские или корейцы. Весной, в пору окончания зимнего соболиного промысла в уссурийской тайге, не только агенты-скупщики пушнины (цай-дуны), но и простые соболевщики сплошь и рядом становились жертвами хунхузов. Какие бы то ни было национальные чувства не имели значения перед перспективой добычи. Стремясь завладеть ею, хунхузы с легкостью подвергали земляка-китайца самым изуверским пыткам. В 1879 г. один «манза», хозяин плантации женьшеня на реке Эльдагоу, выгодно продал во Владивостоке партию своего товара. Выручку в размере 3 тысяч рублей он оставил на хранение знакомому городскому купцу, а сам поехал на плантацию. По возвращении домой китайца ожидал неприятный сюрприз в виде трех десятков головорезов, потребовавших вырученные деньги. Тщетно пытался плантатор убедить хунхузов, что деньги остались во Владивостоке. Бандиты принялись пытать его, положив на жаровню. Когда хозяин умер под пыткой, такая же участь

постигла его помощника. Смерть несчастного заставила хунхузов приняться за третьего обитателя плантации – старика китайца. В этот момент «краснобородым» что-то помешало. Последняя жертва осталась жива и рассказала о случившемся... Надо сказать, что жестокость и готовность часами истязать упорствующую жертву были для хунхузов вполне обычным делом. Уже упоминавшийся британский путешественник Г. Джеймс писал в 1886 г.: «Подобно индийским пиндари начала века, бандиты часто пытаются людей, у которых, по слухам, имеются деньги или опиум, поджаривая пальцы жертвы на огне или подвешивая ее за большие пальцы рук. Самый же эффективный способ состоит в покалывании шеи жертвы мечом до тех пор, пока это непрерывное кровопускание не вырвет необходимое признание».

Тайное науськивание хунхузов на русских в итоге обернулось для самих цинских чиновников серьезной неприятностью. К сожалению, при этом погиб один русский солдат и пострадали двое других. Дело было так. В сентябре 1884 г. сын хуньчуньского фудутуна со свитой возвращался домой из Владивостока. Юноша ездил в столицу Приморья, чтобы развлечься и сделать кое-какие покупки. То ли торг оказался неважным, то ли развлечения пришлось не по вкусу, но, возвращаясь домой, молодой человек имел при себе нерастраченной крупную сумму денег – около 4 тысяч серебряных долларов. О таком лакомом куске стало известно хунхузам, имевшим многочисленных соглядатаев и наводчиков в столице Приморья. Достигнув Посьетского участка, сын фудутуна в ночь с 19 на 20 сентября 1884 г. остановился на ночлег в фанзе китайца Сзы неподалеку от русского Хуньчуньского караула. Такие фанзы, располагавшиеся на проезжих дорогах, издавна служили постоянными дворами для путников, как китайцев, так и русских. Именно во время ночевки «братья», несомненно следившие за караваном, и решили избавить молодого человека от наличных. Случилось так, что в ту же ночь с караула в обход по границе отправился наряд в составе стрелков 6-го стрелкового батальона Малышева и Кавардакова и казака Козакова. Продрогнув на осеннем ветру, служивые зашли погреться в фанзу Сзы. Время было около полуночи, когда на дворе раздался яростный лай собак: это явившиеся хунхузы под покровом ночной темноты начали шарить по возам в поисках денег и ценностей. Стрелок Малышев решил посмотреть, что происходит на улице. Едва солдат приоткрыл дверь, как получил удар тесаком по голове. С криком «Караул!» окровавленный Малышев кинулся в фанзу, где сразу же поднялась паника. В суматохе кто-то перевернул светильник, и солдаты никак не могли нашарить подсумки с патронами. С незаряженными ружьями они выскочили на двор, где были окружены толпой из полутора десятков разбойников. В завязавшейся свалке Малышев получил удар ножом в бок, Кавардакова оглушили дубиной, а Козакова сбили с ног. Один из хунхузов попытался добить дважды раненного Малышева, однако последний так «попотчевал» бандита штыком, что тот упал замертво. Воспользовавшись минутным замешательством хунхузов, Малышев нырнул в траву и что есть силы побежал за помощью на пост. «Братья» кинулись было вдогонку, но Малышев, целясь из незаряженного ружья и отмахиваясь штыком, несколько раз отгонял преследователей. Истекая кровью, солдат добрался до караула и поднял тревогу. Когда отряд конных казаков прискакал к фанзе, «братья» уже скрылись, не забыв прихватить денежки хуньчуньского фудутуна. Казаки нашли Козакова лежащим без чувств, Кавардаков был убит... Сын китайского чиновника и его сопровождающие не пострадали. Нет никакого сомнения, что исход нападения был бы совсем другим, если бы не русские солдаты, не побоявшиеся вступить в неравную

схватку с вооруженными разбойниками. Сын фудутуна наверняка был бы похищен хунхузами с целью получения выкупа от его высокопоставленного отца.

В три часа ночи в урочище Новокиевском уже знали о происшествии. Начальник 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал Ф.М. Депрерадович выслал за разбойниками погоню. Вскоре и китайские власти, забыв о разногласиях с русскими, отрядили к границе три роты своих солдат для совместного преследования шайки.

23 сентября 1884 г. в Новокиевском с воинскими почестями похоронили убитого стрелка Кавардакова. Затем генерал Депрерадович посетил в лазарете раненого Малышева. Когда-то, в конце 1860-х гг., начальник бригады служил на Сахалине, где под его командованием было основано несколько постов, ставших со временем крупнейшими городами острова. В 1876 г. Ф.М. Депрерадович отправился добровольцем в воюющую Сербию, а год спустя встал в ряды действующей армии, освобождавшей болгар от османского ига. В обороне Шипкинского перевала и других боях с турками полковник Депрерадович снискал славу храброго солдата. После окончания войны на Балканах офицер вернулся на Дальний Восток и, выйдя в генералы, возглавил войска, прикрывавшие русско-китайскую границу. Прошедший войну, Депрерадович умел ценить отвагу подчиненных. Поблагодарив Малышева за молодецкую службу, генерал обещал ему Георгия за храбрость.

ПИРАТЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Путешественник, вознамерившийся посетить Маньчжурию и Дальний Восток России сто с лишним лет назад, рисковал стать объектом хунхузского внимания не только на суше, но и на воде. Пиратство было не менее популярным занятием в среде «краснобородых», чем бандитизм или рэкет. И хотя китайский морской разбой получил наибольшее распространение в Южных морях, жители побережий Японского моря также сумели добиться кое-каких «достижений» на этом поприще.

Можно сказать, что пиратство в водах Японского моря зародилось одновременно с мореходством. Хотя сведения о первых местных кораблях и мореплавателях, содержащиеся в китайских и японских хрониках, не так уж и богаты, они позволяют набросать следующую картину. Уже в первых веках нашей эры быстроходные суда племен иру (илоу), живших на территории Маньчжурии и Приморья, наводили страх на прибрежные селения соседей. Суда ирусцев могли подниматься по рекам далеко в глубь материка. Зная об этом, жители прибрежных районов каждую весну уходили на летние стойбища, затерянные в тайге и в горах.

Конкуренцию ирусцам составляли японские пираты. В VII в. н. э. японцы совершили набег на побережье Приморья с целью захвата у местных мукрийских племен... живых медведей. В 698 г. объединившиеся мукрийцы создали на территории Приморья и Маньчжурии сильное государство Бохай, земли которого простирались вплоть до южной оконечности Ляодунского полуострова. Бохай располагал сильным флотом, в составе которого были крупные суда, способные брать на борт до 100 человек, а также припасы в количестве, достаточном для путешествия в Японию. Первое посещение бохайскими

морьяками Страны восходящего солнца состоялось в 727 г., а самые большие посольства бохайцев ко двору японских императоров включали до трех сотен человек! Крупнейший порт царства находился вблизи современного поселка Краскино в Приморском крае, где и по сей день сохранились остатки земляных валов укрепленного города. Здесь же располагались судостроительные верфи бохайцев. Несмотря на хорошие мореходные качества судов, древние мореходы Приморья предпочитали каботажные плавания. Отправляясь в Японию, их суда вначале следовали на юг вдоль берегов Корейского полуострова, а затем пересекали Цусимский пролив в самой узкой его части. Помимо Японии, бохайцы часто посещали китайские гавани Шаньдунского полуострова. На северном побережье Желтого моря, в устье реки Ялуцзян (Амноккан) располагался второй крупный порт царства, специально предназначенный для торговли с Поднебесной.

Отношения бохайцев с Китаем не были безоблачны. Во время военных конфликтов флот служил мощным оружием в руках правителей царства. В 733 г. многочисленные бохайские корабли напали на китайский порт Дэнчжоу и полностью разорили его.

Наследниками морской славы бохайцев стали чжурчжэни, чье государство возникло на обломках Бохайского царства, разгромленного вторгшимися в 926 г. киданями. В 1019 г. чжурчжэни на 50 с лишним судах совершили нападение на побережье Корейского полуострова и ограбили местных жителей. Затем пиратская флотилия захватила острова Цусима и Ики, перебив и взяв в плен свыше тысячи местных жителей. Добычей морских разбойников стали несколько сотен голов скота, а также продукция серебряных рудников. После этого корабли чжурчжэней появились у берегов Японских островов, совершив налеты на прибрежные уезды провинций Тикудзэн и Бидзэн. Японцы прозвали чжурчжэней, вооруженных кинжалами и мечами, дои («ножевыми дикарями»). Наряду с большими морскими судами у чжурчжэней были мелкие маневренные корабли, ходившие не только под парусом, но и на веслах. Их «ножевые дикари» использовали для речных экспедиций в глубь материка.

Если бохайцы создавали на побережье Уссурийского края крупные порты, то все поселения чжурчжэней были скрыты в глубине материка, откуда их корабли спускались к морю по рекам. Причина проста: чжурчжэни, сполна отдавшие дань морскому разбою, сами боялись нападений пиратов – японских и корейских.

Золотая империя чжурчжэней, достигшая к началу XIII в. вершины своего могущества, в 1234 г. пала под ударами монгольских полчищ. Города лежали в руинах, большинство жителей было истреблено или угнано в рабство. Жалкие остатки населения рассеялись по труднодоступным лесным уголкам, и некогда оживленные торговые пути обезлюдели. Судходство Японского моря пришло в полный упадок, и о пиратах в этих водах забыли на несколько веков. В XV–XVI вв. у берегов Кореи происходили многочисленные стычки местных жителей с японскими и маньчжурскими пиратами, однако в заливах Приморья морских разбойников по-прежнему не видели – здесь им просто нечем было поживиться.

Возрождение мрачной славы средневековых пиратов в водах Уссурийского края происходит в XIX в. Уже в 1868 г., во время блокады хунхузских приисков на острове Аскольд, во Владивостоке была задержана крупная китайская джонка, на борту которой

были найдены «два китайских штуцера, пороху с ящиком 4 пуда 32 фунта и 913 штук взрывчатых фейерверков». Впрочем, осталось неизвестно, предназначался ли этот арсенал для нападения на другие китайские суда или, напротив, для защиты от пиратов.

Объектом внимания «морских хунхузов», промышлявших у берегов Уссурийского края, были китайские купеческие джонки, совершавшие каботажные рейсы между Владивостоком и портами Маньчжурии и Кореи. «Флибустьеры» нападали даже на рыбаков, не гнушаясь отбирать в качестве добычи улов. Захваченное немедленно продавалось пиратами... в Семеновском ковше [11 - Семеновский ковш – небольшая мелководная бухта в центре нынешнего Владивостока.] Владивостока. Популярный среди гостей Владивостока рынок морепродуктов существует в этом месте и в наши дни, а в конце XIX столетия бухта была основной рыбацкой гаванью владивостокского «чайна-тауна». Поскольку пираты пользовались обычными китайскими джонками, а их одежда и внешний вид ничем не выделялись в толпе «манз», поимка злодеев представляла собой практически невыполнимую задачу. К тому же настоящие рыбаки, боясь пиратов, предпочитали не сообщать властям об их появлении во Владивостоке.

Укрытиями пиратов служили бесчисленные уединенные бухты островов залива Петра Великого, где «джентльмены удачи» чувствовали себя весьма вольготно. Русские власти долгое время закрывали глаза на вылазки «морских хунхузов»: военные суда были наперечет и занимались в основном описанием берегов края и снабжением военных постов. Уверенные в своей безнаказанности, «морские хунхузы» не боялись устраивать стоянки даже на мысе Песчаном в Амурском заливе, который хорошо просматривается из Владивостока.

В начале 1880-х гг. ситуация стала меняться. Чашу терпения властей переполнило нападение обнаглевших пиратов на казенное судно, помимо всего прочего перевозившее деньги военного ведомства. Команда стрелков, посланная из Владивостока на гребных судах, накрыла разбойников на острове Попова в 20 километрах к югу от города. Не меньшей популярностью у пиратов пользовалось южное побережье острова Русский, расположенного буквально «у порога» столицы Приморья. О том, насколько вольготно чувствовали себя здесь морские разбойники, свидетельствует картина, которую застали русские военные в ноябре 1881 г. В распадке неподалеку от берега были выкопаны многочисленные землянки, в которых жили несколько десятков хунхузов. На острове постоянно жили два пиратских атамана – И Юн и Шан, – существовали игорный дом и опиекурильни. Русским войскам под командованием подполковника Рябикова, разделившимся на два отряда (30 и 60 человек) и взявшим пиратов «в клещи», удалось захватить обоих пиратских главарей, а также их сообщников – всего от 14 до 17 человек. В этой операции против пиратов был впервые задействован пароход. Впоследствии полиции и военным еще не раз приходилось наведываться на остров Русский. В июле 1903 г. в бухте Холувай произошла стычка между бандой «морских хунхузов» и солдатами владивостокского гарнизона. Командовал операцией помощник владивостокского полицмейстера, бывший кадровый военный, штабс-капитан П.В. Шкуркин. Выпускник Владивостокского восточного института, Павел Васильевич Шкуркин (1868–1943) получил известность как выдающийся китаевед, этнограф и литератор. Практически вся жизнь этого человека на Дальнем Востоке оказалась, так или

иначе, связана с хунхузами. В перестрелке на острове Русский Шкуркину не повезло – пиратская пуля пробила ему руку. Еще одна стычка полиции с пиратами имела место на берегу Амурского залива 2 сентября 1906 г. Два десятка «краснобородых», пристав к берегу, поджидали посланца, который должен был доставить дань, собранную владельцами джонок, – по 200 рублей серебром с каждого судна. Внезапно появившаяся миноноска отрезала пиратским шаландам путь в море и высадила «десант» под начальством помощника полицмейстера Петрова. В завязавшейся свалке последний лишь по счастливой случайности избежал гибели от револьверной пули...

С 1885 г., когда на перехват пиратской джонки в район бухты Славянка была выслана винтовая канонерская лодка «Морж», в уссурийских водах начинаются регулярные «антипиратские» рейсы боевых кораблей Сибирской флотилии. Определить принадлежность китайской джонки к пиратскому «флоту» по внешнему виду было невозможно. Поэтому русские моряки часто останавливали суда китайцев, руководствуясь случайным выбором. Джонка подвергалась досмотру, и горе было тем, на чьем судне находили оружие. Тем не менее строгие меры долго не могли искоренить пиратство. По некоторым сведениям, в начале XX в. все китайские и корейские джонки, плававшие между Владивостоком, устьем реки Суйфун и противоположным берегом Амурского залива, платили дань хунхузам с каждого паруса, а с двухмачтового судна – в двойном размере. Что касается конкретных сумм, в которые обходился китайским судовладельцам относительно спокойный ночной сон, то, к примеру, главарь «морских хунхузов» Мау-лу в 1906 г. взимал с большой шаланды 300 рублей за навигацию, со средней – 200, а с малых джонок – по 50 рублей. Китайцы-лодочники платили атаману ежедневную дань в размере нескольких рублей.

В первые годы XX в. Мау-лу был в Уссурийском крае личностью известной. Появившись в русских пределах после событий 1900 г., он сколотил несколько шак общей численностью около 40 человек, часть из которых орудовала во Владивостоке и его окрестностях, а другая – на реке Суйфун. Пиратский атаман был схвачен на борту своей джонки у Адмиральской пристани Владивостока 22 августа 1906 г. чинами 3-й части городской полиции. Мау-лу встретил околоточного надзирателя с трехлинейной винтовкой-драгункой наперевес, однако стрелять не решился. При обыске на суденышке нашли еще две винтовки и полторы сотни патронов. О том, какую ненависть испытывали китайцы к атаману пиратской шайки, говорит тот факт, что в тот же вечер к приставу 3-й части П.Л. Кузнецову явилась целая депутация с требованием немедленно казнить негодяя. Можно предположить, что в глубине души пристав и его подчиненные разделяли такое желание, однако на деле, разумеется, следовали букве закона. В итоге Мау-лу со своими ближайшими подручными был всего лишь выслан в китайский порт Чифу, где деньги помогли ему быстро обрести свободу и спустя считанные недели... вновь появиться во Владивостоке.

В сентябре 1906 г. «морские хунхузы» Уссурийского края совершили, пожалуй, самый нашумевший из своих «подвигов», ограбив немецкий грузо-пассажирский пароход «Эрна». 26 сентября судно закончило погрузку и вышло на рейд коммерческого порта, готовясь следующим утром отплыть в Шанхай. На борту находилось около 100 пассажиров-китайцев, отправлявшихся на родину с заработанными в России деньгами.

Оказавшись на борту судна, они чувствовали себя в безопасности и расслабились. Этим обстоятельством и решили воспользоваться пираты. Несколько боевиков загодя устроились на борту «Эрны» под видом пассажиров. Наступила ночь, утомленная погрузкой команда уснула, а в помещениях для пассажиров также воцарился покой. В этот момент десять вооруженных головорезов принялись за дело. Один из пассажиров попытался оказать пиратам сопротивление, однако спутники не последовали его примеру, и смельчак, получив удар ножом, упал. Присвоив в общей сложности 7 тысяч рублей, хунхузы стали спускаться на джонки, подлетевшие к борту парохода. Только в этот момент масса пассажиров вышла из ступора и сумела задержать последнего из нападавших. Остальным хунхузам удалось скрыться в направлении мыса Басаргина. Утром жестоко избитый и даже подпаленный свечкой «флибустьер» угодил в руки вызванного на борт околоточного надзирателя Аулина – того самого полицейского, который за месяц до того арестовал Мау-лу.

Еще одним объектом пристального внимания «морских хунхузов» были порты Южной Маньчжурии от Ляодунского полуострова до устья реки Ялу. В конце XIX столетия в местечке Дачжуан близ современного города Далянь англичанину Г. Джеймсу рассказали о большом набеге «краснобордых грабителей», имевшем место в 1867 г. Две сотни пиратов высадились с джонки и в течение нескольких дней безнаказанно грабили Дачжуан и другие мелкие гавани ляодунского побережья. Только в Дачжуане их добыча составила 8 тысяч лян серебра (около 2 тысяч фунтов стерлингов), а в других местах и того больше [12 - Рассказ об этом набеге – единственный эпизод книги Джеймса «Длинные Белые Горы», в котором автор именуется преступников «краснобордыми грабителями» (red-bearded robbers), буквально понимая слова жителей деревни. Во всех остальных случаях он использует для обозначения маньчжурских хунхузов английское слово brigands («разбойники») либо изящное итальянское banditti («бандиты»).]. Периодические набеги пиратов вынуждали маньчжурские власти строить в приморских городах крупные оборонительные сооружения (как, например, в Бицзыво) и держать отряды солдат даже в самых незначительных портах.

«Речные хунхузы» орудовали на главных водных путях Маньчжурии и русского Дальнего Востока – реках Амур, Сунгари и Уссури. Эти пираты делились на оседлых и бродячих. Если первые предпочитали получать легкие деньги, облагая данью купцов и судовладельцев, перевозивших товары, то вторые и сами были не прочь попытаться счастья на шаткой палубе джонки. «Речные хунхузы» использовали быстроходные лодки, легко нагонявшие неуклюжие тупоносые «шаланды» купцов. Цинское правительство было вынуждено держать на главной маньчжурской реке Сунгари военные джонки с пушками для борьбы с пиратами. С учреждением на Сунгари правильного пароходства, почти целиком находившегося в руках управления КВЖД, охрану водного пути взяла на себя русская пограничная стража, имевшая для этого специальные вооруженные пароходы, которым нередко приходилось вступать с пиратами в настоящие сражения. Подобные суда громко именовались «крейсерами пограничной стражи» и принадлежали к многочисленному семейству однотипных номерных (то есть имевших номер вместо названия) грузо-буксирных пароходов Общества КВЖД, построенных в 1898–1899 гг. Интересен способ постройки этих судов: они заказывались на английских заводах и доставлялись на Дальний Восток в виде секций, пригодных для быстрой сборки на

примитивном стапеле. Водоизмещение корпуса такого судна без учета машины составляло всего около 32 тонн – качество, обеспечивавшее малую осадку. Длина парохода составляла около 30 метров, ширина – чуть больше 4 метров. При машине 200 лошадиных сил пароходы могли развивать среднюю скорость 8–9 верст в час на ходу против течения.

В 1909 г. профессор Владивостокского восточного института А.В. Гребенщиков совершил на борту крейсера «Восемнадцатый» интересное путешествие по маньчжурской реке Нонни (Нунцзян). В своих путевых заметках востоковед дает следующую характеристику корабля: «"18-й" оправдывал свое воинственное название "крейсер" назначением – борьба с хунхузами, наличием для этой цели винтовок по числу команды и двух скорострелок на верхней площадке. По своему внешнему виду "18-й" в пользу официального назначения имел три (с боков рубки) чугунных щита, долженствовавших защищать людей у штурвала от пуль». Под скорострелками, по всей видимости, следует понимать 63,5-мм десантные пушки В.С. Барановского, долгое время состоявшие на вооружении русского ВМФ и пригодные для установки на палубном станке. После Русско-японской войны все флотские орудия этой системы было решено отправить в переплавку, однако какое-то их число могло остаться в распоряжении маньчжурских пограничников. Для борьбы с бандитами они вполне годились.

Не лучше, чем на Сунгари, обстояло дело на Амуре. Только в 1898 г. здесь было отмечено 61 нападение на китайские джонки, в связи с чем было решено приобрести специальное патрульное судно и учредить ряд береговых караульных постов. Несмотря на принятые меры, активность «речных хунхузов» на Амуре не прекращалась. В октябре 1910 г. банда хунхуза Чжан Гочжэна пыталась напасть на пароход «Депутат», спасенный от разграбления только благодаря храбрости команды.

Лишь в 1910-х гг., когда русское правительство обратило серьезное внимание на укрепление дальневосточных границ, властям Уссурийского края удалось обуздать ненасытных «джентльменов удачи». Главную роль в этом сыграли миноносцы Сибирской флотилии: военное начальство наконец уяснило, что регулярные выходы в море нескольких патрульных судов дают больше толку, нежели редкие крейсерства одиночек.

До сих пор на страницах приморской печати появляются отголоски многочисленных легенд, связанных с похождениями пиратов Японского моря. Самая захватывающая история повествует о сказочно богатом кладе золота, якобы намытого хунхузами на острове Аскольд в 1867 г. Отступая под ударами русских военных команд, «краснобородые» припрятали золото где-то на территории края. Далее на сцене появляется обязательный элемент настоящей пиратской легенды – карта с указанием тайника. Эту карту несколько раз видели то на *censored*не, то во Владивостоке, то на острове Русский. В 1882 г., во время разгрома очередной пиратской базы, ее якобы нашел и присвоил себе безвестный казак, в конце концов продавший карту владивостокскому купцу по фамилии Вишняк. Долгие годы пиратская карта ожидала своего часа среди бумаг бизнесмена, пока ею не заинтересовались два хунхузских атамана-однофамильца. Чжан Цзолинь и Чжан Цзунчан еще появятся на страницах этой книги. В 1907 г. хунхузы наведались во Владивосток и предложили за карту 5 тысяч рублей. То ли сумма устроила

Вишняка, то ли форма «делового предложения» исключала возможность отказа, но купец согласился расстаться с пиратской реликвией. Оба Чжана уже предвкушали большой куш, как вдруг на сцене возникло еще одно действующее лицо – уголовник-рецидивист Павел Хундахадзе (он же Мжавия). Едва прослышав о карте, горячий грузин немедленно решил урвать свой кусок «золотого пирога». Выследив Вишняка, подручные Мжавии пытками вырвали у несчастного сведения о покупателях карты. Вскоре в грязных лабиринтах «чрева Владивостока» – знаменитой Миллионки – произошло несколько перестрелок между хунхузами и их русскими конкурентами. В дело вмешалась полиция, Мжавия был задержан, а оба Чжана убрались в Китай несолоно хлебавши. Уже после революции, став могущественным «генерал-инспектором» и фактическим императором Маньчжурии, Чжан Цзолинь якобы пытался отыскать вождевленное золото, но вновь потерпел неудачу. 4 июня 1928 г. штабной вагон Чжан Цзолиня был взорван под виадуком Южно-Маньчжурской железной дороги. Несколько лет спустя, 3 сентября 1932 г., на перроне Цзинаньского вокзала мстителем-одиночкой был заколот Чжан Цзунчан. Постепенно ушли в небытие все, кто знал о пиратском кладе. А золото по-прежнему дремлет где-то в укромном тайнике под сенью уссурийских кедров... Возможно, когда-нибудь по мотивам этой легенды будет написан (если уже не написан) хороший приключенческий роман. Что касается ее достоверности, то тут ваш покорный слуга склонен сильно сомневаться. Больше всего смущает присутствие в рассказе имени Чжан Цзолиня и дата его появления во Владивостоке – 1907 г. Всесильный «милитарист» 1920-х действительно долгие годы был главарем хунхузской шайки. Однако к 1907 г. он окончательно убедился, что высшим богатством является власть. Поступив на военную службу вместе со всем своим отрядом, Чжан в указанном году был целиком занят карьерой и командовал пятью армейскими батальонами. Вряд ли у будущего маршала нашлось бы время заниматься мифическим пиратским кладом.

Впрочем, если уж зашла речь о кладах, то нужно сказать, что реальные случаи находок хунхузских сокровищ в Уссурийском крае все же бывали. Осенью 1896 г. ученики владивостокской гимназии решили прогуляться по окрестным сопкам в поисках ягод. Внезапно один из мальчишек наткнулся на припрятанный в густом кустарнике ящик, полный золотых и серебряных вещей. Школьник сразу сообразил, кому может принадлежать тайник: осень была временем наплыва в город переодетых хунхузов, спешивших спустить в притонах награбленное за летние месяцы. Прихватив пару золотых часов, гимназист помчался домой. Слух о находке мигом облетел сначала улицу, потом околоток, а затем и весь город. Немедленно собравшаяся толпа отправилась в сопки, но заветного ящика на месте уже не было! То ли мальчишка перепутал место, то ли владельцы клада, догадавшись о причине ажиотажа, оказались проворнее...

«ХУНХУЗИАДА» 1896 ГОДА

В последние годы XIX в. Маньчжурия переживала не лучшие времена. Неурожаи заставляли голодать возросшее население. К тому же в 1894–1895 гг. по югу страны, словно предвестие кровавых событий грядущего XX в., прокатилась война. Ряды китайских войск, отступавших под натиском японцев, редели. Никогда не отличавшиеся высоким боевым духом, солдаты и офицеры цинской армии дезертировали, чтобы пополнить ряды бандитских шайк. Оружие, предназначенное для защиты страны,

обратилось против ее жителей. Немудрено, что при такой жизни предметом мечтаний многих китайских бедняков стала Россия. Из-за границы доходили заманчивые вести: русские богатеют, строятся и охотно нанимают работников. У подобных слухов были основания, ибо Приамурский край, долго влачивший незавидное существование «пасынка Российской империи», как раз в это время начал расправлять плечи и накапливать экономический жирок. В 1880 г. «главный порт Восточного океана» Владивосток получил статус города. В том же году рейсом парохода Добровольного флота «Москва» открылось регулярное морское сообщение между Владивостоком и Европейской Россией. В конце 1880-х город переживал настоящий бум гражданского и военного строительства, чему немало способствовало официальное придание Владивостоку статуса крепости (1889). В мае 1891 г. произошло еще более знаменательное событие: на борту гвардейского крейсера «Память Азова» в город прибыл наследник российского престола Николай Александрович. По плану, начертанному августейшей рукой императора Александра III, совершавший кругосветное путешествие наследник именно во Владивостоке должен был покинуть палубу корабля и вновь ступить на родную землю. 19 мая 1891 г. в присутствии будущего императора Николая II во Владивостоке состоялась торжественная закладка «Великого Сибирского пути» – Транссибирской железнодорожной магистрали. Ее строительство также требовало огромного количества рабочих рук. Если до 1891 г. число китайцев, ежегодно приезжавших на заработки в Уссурийский край, не превышало 9 тысяч, то к 1894 г. оно выросло до 15 тысяч человек. Постройка дороги и другие работы легко переваривали столь внушительный прирост миграции.

Нескончаемым потоком двигались через границу искатели заработка. По пятам за ними шли хунхузы. Порожденные неудачной для Китая войной, шайки «дебютантов» не могли конкурировать с давними профессиональными «братствами» Маньчжурии и искали добычи в русских пределах. Большинство бандитских ватаг проникало в Уссурийский край старой хунхузской дорогой – по таежным тропам, пролежавшим к западу от озера Ханка. Были и исключения: в 1896 г. несколько шаяк появились на реке Уссури, вызвав немалый переполох среди местного казачьего населения.

Очевидцем и летописцем событий лета 1896 г. на Уссури стал Иван Павлович Ювачев, с оттенком легкой иронии окрестивший их «хунхузиадой». Пережитого этим человеком хватило бы на несколько жизней. Морской офицер, революционер-народоволец, каторжанин, отмотавший десять лет срока на Сахалине, Ювачев не утратил вкуса к жизни и к интеллектуальному труду. В 1895 г. жизнь ссыльного бунтаря сделала очередной крутой поворот. Приписанный к крестьянскому сословию, бывший офицер и дворянин получил право покинуть остров-тюрьму и приехал во Владивосток. К этому времени строительство Уссурийской железной дороги было в самом разгаре. Весь край считал версты уложенного пути, мечтая о том дне, когда новая дорога свяжет Владивосток с Хабаровском и Амуром. Рельсы и прочие потребные материалы помогала доставлять широкая Уссури, где управление строительства дороги держало целый флот собственных пароходов. Капитаном одного из судов весной 1896 г. стал Иван Ювачев: демократичных путейцев не интересовали политические взгляды бывшего ссыльного, зато весьма привлекало его морское образование.

Готовясь к открытию навигации, новоиспеченный капитан, по его собственному выражению, «бросался во все концы», когда явившийся помощник поинтересовался наличием в судовом хозяйстве оружия. К удивлению капитана, его подчиненный считал просто необходимым иметь на корабле «с десяточек берданок или револьверов» для защиты от китайских разбойников. Действительно, за год до приезда Ювачева в Уссурийский край, 6 сентября 1894 г., хунхузы напали на строящуюся железнодорожную станцию Муравьев-Амурский. Оглушая перепуганных жителей дикими криками, разбойники бросились грабить магазин известной немецкой фирмы «Кунст и Альберс». В первый момент все опешили, но затем казаки и железнодорожные жандармы смело напали на грабителей и после непродолжительной перестрелки заставили хунхузов отступить.

Дерзкое нападение заставило власти принять энергичные меры, навсегда отбившие у «краснобородых» охоту к подобным экспериментам. Так казалось Ювачеву. Последующие события подтвердили правоту его судового помощника...

21 июля 1896 г. мимо устья впадающей в Уссури реки Бикин прошли две китайские джонки. Привыкшие к виду купеческих шаланд казаки не обратили на суда внимания. Никто не заметил, как лодки в сумерках причалили к китайскому берегу возле нанайской деревни, лежащей напротив станицы Покровской... На другой день одному из Покровских казаков вздумалось съездить к соседям за покупками. Заприметив у противоположного берега две большие лодки, мужик решил, что к «инородцам» пожаловали китайские купцы, у которых конечно же имеется вожаделенная «влага жизни» – суля. Не успел он войти в деревню, как его окружила толпа вооруженных китайцев. Минута – и связанный казак очутился в сарае. Вскоре к нему присоединились новые узники – еще один казак, женщина и мальчик. Тем временем покровский атаман Кудрявцев уже знал о появлении хунхузов: о происходящем в нанайской деревне сообщили станичники, косившие сено по соседству. Взяв четверых мужиков, атаман отправился выручать своих. Хунхузы встретили приехавших достаточно спокойно: нападение на казаков, видимо, изначально не входило в их планы. Посадив под замок приехавших с русского берега, хунхузы пытались подольше сохранить в тайне от казаков свое появление. Приезд русского «капитана» поставил крест на этих намерениях – нужно было срочно избрать новую тактику поведения. Кудрявцеву было заявлено, что перед ним – отряд китайских солдат, преследующий разбойников. Услышав требование выдать задержанных, хунхузы поначалу стали пререкаться, но в конце концов согласились исполнить просимое в обмен на расписку: роль «солдат» надо было играть до конца. Посадив пленников в лодки, казаки вернулись на русский берег и не мешкая послали нарочного к соседям. Весть о появлении «краснобородых» полетела вдоль реки от станицы к станице.

26 июля в лавку станицы Венюковой явились двое незнакомых китайцев. Смекнув, что перед ними члены шайки, венюковские казаки арестовали пришельцев. Вскоре появились еще трое «манз», которых постигла та же участь. Товарищи китайцев сунулись было в станицу с угрозами, однако, увидев в руках казаков винтовки, убрались восвояси. Задержанных китайцев обыскали, при этом у одного из них нашли расписку покровского атамана Кудрявцева. Впоследствии оказалось, что в руки казаков попались сам атаман

шайки Зау-шень и писарь Ян-до-линь. Тем временем из Хабаровска на пароходе «Адмирал Чихачев» в Венюкову прибыла команда из 25 солдат 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона под начальством поручика В.Т. Михайлова. Станичный атаман венюковцев, подъесаул А.Г. Савицкий усилил отряд казаками и, приняв командование, решил на пароходе преследовать хунхузов. Высланной разведке удалось выяснить, что шайка обосновалась в уединенной фанзе на китайском берегу в 5 верстах от станицы.

На рассвете 29 июля пароход остановился вблизи стоянки разбойников. Вместо того чтобы окружить фанзу силами всего отряда, Савицкий почему-то послал на берег всего семерых человек во главе с поручиком Михайловым. Авангард сразу же наткнулся на часовых, поднявших тревогу. Пока охотники высаживались с парохода, основная часть хунхузов успела покинуть фанзу и, рассредоточившись, укрыться в дубовом лесу. Савицкий решил разделить команду, послав Михайлова с частью людей в обход шайки. Вскоре этот отряд увяз в болоте под пулями бандитов. Неудачная для русских ситуация усугублялась тем, что у стрелков было всего по 30 патронов на человека. Неизвестно, какой оборот приняло бы дело, если бы не эффект новых трехлинейных винтовок Мосина, недавно поступивших на вооружение войск. На близком расстоянии их пули пробивали стволы молодых деревьев, поражая укрывавшихся за ними хунхузов. Потеряв двоих человек, ошеломленные «краснобородые» начали отходить. Тем временем на помощь солдатам с парохода подошла группа пассажиров-добровольцев во главе с подполковником Валуевым. На кратком военном совете Савицкий и Михайлов решили преследовать бандитов силами военной команды. Погоня продолжалась около двенадцати часов. Уходившие в глубь китайской территории хунхузы дважды устраивали засады, пытаясь контратаковать отряд. Во время второй такой перестрелки был убит рядовой Терентий Лапин, не успевший укрыться.

Погоня прекратилась только тогда, когда у солдат и казаков оставалось по 5 патронов на винтовку. Глубокой ночью команда, совершенно измученная восемнадцатичасовым походом, вышла на берег Уссури. Уже под утро охотники вернулись в Венюкову, жители которой пережили бессонную ночь. Весь предыдущий день венюковцы терялись в догадках об исходе экспедиции. Около полудня пронесся слух, что отряд разбит, а пароход приведен хунхузами в негодность и разграблен. Станичники, уверенные, что нападение неминуемо, уже решили было подпалить Венюкову, чтобы не отдавать на разграбление разбойникам. С большим трудом священнику отцу Савве Мичурину удалось успокоить свою паству.

Во время стычки 29 июля русские потеряли одного человека убитым. Еще один солдат, рядовой Диомид Вешкурцев, получил легкое ранение в ногу. Потери хунхузов составили 7 человек убитыми и 14 – захваченными в плен.

30 июля в Венюковой состоялось торжественное отпевание погибшего рядового Лапина. Казаки отвели павшему лучшее место на церковном погосте. При погребении солдату были отданы воинские почести, а начальник Казакевичевского участка произнес речь. На другой день в станице снова поднялся переполох. Казак Олсуфьев, работавший с женой в поле, прибежал в церковь и ударил в набат. Сбежавшимся станичникам казак объявил, что

в 5 верстах ниже по течению на русский берег высадилось аж пять сотен хунхузов! Солдаты и казаки немедленно заняли круговую оборону, однако посланная разведка ничего не обнаружила: по всей видимости, Олсуфьев просто не справился с напряжением предшествующих дней.

Тем временем на Амуре разворачивалась целая кампания против хунхузов. Еще в первых числах июля 1896 г. по реке Сунгари в Амур вышла крупная шайка из 120 «краснобородых». 11 июля бандиты напали на контору китайского золотого прииска в устье реки Джаиме, напротив станицы Радде Амурского казачьего войска. Несмотря на то что китайцы ждали нападения и даже послали за помощью к казакам, хунхузы разграбили конторские склады и двинулись вниз по Амуру на четырех лодках. Казаки в стычке участия не принимали, ограничившись обстрелом ушедших разбойников с русского берега. Нападение на казенный золотой прииск китайские власти расценили как вызов. Управляющий Мохэскими золотыми приисками Чжоу Мянью, или, как его называли русские, Джао-мян, организовал преследование шайки и официально обратился за содействием к русским властям. В распоряжении Чжоу Мянью, имевшего чин генерала, находился отряд из 400 солдат. Чтобы не тащиться по Амуру с целой эскадрой тихоходных лодок, энергичный Чжоу Мянью зафрахтовал у Товарищества Амурского пароходства пароход «Ингода», на котором в 1891 г. сплавлялся по Уссуре в Хабаровск наследник российского престола. Теперь «Ингоде» предстояло стать военным судном. Китайский генерал со своим штабом расположился на пароходе, а войско разместилось на двух баржах, которые «Ингода» взяла на буксир.

Поскольку путь по Амуру лежал через Хабаровск, единственным выходом для хунхузов было свернуть в Уссуре. Устье реки – так называемая Фуюаньская дельта, изобилующая островами и изрезанная протоками, – сама по себе представляла хорошее убежище. Кроме того, поднявшись вверх по Уссуре, лодки бандитов могли свернуть в любой из ее притоков, теряющихся в тайге. Самым известным прибежищем хунхузов в этих местах была река Нор (Наолихэ), впадающая в Уссуре с китайской стороны. Чжоу Мянью послал в Хабаровск телеграмму с просьбой организовать засаду и задержать хунхузов у впадения в Амур протоки Казакевича. К сожалению, высланная команда из 30 солдат 10-го Восточно-Сибирского батальона упустила шайку. Хунхузам удалось заговорить зубы поручику, командовавшему отрядом, убедив офицера в том, что перед ним – солдаты китайской армии. Когда спустя несколько часов в устье протоки появилась «Ингода», хунхузы уже поднимались вверх по Уссуре. Чжоу Мянью решил преследовать шайку на Уссуре. Лето 1896 г. выдалось очень дождливым, и уровень воды в реке позволял пароходу беспрепятственно подняться до самых верховий.

Приняв на борт русский отряд, «Ингода» быстро шла по реке. Численность объединенного русско-китайского воинства не превышала 300 человек: часть китайских солдат по приказу Чжоу Мянью осталась на Амуре. Шансы быстро настигнуть шайку были высоки: скорость хунхузских шаланд, с трудом выгребавших против течения, сильно замедлилась. 30 июля русско-китайский отряд настиг и обстрелял хунхузов в Осиновом заливе. С большим трудом разбойникам удалось улизнуть. Бросив одну из лодок и ограбив по пути нанайскую деревню в устье реки Белой (близ станицы Невельской), шайка направилась к устью Нора.

Экспедиция Чжоу Мянэ мало-помалу разворачивалась в крупномасштабную совместную операцию китайских и русских властей. Сбор войск был назначен в станице Венюковой. С реки Хор сюда пришли 20 стрелков, а 2 августа на пароходе прибыли две команды 8-го Восточно-Сибирского батальона под командованием поручика Любимова и подпоручика Ивашиненко. Общее командование русскими отрядами принял казачий войсковой старшина И. Котов. О том, какое значение русские власти придавали операции, говорит приезд в Венюкову 58-летнего генерал-губернатора Приамурского края СМ. Духовского, который 4 августа провел смотр войск. На другой день в Венюковой появилась «Ингода». Теперь численность объединенных сил двух стран, включая казаков-уссурийцев, превышала 400 человек. На общем военном совете был принят план действий против хунхузов: решено было преследовать разбойников соединенными силами на Норе и во всех пунктах, где обнаружится их присутствие. Одновременно планировалось устроить проверку паспортов всех китайцев, проживающих по Уссури.

Из 14 хунхузов, с 29 июля содержавшихся под арестом в Венюковой, ни один не был задержан за совершение преступлений на русской территории. Поэтому арестованных выдали на суд Чжоу Мянэ. Китайский генерал сразу допросил четырех наиболее «высокопоставленных» разбойников. Интересные результаты дал допрос атамана Зау-шеня (или, всего вернее, Цзао Шэня). Выяснилось, что до того, как стать хунхузом, китаец три года прожил... в Хабаровске, где находился в услужении у крупного чиновника и выучился русскому языку. Русский хозяин Зау-шеня, которого сам разбойник называл генералом, был так доволен расторопностью и услужливостью боя, что при расчете выдал ему рекомендательное письмо. В этой истории нет ничего удивительного: судьба каждого хунхузского главаря изобиловала самыми невероятными приключениями.

Приговор, вынесенный Чжоу Мянэ четырем хунхузам, был скор и суров: смертная казнь через отсечение головы. Остальных бандитов генерал решил забрать в Китай для более тщательного расследования. Зау-шеня китайский генерал вознамерился казнить тут же в станице. Самое удивительное, что русские власти, несмотря на протесты многих присутствовавших, разрешили провести на своей территории варварскую публичную казнь по приговору иностранного судьи! Впрочем, «простое» обезглавливание могло показаться гуманностью в сравнении с экзекуциями, которым подвергали пленных разбойников в Маньчжурии всего за десять лет до описываемых событий. Хорошо знакомый нам Г. Джеймс упоминает в путевых очерках 1886 г. следующий эпизод: «...В одной стычке с разбойниками был убит солдат. Всем бандитам, кроме одного, удалось скрыться. Участь этого последнего я не в силах описать без внутреннего содрогания. Сначала ему размозжили лодыжки. Затем его ноги стали медленно выворачивать наружу, покуда коленные суставы не были разорваны. В конце концов его разрезали на части живьем». Как бы то ни было, картина казни в Венюковой произвела на всех отвратительное впечатление. Показное равнодушие к смерти, как видно, покинуло хунхуза. Оказавшись в руках палача, Зау-шень ежился, инстинктивно стараясь втянуть голову в плечи. Палач оказался неумехой, отрубив голову разбойника лишь с третьего удара...

Неприятно поразив русских видом кровавой казни, Чжоу Мянэ тут же сумел очаровать их личным обаянием и сердечностью обращения. Китайский чиновник тепло

поблагодарил русских военных за храбрость в бою с разбойниками и преподнес 100 рублей раненому рядовому Вешкурцеву. Еще 200 рублей Чжоу Мянью попросил передать семье убитого рядового Лапина. Нужно заметить, что Чжоу Мянью вообще был большим поклонником России, что в дальнейшем стоило ему больших неприятностей. Сначала известный националист, хэйлунцзянский губернатор Шоу Шань, сместил чиновника с должности управляющего золотыми приисками. После этого Чжоу Мянью возглавлял Хэйлунцзянскую лесную компанию и в 1900 г., во время Боксерского восстания, поддержал вступление русских войск в Маньчжурию. Осенью 1900 г. Чжоу Мянью, носивший к тому времени звание чиновника 2-го класса с рангом даотая (то есть главы дао – административной единицы уровня ниже провинции), вел с русскими переговоры об условиях восстановления китайской власти в оккупированной Маньчжурии. Подписав 27 октября 1900 г. навязанное царским наместником Е.И. Алексеевым соглашение, Чжоу Мянью подвергся опале: сперва от своего непосредственного начальника – фэнтяньского губернатора Цзэн Ци, а затем и от пекинского двора.

7 августа 1896 г., когда войска все еще стояли в Венюковой, погода резко переменялась. При ясной и теплой погоде вдруг налетел страшный ветер, поднявший на реке огромные валы. Воздух заволочило дымкой мельчайших водяных брызг, которые вихрь срывал с верхушек волн. Это были отголоски страшного тайфуна, обрушившегося на южные районы Приморья. Стихия нанесла краю огромный ущерб. Погибло много людей и скота, были размыты поля и дороги, сорваны телеграфные провода. Наводнение захватило обширную территорию, залив Никольск-Уссурийский, Раздольное и Полтавскую.

В день первого удара тайфуна на китайском берегу Уссури против станицы Васильевской появилась новая шайка хунхузов. Узнав об этом, начальник Козловского участка сотник Александр Токмаков собрал 40 человек льготных (то есть не находящихся на действительной службе) казаков из станиц Лончаковой, Козловской и Васильевской и двинулся с ними к разбойничьему биваку. Возможно, это был тот самый Токмаков, о подвигах которого в 1877 г. уже говорилось в очерке «Ратные будни казаков». Сотник хотел захватить хунхузов врасплох, но непроходимая местность задерживала отряд. Лагерь бандитов, укрытый в прибрежных зарослях, выдали струйки дыма от костров. Некоторые молодые казаки, погорячившись, без команды открыли огонь. Проснувшиеся хунхузы принялись отстреливаться. Не дожидаясь, когда противник окончательно придет в себя, Токмаков со своими людьми кинулся в атаку. Не выдержав натиска казаков, хунхузы бежали, оставив в лагере снаряжение и добычу. Потерь среди казаков не было.

Узнав о стычке, Чжоу Мянью отправил часть китайского отряда к устью Нора, а сам с остальными силами и русским отрядом продолжил плавание по Уссури, останавливаясь в каждом селении для проверки китайцев. В Лончаковой китайский генерал приказал арестовать двух приказчиков китайской лавки за то, что те продали хунхузам провизию. В Васильевской Чжоу Мянью также подверг ревизии китайских торговцев, а в Покровской устроил арестованному Ян-до-линю очную ставку с атаманом Кудрявцевым. После того как казак узнал в китайце хунхуза, 22 июля принявшего от него расписку в получении захваченных бандой казаков, участь Ян-до-линя была решена. На этот раз местом казни была избрана нанайская деревня на китайском берегу, разграбленная хунхузами. Перед смертью хунхуза накормили и угостили сулей. Под действием спиртного Ян-до-линь стал

необычайно разговорчивым. Стоя перед палачом, 28-летний хунхуз произнес целую речь, восхваляя прелести бандитской жизни и сознавшись, что за десять лет разбоя он лишил жизни 70 человек. Затем, со словами «Теперь семьдесят первым стану я сам!», Ян-до-линь поклонился Чжоу Мянью и спокойно подставил голову под меч. По словам Ювачева, рассказы о выдержке Ян-до-линя перед лицом смерти, а пуще того – смысл его предсмертных слов, произвели немалое впечатление на китайцев, трудившихся на строительстве дороги. Неизвестно, сколько рабочих после этого решили сменить тяжелый труд на вольное хунхузское житье...

В Покровской отряд на время разделился. Утром 10 августа русские высадились на китайском берегу, чтобы отправиться к устью Нора по суше. Чжоу Мянью двинулся в том же направлении на «Ингоде». Переход русского отряда был очень тяжелым. Дождь, вызванный тайфуном, лил не переставая. Проводники-нанайцы дважды сбивались с дороги, к тому же все тропы были завалены буреломом. Вопреки ожиданиям, на всем протяжении пути отряд не встретил и следа хунхузов. 12 августа в авангарде русских слышали звук трубы. Это был сигнал китайских военных. Вскоре союзники вновь соединились у деревни Нор в устье одноименной реки. Отсюда «Ингода», приняв на борт русских стрелков, поспешила к устью Уссури, где в протоке Казакевича вновь появились хунхузы, ограбившие шаланду с мукой. 13 августа у железнодорожной станции и пристани Щebenчиха «Ингода» встретила парохом Ивана Ювачева. Будущий летописец кампании 1896 г. не упустил случая нанести визит военным. Первым бросился в глаза писателя необычный зеленый цвет формы русских «охотников». Возможно, это был некий прообраз защитного обмундирования. Подтянутый вид русских солдат резко контрастировал с неопрятным обликом китайской рати, принадлежавшей к наименее привилегированным «войскам зеленого знамени». Большинство китайцев были облачены в обыкновенные «манзовские» костюмы, среди которых попадались диковинные «синие юбки с красной обшивкой». Нагрудные нашивки с красными иероглифами, обозначающие принадлежность их обладателей к военным, были истрепаны и запачканы грязью. Гораздо лучше выглядело вооружение китайцев: у многих в руках были современные винчестеры.

Прямо на палубе парохода сидели закованные в кандалы пленные хунхузы. Ювачев тщетно пытался уловить в их лицах тень страха перед неминуемой смертью: разбойники совершенно спокойно глядели на посетителя, изредка флегматично затягиваясь табачным дымом...

Оставив по пути в Венюковой команду из 40 стрелков под начальством подпоручика Ивашиненко, русско-китайский отряд 15 августа прибыл в станицу Казакевичеву при устье Уссури. Отсюда русские охотники во главе с войсковым старшиной Котовым выступили в новый поход по китайской территории, продолжавшийся до 19 августа. Эта экскурсия также не дала результата: вся местность была залита водой.

25 августа китайскому отряду, оставленному Чжоу Мянью в долине Нора, удалось одержать крупную победу над хунхузами. В 80 верстах вверх по течению реки находилась винокурня. Командиру китайцев донесли, что на заводе укрывается шайка хунхузов. Ночью солдаты с трех сторон окружили винокурню и напали на спящих разбойников. 19 хунхузов были убиты, 8 «краснобородых» во главе с атаманом угодили в плен. К

сожалению, победа досталась китайцам дорогой ценой: один солдат был убит, еще двое – тяжело ранены. Помощь пострадавшим оказал врач В.А. Мыльцев в железнодорожной больнице на станции Щебенчиха.

Пленных хунхузов доставили в станицу Казакевичеву. Победа доставила огромное удовольствие Чжоу Мяню, гордо заявившему русским офицерам, что «и китайцы могут бить хунхузов». Впрочем, главное внимание присутствующих привлекал главарь «краснобородых» – немолодой, но бойкий и веселый мужчина. Прекрасно говоривший по-русски «ветеран» с удовольствием рассказывал всем желающим историю своих тридцатилетних (!) разбойничьих походов. По его словам, еще в 1868 г. он принимал участие в знаменитом разорении села Никольского в Уссурийском крае. Став атаманом, он стал разбойничать в Маньчжурии. На зиму чжангуй распускал шайку по городам и селам Амурской долины, а сам отправлялся в Айгун, где, по его словам, выступал в качестве актера на подмостках китайского театра!

Стычка 25 августа стала последним делом хунхузской кампании 1896 г. Хотя войска стояли на Уссури еще восемь дней, неприятель не появлялся: шайки бежали в глубь Маньчжурии. Войска двух стран начали «зачистку». Все китайское и «инородческое» население китайского берега Уссури получило приказ Чжоу Мянся собраться в деревнях для проверки. Для отлова бродяг китайский генерал нанял нанайцев, ненавидевших хунхузов. Привлеченные наградой в 100 рублей за голову каждого разбойника, аборигены бросили лов кеты и, вооружившись казенными винтовками, устремились на «охоту». На русском берегу тем же самым были заняты казаки, караулы которых были расставлены старшиной Котовым на протяжении 40 верст – от станицы Козловской до Нижне-Никольской. Караульные хватали без разбору любого прохожего «манзу», частенько допуская жестокости и злоупотребления.

Ареной особых мероприятий стала Уссурийская железная дорога, строившаяся руками китайских рабочих. В бараках и фанзах огромной стройки всегда можно было найти «безбилетных» китайцев. Основное скопление «гастарбайтеров», известное у русских под именем Китайской слободки, располагалось в Имане (современный Дальнереченск), куда 5 сентября 1896 г. нагрянула русская военная команда поручика Михайлова. В ночь на 6 сентября в слободке была проведена облава, позволившая задержать нескольких хунхузов. Самое интересное, что в облаве приняли участие шестеро китайских купцов, уже давно живших в Имане. На поверку все торговцы оказались... сыщиками китайской полиции.

После облавы в Имане охотники поручика Михайлова отправились в Венюкову, чтобы заступить на охрану русского населения. Еще одна команда под начальством подпоручика Ивашиненко расположилась в станице Васильевской. Чжоу Мянью также выставил на китайском берегу два караула – в устье Нора и против станицы Нижне-Никольской. Остальные войска стали покидать Уссури.

Чжоу Мянью, вновь встретившись в станице Казакевичевой с приамурским генерал-губернатором, направился в Хабаровск. Здесь генералу разрешили провести внезапную проверку китайцев, проживавших в местном «чайна-тауне». Хитрый Чжоу Мянью приурочил операцию к китайскому празднику Середины осени, отмечаемому 9

сентября. Расслабившихся после обильных яств и не менее обильных возлияний китайцев ожидал неприятный сюрприз – меньше всего ожидали они наткнуться в Хабаровске на китайскую полицию. В ходе облавы было задержано 900 беспаспортных «манз».

Перед возвращением на родину Чжоу Мянью 10 сентября нанес визит помощнику приамурского губернатора генералу Н.И. Гродекову, а затем дал в честь участников операции банкет в гостинице «Лондон». С отъездом китайского генерала кампанию можно было считать законченной, хотя отдельные ее отголоски давали знать о себе до зимы. Перед самым окончанием навигации хунхузы совершили нападения на две шаланды китайских купцов, проходившие по Амуру мимо устья Уссури, причем если первое судно было захвачено без труда, то экипаж второй оказался вооружен и дал пиратам отпор, уложив из винтовок полтора десятка «краснобородых»!

Кампания 1896 г. до некоторой степени обезопасила население долины Уссури от хунхузских набегов. Впрочем, радоваться все равно не приходилось: рвение властей многое изменило в жизни на реке. Нанайцы, ранее свободно искавшие место для стойбищ, получили приказ китайских властей собраться на жительство в деревнях. Казакам запретили косить сено и разводить огороды на китайском берегу, что ранее было у станичников в порядке вещей. А место хунхузов на Уссури заняли... солдаты китайских караулов, принявшиеся самозабвенно обирать соотечественников, проплывающих по реке...

Завершая рассказ о событиях 1896 г., нельзя обойти вниманием русских солдат – героев боевых столкновений с бандитами. По представлению генерал-губернатора СМ. Духовского серебряными медалями на георгиевской ленте «За храбрость» были награждены младший унтер-офицер Алексей Балин, ефрейтор Евстафий Пирожков, а также рядовые Диомид Вешкурцев и Андрей Курятников, в бою 29 июля застреливший хунхуза, целившегося в подъясаула Савицкого.

Пароходы, принимавшие участие в событиях «хунхузиады», настолько облегчили действия войск, что в 1897 г. русское правительство учредило на Уссури постоянную военную Амуро-Уссурийскую казачью флотилию, состоявшую из пароходов «Амур» и «Казак Уссурийский», двух самоходных барж и патрульного катера «Дозорный».

ТРЕВОЖНАЯ ОСЕНЬ 1899-ГО

Листая эту книгу, читатель может подумать, что хунхузы орудовали исключительно «на пленэре». Так – да не так! Тайга, горы и прибрежные острова обеспечивали надежное убежище в теплые летние месяцы. С наступлением осени природа превращалась из союзника в злейшего врага бандитов. Сбросившие листву деревья и кустарники уже не могли служить укрытием, а снега, с конца октября укрывавшие земли Дальнего Востока, отрезали все пути, связывавшие лесную глубинку с внешним миром. Если мороз и голод еще можно было одолеть при помощи костров и загодя сделанных запасов, то против гнетущей тишины спящего зимнего леса спасения не было. Привыкшие к удовольствиям и разгулу, не имевшие планов на будущее и дорожившие каждым днем жизни хунхузы

старались проводить зимние месяцы в городах. Кто-то перебирался в Маньчжурию, кто-то искал убежища в китайских кварталах русских дальневосточных городов.

Уже первые описания Владивостока доносят до нас упоминания о «манзовском поселке из 3–4 фанз». В 1866 г. число китайских домов выросло до 11, а спустя два года Николай Пржевальский, совершавший путешествие по Уссурийскому краю, нашел во Владивостоке 20 фанз, в которых постоянно проживали 36 китайцев. Двери «манзовских» жилищ в Уссурийском крае всегда были открыты для путников – как для китайцев, так и для русских. Впервые присутствие «темных людей» в китайской слободке Владивостока обнаружилось в октябре 1867 г., когда, как мы помним, от рук неизвестных китайцев пострадал один из матросов шхуны «Алеут». Со временем слободка разрасталась, а вместе с ней росло число хунхузов, искавших убежища в ее фанзах. Летом 1886 г. властям пришлось создать особую комиссию под председательством городского головы И. Г. Маковского, занимавшуюся «упорядочением» жизни горожан-китайцев.

К началу XX в. скандальная слава владивостокского «чайна-тауна», получившего неофициальное прозвище Мил-лионка, гремела по всему Дальнему Востоку. Начинаясь на берегу Семеновского ковша, Миллионка тянулась вдоль Алеутской улицы вплоть до главного городского проспекта – улицы Светланской. Однотипные дома из закопченного красного кирпича, окруженные галереями, жались вплотную друг к другу. Лабиринты проулков, проходных дворов и шатких переходов, висящих над головой прохожих, позволяли знающему человеку быстро пересечь квартал из конца в конец, а в случае необходимости – избежать нежелательной встречи с представителями власти. Большую часть многотысячного населения Миллионки составляли китайцы, с которыми уживались русские, корейцы, кавказцы, евреи и представители многих других народов обширной империи. Круглые сутки этот гигантский людской муравейник шевелился, стряпал, торговал, воровал, занимался разными ремеслами, наполняя округу тысячами звуков. Кучи отбросов и выгребные ямы, харчевни, кабаки и опиекурильни пропитывали воздух резкими запахами, сливавшимися в единый неповторимый аромат трущоб. Обитатели Миллионки могли годами не появляться на улицах «белого» города – все необходимое для жизни находилось под рукой. Базар, шумевший на берегу залива, снабжал «чайна-таун» пищей. Цирюльники, прачки и лавочники помогали поддерживать внешний вид, а врачи приходили на помощь недужным. Игорные заведения, опиекурильни, дома терпимости и китайский театр обеспечивали нехитрый, но приятный досуг. Дожившая до 1930-х гг., Миллионка была, по сути, отдельным городом со своим населением, своей жизнью и даже со своим фольклором, вроде легенд о местном «призраке Белой Дамы» или рассказов о колчаковском золоте, зарытом в одном из бесчисленных местных подвалов. Жизнь «города в городе» была по-своему колоритна и интересна. Дед автора, уроженец старого Владивостока Павел Дмитриевич Киселев, даже будучи в очень преклонном возрасте, любил вспоминать о том, какое удовольствие в пору детства доставляли ему и его друзьям тайные визиты «к „ходям“ [13 - «Ходя» (от хоци – «разносчик») – прозвище китайцев на российском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в.] на Миллионку».

Для «героев» этого повествования – хунхузов – Миллионка была любимым убежищем, местом сбыта награбленного и базой, откуда «краснобородые» совершали вылазки в

другие районы Владивостока, нанося неожиданные и весьма неприятные визиты в дома и магазины китайских купцов.

В начале 1890-х гг. у хунхузов Уссурийского края появились конкуренты в лице русских каторжных, завезенных для принудительных работ на линии строящейся железной дороги. Надзор за этими «работниками» осуществлялся из рук вон плохо, чем не преминули воспользоваться многие уголовники, немедленно ударившиеся в бег. Уже первый год строительства дороги ознаменовался для Владивостока и его окрестностей многочисленными грабежами и убийствами. Очевидец с горечью писал: «Едва ли на Руси найдется еще такой город, который за последнее время был в таком положении, как Владивосток. Почти не проходит дня, чтобы кого-нибудь не ограбили и к кому-нибудь не ломились бы воры». Гласные городской думы в полном составе вооружились огнестрельным оружием и рекомендовали сделать то же самое прочим жителям города. В короткий срок в магазинах Владивостока оказались распроданы все револьверы. Думцы ежедневно забрасывали власти требованиями навести порядок, однако, как часто бывает на Руси, дело сдвинулось с мертвой точки только в результате большого скандала: беглыми был убит молодой французский офицер Руссело с военного корабля «Байяр», входившего в состав эскадры, посетившей Владивосток с визитом дружбы. Тело моряка с простреленным горлом обнаружили в Госпитальной пади. Несчастный был ограблен и раздет до нижней рубашки. Угроза дипломатических осложнений заставила власти всерьез озаботиться решением назревшей проблемы. Началось усиленное преследование каторжников, на ночь по улицам города расставлялись военные патрули.

Вскоре были пойманы трое из наиболее «отличившихся» злодеев, некие Гунько, Орлов и Дроздовский. Вся троица была без лишних формальностей повешена по приговору военного суда. Засилье беглых каторжников мало-помалу сошло на нет, и, хотя отголоски этой эпопеи ощущались еще пару лет, хунхузы вновь стали задавать тон в криминальном мире города и края.

«Краснобородые» чувствовали себя во Владивостоке как дома. В один из дней 1894 г., около семи часов вечера, несколько китайских бандитов напали на большой японский магазин, находившийся в самом центре города на первом этаже гостиницы «Золотой Рог». Разбойники избили двух попавшихся под руку японок, выпотрошили кассу и, не забыв прихватить ценные вещи, благополучно скрылись. Спустя три дня в другом районе Владивостока нашли убитым лавочника-китайца. Торговое заведение несчастного также было разграблено «братьями».

Сделав свое дело, хунхузы моментально растворялись в массе китайского населения Миллионки. Все попытки полиции найти следы преступников в этой клоаке, как правило, оканчивались неудачей. Охоте на хунхузов сильно мешала коррупция: многие блюстители порядка фактически находились на содержании у владельцев притонов «чайна-тауна». Благодаря таким «оборотням» планы городской полиции становились известны заправилам Миллионки. Честность сотрудника также не гарантировала успеха – слишком низок был профессиональный уровень тогдашних сыщиков. Достаточно сказать, что в штате владивостокской полиции того времени никто не владел китайским языком. В то же

время среди китайских обитателей Миллионки редким был человек, не умевший объясниться на «великом и могучем».

Низкий уровень квалификации «сыскарей» позволял хунхузам легко уходить от полиции. Оказавшись в безопасности, «братья» первым делом обрушивали жестокую месть на несчастного, осмелившегося заявить на них властям. Если полицейская операция заканчивалась успешной поимкой нескольких хунхузов, это также ничего не меняло, ибо на свободе оставалось достаточно «братьев», чтобы расправиться с доносчиком. Зная об этом, китайцы редко обращались за помощью к властям, предпочитая терпеть хунхузов, как неизбежное зло.

В поисках выхода в 1891 г. власти решились на создание во Владивостоке китайского Общественного управления во главе со «старшиной». Появление в российском городе, расположенном на российской территории, подобного самоуправления иностранцев было не чем иным, как признанием слабости власти и ее неспособности обеспечить правопорядок даже у себя под носом. К тому же никакой эффективной помощи полиции это управление так и не оказало. Хитроумные китайцы быстро изобрели способ использовать новый «орган власти» в качестве орудия собственной мести. Поссорившись с соотечественником, «манза» бежал в управление с доносом, в котором сообщал, что его обидчик – хунхуз. Как правило, одного такого заявления было достаточно для ареста жертвы оговора и передачи ее в руки полиции. К середине 1890-х гг. китайское Общественное управление буквально завалили подобными кляузами, а спустя какое-то время это нелепое и бесполезное образование было ликвидировано.

Тем временем вылазки хунхузов во Владивостоке и его окрестностях продолжались. Особенно «урожайным» выдался 1899 г. Уже летом, а именно вечером 27 июня, несколько вооруженных китайцев явились к китайцу Фандоосин-бан, проживавшему в доме Купера на улице Фонтанной. Несмотря на то что в этот момент в квартире находилось шесть человек, никто даже не попытался сопротивляться бандитам. Хунхузы связали китайцев, взломали ящик, в котором хозяин хранил деньги, и, присвоив найденные там 100 рублей, ушли. При этом разбойники увели с собой двух купцов: Хани-зуя, вернувшегося во Владивосток после продажи скота в Полтавке, и Ли-фу-женя, торговавшего кожами. «Братья» были явно хорошо осведомлены о том, за кого из гостей Фандоосина можно получить самый большой выкуп.

В это самое время в Никольске-Уссурийском головную боль у властей вызывала шайка хунхузов, образованная просочившимися из Маньчжурии беглыми солдатами китайской армии. 14 июля 1899 г. в городе прошла облава на «манз». Местные*~~censored~~*ганы и любители «зеленого змия» восприняли происходящее как развлечение и приняли самое деятельное участие в охоте за «ходящими». Пойманных без разбору китайцев связывали косами и, от души накостыляв по шее, отводили в полицию. Несмотря на бездарную организацию и варварские методы участников облавы, удалось задержать шестерых подозрительных китайцев. До окончания разбирательства все они были помещены в Никольский арестный дом: своей тюрьмы в городе еще не было. Следствие тянулось долго и окончилось ничем: 1 сентября 1899 г. все задержанные китайцы вкупе с двумя

присоединившимися к ним русскими жуликами бежали из убогого узилища прямо на глазах у ошалевшей охраны.

Конец ноября 1899 г. запомнился жителям столицы Приморья целой серией дерзких хунхузских нападений. Вечером 23 ноября в комиссионную контору китайца Чин-пей-джу на углу Алеутской и Пекинской улиц явился неизвестный «манза», поинтересовавшийся, каким образом можно перевести деньги в Китай. В это время в заведении находился посетитель-купец, а сам кассир считал наличность. Получив ответ, незнакомец удалился, однако спустя несколько минут появился снова. На этот раз китаец держал в руке револьвер, а за его спиной маячили еще двое вооруженных субъектов. Перепуганный кассир поспешно вручил хунхузам ключи от заветного ящика, где разбойников ожидала поистине богатая добыча – 10 с лишним тысяч рублей. Деньги перекечевали в мешок, и троица исчезла, не оставив никаких следов.

Пока чины полиции, получившие заявление ограбленного комиссионера, ломали голову над тем, как изловить злоумышленников, хунхузы появились снова. 25 ноября семеро бандитов нагрянули в лавку «манзы» Лисон-чу на углу улиц Китайской и Комарова. Ранив топором троих приказчиков, «краснобородые» устремились к кассе. На этот раз «братья» просчитались: в денежном ящике лежали жалкие 40 рублей. Самое примечательное, что во дворе лавки в момент нападения находилось ни много ни мало 35 рабочих-китайцев! Их страх перед хунхузами был столь велик, что ни один не посмел даже пошевелиться. Сам хозяин лавки не собирался заявлять о случившемся полиции и лишь спустя шесть часов после визита разбойников, поддавшись на уговоры русских соседей, нехотя отправился с заявлением в участок.

На следующие сутки шайка наведальась в магазин Юн-хин-ли на углу Пекинской и Алеутской улиц. Здесь привыкших к беспрекословному повиновению и легкой добыче «братьев» ожидал неприятный сюрприз: приказчики Киан-вян-цен и Тхен-ту-ли не побоялись вступить в борьбу с четырьмя вооруженными бандитами. Тхен-ту-ли схватил одного из «краснобородых» за руку, в которой тот сжимал револьвер. В завязавшейся борьбе оружие выстрелило, и пуля угодила разбойнику прямо в висок. Ошеломленные смертью товарища, остальные хунхузы бежали, успев ранить топором Киан-вян-цена.

Среди владивостокских китайцев началась настоящая паника. Лавки и магазины закрывались, а их хозяева боялись выходить на улицу. Ходили слухи, что в городе орудует шайка численностью от 50 до 60 «краснобородых»! Властям впору было хвататься за голову. Владивостокская общественность требовала принятия срочных мер и обуздания лиходеев. В возмущенном хоре выделялся голос главной городской газеты «Владивосток», опубликовавшей по горячим следам гневную статью «О хунхузах». Ее автор, скрывший свое имя за инициалами А. Ж., обнаружил явную образованность, снабдив текст многозначительным латинским эпиграфом «*Caueant consules?*» («Куда смотрят власти?»). Рассуждая о проблемах борьбы с разбойниками, автор статьи сетовал на расплодившиеся в городе китайские игорные дома-банковки, которые, по его мнению, были главной приманкой, привлекавшей хунхузов во Владивосток. «Все вообще китайцы, – писал А. Ж., – как известно, большие любители всяких азартных игр, но из них хунхуз самый страстный игрок. Большинство из них из-за страсти к игре и делаются

разбойниками. Для добывания средств на игру хунхуз готов идти на все. Пусть даже ему грозит смерть, он к ней, как и все китайцы, относится индифферентно: она ему не представляется страшной. В банковках он проводит за игрой целые дни и, если окончательно проигрывается, вечером идет на разбой. При нападениях он берет только деньги. Вещи, даже ценные, для него лишний груз – их не особенно принимают в банковках, разве в крайнем случае. Уничтожьте банковки, и число китайских разбойников уменьшится само собой, они даже совсем исчезнут!»

Интересно, что самый действенный способ борьбы с китайским бандитизмом автор статьи видел в создании во Владивостоке... вооруженной китайской полиции. Печально, но, по мнению журналиста, только такие стражи порядка могли рассчитывать на помощь населения: ненависть китайцев к русским городским исключала возможность сотрудничества между ними – даже в борьбе с общим врагом!

Впрочем, власть не спешила прислушаться к столь радикальному мнению прессы, предпочитая идти по проторенному пути «энергических облав». 7 декабря, в ответ на дерзкие нападения хунхузов, полиция Владивостока с помощью батальона гарнизонных солдат отловила в городе целых 5 тысяч беспаспортных китайцев. Более 3 тысяч «манз» были отпущены после того, как купцы и подрядчики представили подтверждения их благонадежности. Оставшиеся 1800 китайцев спустя какое-то время были отправлены в Посыет и выдворены в пределы Поднебесной. В конце 1899 г. облавы на нелегалов проходили по всему Приморью. 29 ноября, еще до владивостокской операции, в селе Владимировка задержали 90 китайцев. 17 декабря на Полтавском карауле китайским представителям передали 115 беспаспортных китайцев. Пытаясь нагнать страху на нарушителей режима пребывания, власти даже подумывали о том, чтобы... отрезать всем попавшимся в руки полиции китайцам косы и в таком виде выдавать цинским властям. Представ в подобном предосудительном виде пред очи маньчжурских чиновников, «ходя» подлежал немедленному суровому наказанию.

НА ЛИНИИ КВЖД

Тремя лучами, исходящими от одной звезды – многолюдного Харбина, протянулась по Маньчжурии Китайско-Восточная железная дорога. Ни одна из железнодорожных магистралей Поднебесной, кроме, пожалуй, недавно построенной высокогорной Цинхай-Тибетской дороги, не может похвастаться такой известностью, как КВЖД. Ее более чем столетняя история вместила труд строителей и бессмысленное усердие вандалов, кровь и слезы, войну и мир, разорение и процветание, взаимную неприязнь и дружбу...

История китайской железной дороги, построенной русскими путейцами, началась весной 1896 г. 13 мая того года в Успенском соборе Московского Кремля торжественно венчался на царство последний русский самодержец. Среди многочисленных иностранных гостей русского двора выделялись своими экзотическими костюмами посланцы Китая – спутники канцлера правящей маньчжурской династии Ли Хунчжана. Участие в пышных церемониях было лишь поводом для приезда престарелого сановника в Россию. Ли намеревался, не упустив собственной выгоды, провести секретные переговоры с русским правительством, в чем и преуспел. Суть договора, под которым в

итоге поставил свою подпись канцлер, заключалась в защите Китая от японской агрессии. Для России же главным содержанием соглашения была постройка железной дороги, начинавшейся в Забайкалье и пересекавшей Маньчжурию, чтобы соединиться с Уссурийской магистралью в Приморской области. Русским переговорщикам удалось добиться невиданных преимуществ: под устройство концессии пекинский двор обязывался отвести обширную полосу земли, где железнодорожное начальство становилось фактически полновластным хозяином. Будущая дорога, вместе с землей, на которой она находилась, поступала в полное распоряжение России на восемьдесят лет. Щедрость обычно неуступчивого китайского правительства поражала! Немалую роль в «достижении консенсуса» сыграли деньги: партнеры посулили Ли Хунчжану гигантскую взятку в 3 миллиона рублей. Один из них канцлер получил «не отходя от кассы», а остальные должны были попасть в его бездонный карман по мере выполнения договоренностей.

Новая дорога чрезвычайно интересовала русское правительство. Рельсы Транссиба обрывались за Байкалом, полотно Уссурийской железки оканчивалось в Хабаровске. Между терминалами двух магистралей зияла тысячеверстная дыра, которую нужно было заполнить, завершив строительство Великого сибирского пути. Сначала рельсы предполагалось тянуть вдоль русско-китайской границы по северному берегу Амура, однако этот проект с самого начала увяз в болоте многочисленных технических проблем. Тогда и возникла идея повернуть дорогу на юго-восток. Здесь строителям нужно было преодолеть, по сути, только одно серьезное препятствие – Большой Хинганский хребет, заслонявший путь на безлесные маньчжурские равнины, словно самой природой предназначенные для укладки рельс. Сокращая путь из Москвы к берегам Тихого океана, «маньчжурский проект» позволял Петербургу убить двух зайцев, делая более дешевой перевозку грузов и включая в сферу русского влияния богатую густонаселенную страну.

Ни в России, ни в Китае ни для кого не было секретом, что будущая дорога – проект государственный. Русское правительство гарантировало покрытие всех расходов предприятия, однако, чтобы не раздражать Запад, имевший в Китае собственные интересы, маскировало свое присутствие, укрывшись за спиной только что учрежденного Русско-Китайского банка. 27 августа 1896 г. пекинский двор даровал банку концессию на сооружение и эксплуатацию магистрали, в силу которой было образовано акционерное общество Китайско-Восточной железной дороги. Декоративный пост председателя правления общества достался члену китайского императорского правительства (Цзунли ямыня) и бывшему китайскому посланнику при петербургском и берлинском дворах Сюй Цзинчэну. Реальное управление делами предприятия находилось в руках русских – товарища председателя С.И. Кербедза, представителя в Пекине Д.Д. Покотилова и главного инженера А.И. Юговича, за спиной которых высилась фигура могущественного министра финансов империи С.Ю. Витте.

В начале апреля 1897 г. А.И. Югович отправился в Маньчжурию. С прибытием главного инженера работа закипела. За три с небольшим месяца были полностью проведены изыскательские работы на линии протяженностью 1422 версты! Уже 16 августа того же года близ станции Полтавской в присутствии губернаторов Гиринской провинции Китая и российской Приморской области был дан старт земляным работам. Правда, сразу же

после этого строительство встало и возобновилось позднее совсем в другом месте. Дело в том, что в руководстве проекта боролись две группировки, отстаивавшие разные варианты проведения главной магистрали КВЖД – южный и северный. Сторонником южного варианта и более глубокого проникновения в Маньчжурию был русский глава акционерного общества СИ. Кербедз. Несмотря на все его усилия, более практичный северный вариант в конце концов получил одобрение С.Ю. Витте, что и решило исход дела.

28 мая 1898 г. на берег Сунгари, в месте намеченного пересечения дороги с главной рекой Маньчжурии, с борта парохода «Благовещенск» высадилось руководство строительного управления КВЖД. Этот день можно считать подлинной датой начала строительства КВЖД. Резиденция управления быстро превратилась в крупную узловую станцию, вокруг которой вырос город Харбин – главный город современного Северо-Восточного Китая. Отсюда рельсы будущей магистрали поползли сразу в трех направлениях – на запад, восток и на юг. Дело в том, что к этому времени Россией была арендована (читай: занята) южная оконечность Ляодунского полуострова с портами Люйшуньюкоу (Порт-Артур) и Даляньвань (Дальний). Уступая «настоятельным просьбам» русского правительства, пекинский двор согласился на постройку дополнительной ветки, или южной линии, соединяющей Порт-Артур с Харбином. Права на постройку и эксплуатацию этой дороги достались акционерному обществу КВЖД на общих условиях концессии. Кроме того, обществу предстояло поработать и на российской территории, соединив КВЖД с Уссурийской железной дорогой.

К лету 1900 г. акционерное общество КВЖД владело в Маньчжурии обширным хозяйством. Было уложено около 1400 верст рельсового пути. Парк подвижного состава насчитывал 208 паровозов и 5400 вагонов и платформ. По Сунгари и Амуру, непрерывно подвозя необходимые материалы, курсировали 18 пароходов и 60 барж. Строились 107 станций, разъездов и узловых пунктов. В полосе отчуждения дороги трудилась целая армия русских путейцев, многие из которых приезжали в Маньчжурию с семьями. Все эти богатства нужно было охранять, тем более что недостатка во внимании «лихих людей» дорога не испытывала. Главную опасность представляли шайки хунхузов, особенно многочисленные на восточной линии КВЖД – от Харбина до Пограничной. Журналисты дальневосточных газет того времени часто иронически именовали КВЖД «хунхузской дорогой». Формально за безопасность магистрали и ее персонала отвечали китайские власти, однако надежда на правительственные войска была слабой. Солдаты китайских частей, посылаемых для преследования хунхузов, первым делом старались... предупредить разбойников, чтобы те успели скрыться. Случайные стычки военных отрядов с «краснобородыми» чаще всего оканчивались бегством солдат. Востоковеду П.В. Шкуркину как-то пришлось посетить лазарет в маньчжурском городе Хуланьчэн. Находившиеся там пятеро солдат представились как участники «боя» с хунхузами. При этом все пятеро имели легкие ранения сзади – в спину и кое-куда пониже... Ввод в Маньчжурию русских войск был невозможен, и все же руководство акционерного общества нашло возможность привлечь к охране дороги русских военных, воспользовавшись лазейкой в 5-й статье Московского договора 1896 г., которая разрешала нанимать иностранцев «для необходимых целей». Было решено создать для охраны КВЖД особую Охранную стражу, укомплектовав ее добровольцами.

Осенью 1897 г. командир 4-го Закаспийского стрелкового батальона полковник А.А. Гернгросс получил приказ приступить к формированию стражи. Стоит заметить, что 46-летний полковник по своему боевому опыту как нельзя лучше подходил для такой роли. Отличившись на полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Александр Алексеевич Гернгросс в течение целого года руководил в освобожденной Болгарии ликвидацией банд башибузуков, продолжавших терроризировать мирное население в Родопских горах. На службе в Закаспии, которая продолжалась с 1890 по 1897 г., офицеру также неоднократно приходилось преследовать шайки хищных туркмен...

Первые пять сотен Охранной стражи общей численностью 711 человек, набранные из казаков Терского, Кубанского и Оренбургского казачьих войск и усиленных батальонными солдатами, прибыли во Владивосток на пароходе Добровольного флота «Воронеж» уже 26 декабря того же года. 12 января 1898 г. первые сотни стражи вошли в город Нингуту.

Образцом организации Охранной стражи были войска Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС). Начальник стражи приравнивался в правах к командиру бригады ОКПС, командиры сотен – к командирам отделов, их помощники – к командирам отрядов, урядники – к вахмистрам. Каждая сотня состояла из командира, 2 младших офицеров, вахмистра, 12 урядников, 2 трубачей, 120 казаков и ветеринарного фельдшера. Рядовой стражник был вооружен винтовкой и шашкой драгунского образца. Офицерам, вахмистрам и фельдшерам полагались револьверы.

В форменной одежде стражников присутствовал желтый цвет, намекающий на место службы. Желтыми были канты, выпушки, петлицы нижних чинов, *censored*нные верхи черных казачьих папах и тульи фуражек. Стражников нарядили в черные тужурки и синие шаровары кавалерийского покроя. Черные петлицы офицерской формы украшались желтым кантом, пуговицей и эмблемой в виде скрещенных винтовки и шашки. Во избежание обвинений в использовании регулярной армии на территории суверенного соседа форма стражи не имела погон. Офицерам их заменяли золотые наплечные шнуры, а вахмистрам и урядникам – галуны на рукавах. Кокарды, петлицы и знамена стражи украшало изображение желтого китайского дракона, сразу же принятое в штыки казаками. Неприязнь станичников к «басурманскому змею» была столь велика, что форменные папахи они носили исключительно... кокардами назад.

Офицерский корпус стражи состоял из добровольцев – выходцев из армейских, казачьих и пограничных частей. При переводе в Охранную стражу офицеры сохраняли все права чинов действительной службы. Несмотря на то что офицеры-стражники считались «как бы вышедшими в отставку», они продолжали числиться в списках своих частей и имели право вернуться к старому месту службы. Служба в Охранной страже КВЖД приравнивалась к действительной, высоко оплачивалась и имела льготу по выслуге: два дня шли за три.

Очень быстро выяснилось, что имевшихся стражников для КВЖД недостаточно. В октябре 1897 г. началось формирование новых 10 сотен общей численностью 1390 человек (одна терская, две кубанских, три донских, три оренбургских и одна уральская). 17

мая 1898 г. на борту французского пароходе Les Alpes пополнение прибыло во Владивосток.

Плечом к плечу с казаками службу в рядах стражи несли солдаты, набранные в частях Дальнего Востока и составившие 8 рот общей численностью 2 тысячи штыков. Усиление стражи продолжалось, и по состоянию на 2 июня 1900 г. она состояла из 69 офицеров, 9 классных чинов, 3 священнослужителей и 4658 рядовых стражников.

Командование Охранной стражи располагалось в Харбине. Вся стража делилась на линии: Сунгарийскую (начальник – полковник П.Н. Денисов со штабом на станции Имяньпо), Аргунскую (начальник – полковник А.Ф. Зубковский со штабом на станции Фуляэрди) и Порт-Артурскую (начальник – полковник П.И. Мищенко со штабом на станции Телин). Протяженность сотенного участка линии доходила до 120 верст, а ротного – до 360 верст.

Присутствие хунхузов в полосе отчуждения КВЖД ощущалось постоянно. Уже во время изысканий на линии будущей магистрали стражникам приходилось защищать топографические партии. Интересно, что командование охраной изыскателей в 1898–1899 гг. находилось в руках профессионального разведчика, подполковника Генерального штаба М.А. Соковнина, успешно совмещавшего обеспечение безопасности инженеров-путейцев со сбором самой разнообразной информации (прежде всего военной) о Маньчжурии... Подчиненным подполковника не раз приходилось пускать в ход оружие против хунхузов. Несколько перестрелок произошло в окрестностях Нингуты. Еще один случай нападения на партию изыскателей произошел между городами Хуланьчэн и Цицикар. Одна из повозок, нагруженная продовольствием, отстала от отряда, двигавшегося по местности, заросшей высокой густой травой. Эту-то траву и использовали для засады трое вооруженных разбойников. Пропустив основную партию, хунхузы внезапно напали на отставший воз, который, кстати, сопровождал всего один конюх. Бедняге зажали рот, однако ограбление не состоялось: помешали подоспевшие стражники, задержавшие одного из «братьев». В течение 1899 г. произошло семь инцидентов с участием «краснобородых». Наибольшую известность получило нападение на пост Аньда в 100 верстах к западу от Харбина. В глухой предрассветный час 10 июня шайка из 28 разбойников бесшумно пробралась в расположение поста, охранявшегося всего 4 стражниками. Часовой слишком поздно обнаружил нападавших и был убит выстрелом в упор. Одновременно с ним в казарме погибли двое его товарищей – спастись удалось только одному солдату. Покончив с охраной, хунхузы ворвались в барак, где убили одного служащего дороги и тяжело ранили другого. Узнав о трагедии, командование стражи немедленно послало в Ань-ду отряд из 25 конных казаков. Несколько часов спустя на место происшествия с 20 стражниками прибыл сам полковник А.А. Гернгросс. Осмотр местности вокруг поста и опрос немногочисленных окрестных жителей помогли установить, что шайка ушла в северо-восточном направлении. 12 июня по взятому следу отправилась погоня – 2 офицера и 40 казаков. Следы шайки обнаруживались повсюду. 13 июня хунхузы ограбили китайскую деревню, забрав у крестьян всех лошадей. 14 июня путь разбойникам попытался преградить отряд китайских войск. Несмотря на равную численность и наличие двух пушек, командир правительственного отряда проиграл бой и отдал «краснобородым» богатые трофеи.

Чувствуя близость погони, отстававшей всего на два перехода, банда повернула на юг и... вернулась к посту Аньда. По замыслу главаря хунхузов, такой маневр должен был сбить стражу с толку и дать «братьям» шанс раствориться в монгольских степях, где в заброшенной китайской крепости шайка намеревалась отсидеться. Этому хитрому плану не суждено было сбыться: на десятый день пути русский отряд настиг хунхузов. Несмотря на отчаянное сопротивление, трое разбойников было зарублено шашками, несколько ранено, двое взято в плен. Остальные «братья» в беспорядке рассеялись по степи. 25 июня казаки без потерь возвратились в Харбин. За шестнадцать дней непрерывной погони отряд проделал по бездорожью и безводной степи 1192 версты!

Убедившись в наличии у путейцев хорошо вооруженной профессиональной охраны, хунхузы стали избегать нападений на русских, сосредоточив внимание на китайских рабочих и населении полосы отчуждения. Атаман одной из шаяк, действовавших между Нингутой и Муданьцзяном, прислал русскому железнодорожному начальству любопытное послание, в котором писал: «Мы вас никогда не трогаем, и если бывают убийства ваших солдат, то только в случае крайней необходимости, когда иначе поступить нельзя; при нападении на станцию Хайлин мы не взяли ни одной русской иголки, и вообще на восточном участке мы русским не причиним худа и не тронем вас, лишь нас не трогайте». Особой «любовью» разбойников пользовались торговые заведения, возникавшие в пристанционных поселках. Есть сведения, что во время строительства магистрали хунхузы облагали рабочих податями. Для сбора этих податей среди рабочих поселялся один из «краснобородых», при этом артель содержала такого «мытаря», беспрекословно выплачивая требуемую мзду. По мере укладки рельсового пути появились мелкие шайки, обстреливавшие станционные сооружения и будки обходчиков, похищавшие семафорные тросы, проволоку, накладки и болты с путей. Не единожды хунхузы подкладывали на рельсы различные предметы, надеясь нажиться на крушении поезда. Для предотвращения подобных покушений линию дороги приходилось постоянно охранять постами численностью до 20 человек. У каждого поста имелась наблюдательная вышка и столб, обмотанный просмоленной соломой. Дым от подожженной соломы в случае опасности служил сигналом тревоги для соседних постов. Между постовыми пунктами магистраль патрулировалась подвижными казачьими разъездами, которые нередко вступали в перестрелки с бандитами. Формально отвечая за охрану 50-верстной полосы вдоль линии (по 25 верст в каждую сторону), стража фактически контролировала до 200 верст китайской территории. Помимо дороги стража несла службу на охране сунгарийского судоходства и многочисленных предприятий акционерного общества – угольных копей, лесных заготовок и т. п. Стражникам приходилось выступать в разных амплуа: они были и солдатами, и полицейскими, и почтарями, и строителями, и матросами на судах КВЖД (в этом качестве были заняты полторы сотни стражников).

Обычно редкие нападения хунхузов на русских служащих КВЖД участились с началом 1900 г., предвещая кровавые события Боксерского восстания. Уже в январе русское начальство с удивлением отметило, что традиционные зимние «каникулы» хунхузов так и не начались. Станции южной линии подверглись нападениям банд уже 1 и 14 января 1900 г. В начале апреля произошел крупный бой стражников с шайкой «краснобородых», а 6 мая за один день на южной линии произошло уже целых три подобных инцидента. Наибольшими жертвами сопровождалось нападение разбойников на дом десятника

Легасова близ станции Вафангоу. Десятник и его жена были убиты, сын Легасовых и несколько рабочих были ранены. Спустя два дня несколько десятков хунхузов напали на песчаный карьер КВЖД, персоналу которого лишь чудом удалось спастись. На восточной линии весной 1900 г. были убиты двое русских служащих КВЖД, ранен один человек, а еще трое были уведены хунхузами в неизвестном направлении. Число нападений росло со скоростью снежной лавины. К хунхузам добавились выступления китайских рабочих и местного населения.

У аборигенов Маньчжурии были основания для недовольства русскими. Строящаяся дорога давала заработок тысячам людей, однако предлагала исключительно тяжелый и низкооплачиваемый труд. Условия жизни рабочих, многие из которых были нищими выходцами из провинций «застенного» Китая, были очень тяжелыми. Именно рабочие казармы магистрали в конце 1899 г. стали прибежищем членов тайного общества Ихэтуань («Отряды справедливости и согласия»), преследовавшихся китайским правительством в провинциях Шаньдун и Чжили. По мнению ихэтуаней, во всех бедах Китая были виновны иностранцы, навязавшие Поднебесной свои бесчеловечные «варварские» порядки. Члены общества призывали бедноту к войне против «заморских дьяволов» и, для укрепления тела и духа, упражнялись в традиционном боевом искусстве ушу, прозванном иностранцами «китайским боксом». Агитаторы-«боксеры» находили благодарных слушателей не только в рабочих бараках, но и среди аборигенов Маньчжурии. Здесь недовольных русской дорогой тоже хватало: отвод земли для строительства КВЖД вынуждал крестьян покидать насиженные места.

В конфликтах с туземцами Охранная стража выступала, разумеется, на стороне железнодорожного начальства, что, мягко говоря, не способствовало ее популярности среди китайцев. Конфликты были нередки и подчас весьма серьезны. В конце 1898 г. близ Чантуфу нападению китайцев подверглась партия топографов. В августе 1899 г. в районе Телина население окрестных деревень пыталось помешать началу строительства. Крестьян поддержали китайские солдаты, вступившие в бой со стражниками. Самые серьезные волнения наблюдались на юге Маньчжурии – в «нейтральной полосе», отделявшей арендованный Квантун от территории Мукденской провинции. Попытка русской администрации обложить местных жителей налогами в 1899 г. вызвала беспорядки в городе Бицзыво. Нападение на пост стражи спровоцировало ответные репрессии, в ходе которых около двух десятков китайцев было убито, а еще около ста – ранено. 10 июля 1899 г. в окрестностях Дальнего крестьяне во главе со старостой уничтожили путевскую контору и захватили инженеров, а в октябре того же года в Ляояне вспыхнул бунт из-за переписи населения, которую, от греха подальше, решили прекратить...

Боксерское восстание 1900 г. стало для КВЖД и ее Охранной стражи первой проверкой на прочность. Поначалу стражникам удавалось удерживать ситуацию под контролем и успешно действовать «на два фронта»: против хунхузов и подстрекаемых ихэтуанями недовольных. Однако в первых числах июля 1900 г. обстановка в Маньчжурии резко изменилась: началось массовое восстание, охватившее весь Северный Китай. Не в силах обуздать стихию бунта, пекинский двор решил... возглавить его. В императорском указе, опубликованном 8 июня 1900 г., прямо говорилось: «Ихэтуани бескорыстно сражаются за

империю и вдохновляют даже маленьких мальчиков взяться за палки... После войны я награжу их чинами и другими благами». Узнав о содержании указа, китайские войска, расквартированные в Маньчжурии, перешли на сторону мятежников и всей мощью своего оружия обрушились на КВЖД и ее служащих. От военных не отставали «краснобородые». Сильные и хорошо организованные шайки, во многих районах Маньчжурии давно ставшие настоящей «альтернативной властью», часто были более активными «застрельщиками» нападений на русских, чем идейные враги «варваров» – ихэтуани. Хунхузы имели гораздо большее влияние на местное население. Борьба против иностранцев была для «братьев» делом престижа, к тому же, толкая возбужденных крестьян под пули стражников, хунхузы могли беспрепятственно предаваться любимому занятию – грабежу.

Отчаянно сопротивлявшаяся стража, имевшая в своем распоряжении в основном стрелковое оружие, не могла противостоять противнику, вооруженному артиллерией. По всей линии КВЖД начался погром станций и путевых сооружений. Отбивая атаки восставших и неся потери, разрозненные группы русских служащих и стражников отступали в разных направлениях – в Харбин, в Корею и на арендованные территории Ляодуна. Уцелевшее имущество КВЖД было разграблено. Особенно тяжелая обстановка сложилась на южной линии, где местное население было наиболее озлоблено, а китайские войска – наиболее многочисленны. Потери русских при отступлении из Ляояна составили 55 человек (в том числе 18 убитых). Еще более трагично сложилась судьба гарнизона станции Мукден: из отряда численностью около 100 человек при отступлении уцелело 58... Впрочем, как раз на юге Маньчжурии положение гораздо легче было исправить: в Квантунской области были сосредоточены значительные военные силы. 23 июня наместник Е.И. Алексеев направил по линии железной дороги первый отряд под командованием полковника П.К. Домбровского, а уже к 28 июля, после занятия войсками городов Инкоу и Хайчэна, южная линия вновь перешла под контроль русских. Гораздо сложнее обстояло дело к северу от Мукдена. Вся линия железной дороги находилась в руках восставших, 27 июня взявших в осаду столицу КВЖД – Харбин. 1 июля на территорию Маньчжурии вошли войска Приморской области под командованием губернатора Чичагова, 3 июля занявшие станцию Мурень (Синлунгоу) на реке Мулинхэ, до середины августа остававшейся линией противостояния русских войск и восставших.

21 июля 1900 г. отряд генерала В.В. Сахарова, прибывший по Сунгари на пароходах из Хабаровска, снял блокаду Харбина. Несколько военных отрядов, с разных направлений наступавших в глубь Маньчжурии, довольно быстро овладели положением, и к концу августа магистральная линия КВЖД вернулась под русский контроль.

Боксерское восстание причинило КВЖД огромный ущерб, оцененный С.Ю. Витте более чем в 70 миллионов рублей. Погибли десятки служащих дороги, многие из которых перед смертью были подвергнуты зверским пыткам. Число жертв было бы гораздо больше, если бы не мужество и военное искусство Охранной стражи, в неравных боях прикрывшей отступление гражданского персонала. Потери стражников составили 145 человек убитыми. Героизм защитников КВЖД был высоко оценен правительством: несколько офицеров стали георгиевскими кавалерами, 73 человека были награждены серебряной

медалью «За поход в Китай». Нижним чинам стражи было высочайше пожаловано 417 знаков отличия ордена Святого Георгия.

Восстановление контроля над КВЖД еще не означало, что в Маньчжурии наступили «тишь, гладь и божья благодать». Остатки разгромленных китайских войск соединились с хунхузами и, укрывшись в труднодоступных районах, по-прежнему угрожали безопасности магистрали. Никогда еще Маньчжурия не видела столь огромной разбойничьей армии: на территории трех провинций действовали три крупные группировки численностью от 10 до 30 тысяч человек, а также несколько мелких – общим числом до 10 тысяч «краснобородых». Именно в 1900 г. Маньчжурия стала превращаться в ту «хунхузскую империю», которой она окончательно стала к началу 20-х гг. XX столетия. Отряды разбойников были хорошо вооружены трофеями и имуществом разграбленных китайских arsenалов. Местное население, сполна вкусившее горечь вторжения иноземной армии, сочувствовало хунхузам, видя в них последних защитников попранной национальной гордости. Особенно ощущалась симпатия туземцев к «краснобородым» в сельской местности – там, где экономическое влияние КВЖД не имело значения.

Основную «работу» по разгрому последних повстанцев выполнял экспедиционный корпус русской армии, численность которого в Маньчжурии на 1 октября 1900 г. составляла почти 177 тысяч человек при 336 орудиях. Вряд ли реальная опасность, исходившая от хунхузов и беглых солдат, требовала ввода на территорию Китая столь могучей рати. Огромное по масштабам вторжение в Маньчжурию в 1900 г. объяснялось, с одной стороны, тем, что русское командование просто-напросто переоценило противника, а с другой – экспансионистскими аппетитами целого ряда влиятельных петербургских деятелей, долго не оставлявших надежды включить Северо-Восточный Китай в состав владений русского царя. Большая часть оккупационных войск маялась на квартирах, однако многие военные все же нашли применение в деле. Военные действия переместились в горные и таежные районы провинции Цзилинь, где осенью 1900 г. была разгромлена одна из главных цитаделей «краснобородых» – хунхузская «республика Цзяпигоу» (речь о ней пойдет ниже). К июлю 1901 г. были разогнаны все крупные скопления хунхузов. В августе – сентябре 1901 г. сложили оружие и сдались русскому командованию главари крупнейших шаек – Люданзыр (Лю Даньцзы [14 - Прозвище, означающее в переводе с китайского «шесть пуль».] или Лю Тайцзы) и Ян Юлин по прозвищу Шисы Яньван («14-й Владыка Ада»). И тот и другой начисто отрицали свою принадлежность к «краснобородым», утверждая, что командовали войсками, защищавшими родину. В отличие от Ян Юдина Люданзыр, по-видимому, действительно не имел никакого отношения к хунхузничеству. Этот атаман, носивший в миру имя Лю Юнхэ, родился около 1845 г. и до начала Боксерского восстания успел прожить весьма бурную жизнь. 17-летним юношей он поступил на службу в знаменитые войска Фэнтяньской провинции, а в возрасте 26 лет стал главным охотником и смотрителем императорских лесов Маньчжурии. Это было завидное карьерное достижение: в подчинении бывшего солдата находилось 3 тысячи человек. Лю Юнхэ отличался незаурядным мужеством, предпочитая выходить на тигра исключительно в одиночку. Именно на поприще охоты он заработал свое прозвище. В начале событий 1900 г. мукденский генерал-губернатор назначил «егермейстера» помощником хуньчуньского

фудутуна. После взятия города русской армией Лю Юнхэ собрал остатки китайских войск и добровольцев, после чего начал собственную войну. Для содержания отряда Лю Юнхэ действительно прибегал к реквизициям среди местного населения, однако эти поборы даже по свидетельству русских носили правильный характер.

Важных китайцев приняли как пленных военачальников неприятельской армии. Обоих с почетом отправили в Россию: Люданзыра – в Хабаровск, а Ян Юлина – в Читу. Пленение главных вдохновителей и вожаков сопротивления стало сигналом к массовой сдаче оружия. За три осенних месяца 1901 г. только в Северной Маньчжурии сдались почти две с половиной тысячи разбойников. Впрочем, не все хунхузы спешили капитулировать: подручный Люданзыра Ван Лоуху (Ван Лаоху) предпочел на прощание «хлопнуть дверью», собрав двухтысячный отряд и дав жаркий бой отряду полковника Ирмана...

Высочайшим повелением государя императора Николая II 26 марта 1902 г. стало датой окончания действий русских войск в китайских пределах. Маньчжурия вернулась под власть цинской администрации, а защита полосы отчуждения КВЖД вновь легла на плечи Охранной стражи. С 9 января 1901 г. стража была включена в состав Особого округа Отдельного корпуса пограничной стражи Российской империи, 16 февраля того же года получившего наименование Заамурский. Первым начальником округа стал помощник командира ОКПС генерал-лейтенант И.Я. Дитерихс. Численность защитников КВЖД выросла до 25 тысяч всех тогдашних родов войск – кавалерии, пехоты и артиллерии. Содержание этой армии возлагалось на Общество КВЖД. Поскольку корпус пограничной стражи в дореволюционной России находился в ведении Министерства финансов, стражники получили от кадровых военных ироническое прозвище «гвардия Матильды», по имени супруги С.Ю. Витте Матильды Ивановны. Пренебрежительное отношение «профи» к защитникам КВЖД объяснялось завистью: по своему вооружению, оснащению и боевым качествам Охранная стража превосходила многие кадровые армейские части, да и денежное содержание стражников было выше, чем у армейцев. В рядах Охранной стражи в разное время служили и получили боевой опыт лидер партии октябристов, министр Временного правительства Александр Гучков и крупнейший деятель Белого движения Антон Деникин, несостоявшийся «спаситель Петрограда» Лавр Корнилов и военный историк, генерал-лейтенант Красной армии Евгений Мартынов.

Восстановление и достройка КВЖД, начавшиеся осенью 1901 г., были в целом завершены к лету 1903 г. 1 июля 1903 г. магистраль была официально передана в эксплуатацию. Последним участком работ стал трехкилометровый Хинганский туннель, открытый 14 мая 1904 г. Общая протяженность КВЖД, включая соединительную ветку от границы до Никольска-Уссурийского, превысила 2500 километров. На всем протяжении многострадальной линии продолжали «шалить» хунхузы. Как и прежде, особенно страдала от их нападений восточная линия дороги, где владельцы русских промышленных концессий были вынуждены платить атаманам «краснобородых» значительные откупные. Очередной пик «хунхузской опасности» пришелся на годы Русско-японской войны. Успешные действия японского флота в водах Тихого океана сделали КВЖД единственной ниточкой, на которой держалось снабжение нашей Маньчжурской армии. Это хорошо понимало русское командование, тщательно следившее за безопасностью и бесперебойной работой магистрали. Не хуже русских значение КВЖД понимали японцы.

Для диверсий на линии дороги идеально подходили хунхузы. Они обладали готовым опытом засад и внезапных нападений, а главное – не нуждались в маскировке, ничем не отличаясь от обычного населения полосы отчуждения. Все, что нужно было сделать японцам, – это привлечь готовых на все «братьев» звоном золота и снабдить их потребным количеством динамита для подрыва путей.

Проникновение вредителей на КВЖД началось с первых дней войны. В феврале и марте 1904 г. хунхузы совершили девять нападений на линию. 31 марта 1904 г. близ станции Мурзиха были задержаны два японских офицера – капитаны Ушикай и Тохи, выдававшие себя за тибетских лам и готовившие крупную акцию против железной дороги. У задержанных отобрали более 16 килограммов пироксилиновых шашек, несколько мотков бикфордова шнура, динамит, разводной ключ для отвинчивания рельсовых гаек, карты и другое снаряжение. Всего за время войны было совершено 512 попыток вывести КВЖД из строя. Удалась только одна крупная диверсия, когда в ночь на 31 января 1904 г. они напали на мост севернее станции Гунчжулин и взорвали один пролет. Исключительная заслуга в защите дороги принадлежала Охранной страже. Армейское командование, еще до войны изрядно запустившее службу контрразведки, набило немало шишек, пытаясь в авральном порядке найти средство против диверсантов. Одной из немногих «антихунхузских» мер, изобретенных военным начальством, было создание партизанских сотен из китайских оборванцев. Каждая из них состояла из ста китайцев, десятка русских и находилась в подчинении русского офицера. В итоге почти все партизаны – кто во время войны, кто после нее – оказались в рядах все тех же «краснобородых»... Несмотря на все усилия стражи, уследить за всей магистралью только своими силами она не могла. Группам диверсантов в 1904 г. удалось организовать на КВЖД несколько небольших диверсий. К примеру, 4 апреля на перегоне Маньгосун был подожжен мост, из-за чего дорога встала на пять часов. На другой день вблизи станции Хайлар была взорвана часть пути. Из-за таких перебоев к концу года КВЖД не удалось возратить Транссибу около 5 тысяч вагонов. Случались и нападения на станции, которые из-за повышенного внимания к охране путей остались практически без защиты. Весной 1904 г. на охрану станций встали вольные дружины, сформированные из запасных чинов и насчитывавшие около 3300 штыков. Было ясно, что одной стражей, какой бы бравой и расторопной она ни была, не обойтись. Из состава действующей армии на охрану дороги пришлось откомандировать 5500 солдат и офицеров. Всего в годы войны железнодорожные пути в Маньчжурии охраняли до 50 тысяч человек. Всю войну, а также в первый послевоенный год КВЖД работала на пределе возможностей. Бывало, что харбинский транспортный узел в сутки пропускал до 53 пар поездов в трех направлениях – и это при полностью ручном управлении движением! Можно только пытаться представить себе, в каком колоссальном напряжении приходилось изо дня в день существовать героям-путейцам и воинам, охранявшим их труд.

Отступление русских войск из Южной Маньчжурии, начавшееся весной 1904 г., поставило перед пограничниками трудную задачу прикрытия отходивших на север полевых частей. 2 мая командующий округом генерал-лейтенант Н.М. Чичагов издал знаменитый приказ: «Не отдавать противнику без боя ни одного стыка рельс!» Часть пограничников, охранявших южную линию КВЖД (4 офицера и 416 нижних чинов), отступили в Порт-Артур и влились в ряды защитников осажденной крепости.

Поражение России в войне 1904–1905 гг. существенно укоротило КВЖД: южная ветка от Порт-Артура до станции Куанченцзы перешла в руки японцев и получила название Южно-Маньчжурской железной дороги. Оставшаяся в распоряжении русских главная магистраль продолжала привлекать банды хунхузов, хорошо вооружившихся за счет воюющих сторон и действовавших с невиданной ранее наглостью. Проиграв злосчастную японскую кампанию, Россия мигом превратилась в глазах китайцев в «бумажного тигра», которого не стоило больше бояться, а значит – не было повода и уважать. Охранной страже, зона ответственности которой отныне и навсегда ограничивалась полосой отчуждения дороги, предстояло вновь внушить «краснобородым» почтение. Численность защитников магистрали в 1906 г., по некоторым сведениям, составляла 18 759 одних нижних чинов. Основную часть стражи, по-прежнему входившей в состав Заамурского округа ОКПС, составляли железнодорожные батальоны, сформированные из частей бывшей действующей армии.

В довесок к хунхузам, у железнодорожной охраны появилась новая головная боль: родные российские мазурики, наводнившие полосу отчуждения КВЖД и Харбин. В точном соответствии с горькой русской пословицей, гласящей, что любая война для кого-то – «мать родна», японская кампания буквально озолотила тылы Маньчжурской армии. Любое предприятие, мало-мальски полезное войскам, гарантированно получало заказы военного ведомства на любых условиях. Официальный запрет коммерческих перевозок по КВЖД и вызванный этим дефицит всего и вся взбили пышную пену мздоимства и спекуляции самого циничного свойства. Цены взлетели до заоблачных высот. Шальные деньги предпринимателей и дельцов привлекали «темных людей», растекавшихся по всей линии дороги. Кто-то составлял хунхузам конкуренцию, а кто-то предпочитал объединить силы с китайскими разбойниками. В ночь с 29 на 30 мая 1908 г. нападению крупной шайки, состоявшей из китайцев и кавказцев (вспомним Бодунэ!), подвергся поселок при железнодорожной станции Пограничная (ныне – город Суйфэнь-хэ провинции Хэйлунцзян, одна из столиц челночного бизнеса 1990-х). В завязавшемся бою между бандитами и стражниками был смертельно ранен начальник отделения полицейского надзора станции ротмистр Иванов.

За два месяца до этого, в ночь на 27 марта, шайка хунхузов в 200 человек напала на торговый поселок при станции Хайлин. Для отвлечения внимания стражников налет начался с обстрела станционных зданий и казарм гарнизона. Хотя нападение было отбито, хунхузы успели-таки пограбить в поселке и увести нескольких заложников.

Самые отчаянные негодяи промышляли грабежами в поездах. Случались истории в духе американских вестернов. 23 июня 1908 г. конвой китайских солдат сопровождал крупную партию серебра, отправленную из Куанченцзы в Харбин. Ночью в почтовый вагон, где находился вожделенный металл, на ходу (!) забрались хунхузы, среди которых было несколько русских уголовников. Обезоружив охрану, бандиты выбросили из вагона два ящика серебра, а потом последовали за ними, не забыв захватить винтовки солдат. На пустынных перегонах КВЖД поезда нередко обстреливали среди бела дня, причем особенно часто – на восточной линии. Сохранились воспоминания современников о том, что во время японской кампании и в первые послевоенные годы стенки пассажирских

вагонов магистрали от пола до окон прикрывались импровизированной броней из листового железа.

Невзирая на внешние условия, пограничники-стражники честно исполняли свой долг, реагируя на все вылазки хунхузов и подчас добиваясь серьезных успехов. Как-то зимой, спустя пару лет после Русско-японской войны, близ станции Турчихэ (в 50 верстах от города Цицикар) хунхузы угнали у местных жителей огромный табун из 500 лошадей. Несмотря на лютый мороз, стража несколько часов преследовала бандитов и сумела отбить большую часть табуна.

Полная трудностей и смертельной опасности служба Охранной стражи продолжалась более двадцати лет. Защитники КВЖД стали свидетелями китайской революции 1911 г., многие из них храбро сражались на фронтах Первой мировой войны. Конец существованию стражи положил «Красный Октябрь». В декабре 1917 г. на КВЖД появились китайские войска. Хотя фактический контроль над дорогой перешел к китайцам уже весной 1918 г., вплоть до начала 1920-х гг. в ее охране принимал участие немногочисленный русский отряд. Последним днем существования Охранной стражи КВЖД стало 15 июля 1920 г., когда она была официально распущена.

«ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА» МАНЬЧЖУРИИ

К концу XIX столетия Маньчжурия (или Дунсаньпэн – «Три восточные провинции») превратилась из пустынной окраины Поднебесной в густонаселенную страну, управлявшуюся многочисленной чиновничьей армией. Во главе местной администрации стояли цзянцзюни (губернаторы) трех провинций – Хэйлунцзян-шэн (или Цицикарской), Цзинлун-шэн (или Гириной) и Шэнцзин-шэн (или Мукденской). Последняя провинция называлась также Фэнтяньской и занимала верховное положение. В подчинении губернаторов находились начальники фудутунств – знаменных (маньчжурских) областей и фу – «простых» областей, населенных китайцами. Далее следовали начальники приморских даотайств (даоини), чжоу («независимых округов»), тин («отделений»), начальники уездов и князьки монгольских хошунов и аймаков. Казалось, что всевидящее око чиновничества проникало своим взором в самые отдаленные уголки страны, однако это было не так. В ряде труднодоступных районов севера и востока Маньчжурии власть принадлежала атаманам хунхузских шаек. Истории известны два случая, когда в таких районах возникали целые «государства», фактически признанные местными цинскими властями и долгое время сохранявшие свою независимость.

Самым известным «государством» такого рода в истории Маньчжурии стала Желтугинская республика. Хотя хунхузы не были ни основателями, ни руководителями Желтуги, однако их вооруженные шайки составляли «армию», без которой «республика» не смогла бы существовать.

Возникновение Желтуги стало следствием золотой лихорадки, разразившейся на северных окраинах Маньчжурии в начале 1880-х гг. Сильно преувеличенные слухи о несметных богатствах «Амурской Калифорнии» наводнили Сибирь и проникли даже в западную печать. На берега Лаогоу устремились толпы старателей, среди которых можно

было встретить представителей множества народов и сословий. Первыми в 1883 г. начали промывку золота 120 старателей. Очень скоро численность интернациональной армии золотоискателей превысила 10 тысяч человек. Большинство старателей (две трети) составляли русские «горбачи», накопившие опыт на сибирских разработках и, по старой памяти, окрестившие новое поселение «Администрацией Желтугинских золотых приисков». Разумеется, никакой «администрации» не было и в помине. Каждый из старателей сам решал, как и по каким правилам жить и добывать желтый металл. Между золотоискателями начались неизбежные конфликты. К тому же, привлеченные богатой добычей, на Желтугу стали стекаться шайки разбойников. Старатели стали объединяться в артели по 10–15 человек, но это не помогало защититься от грабителей. В конце 1884 г. в старательском поселке убили одного из артельных кашеваров. Даже видавших всякие виды сибирских каторжных потрясла жестокость убийц, несчастная жертва которых была четвертована... Какой бы сильной ни была тяга вольных бродяг к свободе, но даже они поняли: настало время создавать свою власть. На общей сходке старателей было решено объявить поселение «республикой» и избрать «главу правительства». Желтуга была поделена на пять участков, обитатели которых избрали по двое старост. Десять выборных составили правление. Оставалось поставить во главе «республики» толкового «президента», что и было сделано путем всеобщих выборов. Главой «государства» стал человек, чье имя в разных источниках звучит то как Карл Карлович Фоссе, то как Адольф Карлович Фасе, то как Карл Карлович Иванович. Его происхождение окутано мраком неизвестности. Он был то ли австрийцем, принявшим русское подданство, то ли словаком – подданным Австро-Венгрии. О личности этого незаурядного человека известно ничтожно мало. По некоторым слухам, он даже имел юридическое образование.

В первый же день работы нового «правительства» в Желтуге, скорее для острастки лиходеев, было повешено 30 человек. Еще две недели продолжалась публичная порка уличенных в мелких проступках. «Правительство» работало не покладая рук. Скоро «республика» обрела четко разработанное и весьма строгое законодательство: по-видимому, помогли профессиональные знания «президента»-правоведа. Труд «властей предрержащих» не был бесплатным. Члены правления и «президент» получали очень высокое жалованье. Роль денег в «республике» выполнял золотой песок, который мерили на русский манер – золотниками, при этом 20 золотников песка равнялись 150 рублям. Ежемесячное жалованье Фоссе, по некоторым сведениям, в пересчете на русские деньги составляло 12 тысяч рублей! «Республика» могла себе это позволить: только в первые два года существования Желтуги здесь было намыто по меньшей мере 16 тысяч фунтов золотого песка. В целом же, с осени 1883 г. до весны 1885 г., желтугинцы намыли свыше 400 пудов (почти шесть с половиной тонн) золотого песка! Старосты участков, которых также не обидели вознаграждением, своей властью наказывали за мелкие нарушения. Высшим судьей «республики» был «президент», выносивший приговоры виновным в тяжких преступлениях. В исключительных случаях судьбу обвиняемого решал общий сход «граждан». Самыми распространенными «мерами пресечения» были смертная казнь и телесные наказания. Грубые нравы «Амурской Калифорнии» допускали такие проступки, как кража и подделка золота, пьянство и дебоши, мужеложство и стрельба посреди поселка. За все это устанавливалась ответственность в виде энного количества ударов жуткого кнута с вплетенными гвоздями.

Центром Желтугинской республики был поселок, находившийся в глубине китайской территории в 20 верстах от Амура. Мало-помалу эта «столица» приобрела облик настоящего города. В центре селения лежала Орлиная площадь. Название пустыря придумали любители игры в орлянку, некогда собиравшиеся здесь для своих азартных баталий.

На площади заседало правление «республики», его хижина была украшена атрибутами «правительственного учреждения» в виде трибуны, колокола и двух китайских пушек с горкой ядер. Вокруг площади высились общественные здания: лавки, бани и гостиницы. Обычные «граждане» жили в примитивных рубленых хижинах, возводившихся местными плотниками за один день. В сравнении с этими неказистыми халабудами застройка Орлиной площади выглядела шедевром архитектуры и градостроительного искусства.

Жизнь на площади и начинавшейся тут же Миллионной улице была ключом. Тотальный дефицит и заоблачная дороговизна после появления «твердой руки» сменилась товарным изобилием. В город потянулись китайские и русские купцы. Изделия Поднебесной доставлялись на арбах из внутренних областей Маньчжурии, а европейские товары – на пароходах из Хабаровки. Досуг «граждан» обеспечивали традиционные казино и кафешантаны. И тут и там очень скоро появились женщины легкого поведения. Интересно, что первоначально дамы в Желтугу не допускались, однако спустя какое-то время Фоссе решил «ослабить вожжи». Число *censored*ток, устремившихся на Желтугу, было огромным. Говорят, что на месте бывшего поселка сохранилось кладбище, на котором похоронено более 500 женщин из пяти стран... Ищущие разнообразия в развлечениях могли посетить зверинец или представление цирковой труппы.

За порядком в городке следил отряд общественной стражи численностью 150 человек. Эта стража, как и правление, существовала за счет «республиканского бюджета». Для наполнения последнего в «республике» регулярно взимались налоги, за сбором которых следил казначей. «Ставка налогообложения» для торговцев составляла 10 процентов от общей стоимости товаров. Продавцы «зеленого змия» вносили 25 процентов, содержатели «общепита» и увеселительных заведений – 20 процентов месячной выручки. Во избежание недоразумений каждый «налогоплательщик» получал расписку, заверенную печатью правления.

Средств «бюджета» хватало не только на содержание правления и общественной стражи. На общий счет «граждан» существовали больница с бесплатным питанием и православная молельня, в которой служил семинарист-недоучка из беглых каторжных. Отдельную статью расходов составляло содержание «армии». На роль «военных» правление пригласило хорошо вооруженных хунхузов. Получив предложение, атаманы нескольких хунхузских шаек сочли, что гарантированный доход лучше случайной удачи, и согласились. Несколько сотен «братьев» стояли лагерем неподалеку от «столицы», готовые в любую минуту прийти на выручку хозяевам.

Население Желтугинской республики на пике ее славы достигало 20 тысяч человек.

Усиление квазигосударства весьма беспокоило цинские власти, а слухи о богатстве золотых россыпей возбуждали алчность чиновников. В то же время оружие, в изобилии имевшееся в распоряжении желтугинцев, поневоле внушало опасливое уважение. Айгунский фудутун, в ведомстве которого формально находилась Желтуга, несколько раз обращался к приамурскому генерал-губернатору с просьбой оказать содействие в выдворении с территории Поднебесной русских подданных. Наместник отвечал, что, коль скоро русские старатели находятся в Китае незаконно, маньчжурские власти вольны решать проблему сами любым доступным способом.

Первый поход китайских войск на Желтугу был предпринят осенью 1885 г. Отряд из 100 пехотинцев и 36 конников сплавился по Амуру и встал лагерем против русской станицы Игнашиной. Командир отряда ограничился разведкой, однако сам факт появления войск так напугал многих старателей, что население «Амурской Калифорнии» вскоре уменьшилось вполовину. После ледостава на Амуре золотоискатели вновь хлынули на Желтугу. Случилось так, что именно в том году Забайкалье постиг неурожай и русские власти запретили вывоз хлеба на китайскую территорию. Цены на провизию в старательской «республике» взлетели до небес. На Желтуге начался голод. Тем временем к поселку подошла новая китайская рать – 200 кавалеристов и тысяча пехотинцев при двух полевых орудиях. 6 января 1886 г. начальник китайского отряда объявил, что прииски должны быть очищены в четырехдневный срок. Тогда на Желтуге находилось около 2 тысяч человек. Убедившись в серьезности намерений правительственных войск, наемники-хунхузы бежали, однако русские, разбившиеся на 9 сотен и имевшие до 500 хороших ружей, были настроены сопротивляться. Срок ультиматума истек, и цинские войска пошли в наступление.

Особенно тяжело пришлось китайскому населению «Амурской Калифорнии»: нарушение императорской монополии на недра обрекало всех старателей-китайцев на смертную казнь. По одним сведениям, солдаты просто принялись избивать их, по другим – завлекли в ловушку, посулив пощаду за 4 унции золота с человека. Когда китайцы собрались и уплатили выкуп, солдаты окружили их и предательски перебили. К поваленному дереву в ряд привязывали по несколько человек и по очереди рубили всем голову...

Русским удалось сравнительно благополучно переправиться через Амур после непродолжительной перестрелки: по всей видимости, умерщвление иностранцев изначально не планировалось китайскими властями. Старатели, лишившиеся имущества и намытого золота, еще долго держались поблизости от Желтуги, вынашивая планы возвращения. Однако сторожевой отряд из 500 пехотинцев, выставленный китайцами на приисках, оказался непреодолимым препятствием.

Спустя год на руинах «Амурской Калифорнии» вновь затеплилась жизнь. Китайское правительство решило учредить на месте старательских приисков государственную золотопромышленную компанию, фактическим владельцем которой был всемогущий канцлер Ли Хунчжан. В апреле 1887 г. на Желтугу из провинции Цзилинь прибыл чиновник Ли Цзиньюн, в октябре того же года возглавивший «Управление Мохэских золотых копей». Несмотря на хорошее иностранное оборудование, компания не добилась

успеха – россыпи были слишком сильно истощены предшественниками... Только через сто лет, уже в 1989 г., на месте заброшенных приисков была вновь начата промышленная добыча золота.

Гораздо дольше, чем Желтуге, удалось продержаться «республике Цзяпигоу (Дяопигоу)», располагавшейся в горах близ китайско-корейской границы. В отличие от «Амурской Калифорнии», где хунхузы были наемным «войском», в Цзяпигоу вся власть принадлежала непосредственно «краснобородым».

Название (Соболиная падь) говорит о том, что первыми насельниками этих мест были охотники, промышлявшие пушного зверя. В конце XVIII в. в обширную падь у слияния рек Тоудаоцзян и Эрдаоцзян, дающих начало Сунгари, впервые пришли искатели золота. Горы Чанбайшаня не обманули ожидания старателей – в речных песках скрывались немалые богатства. К середине XIX столетия цинские чиновники не смели показываться во владениях вольницы: старатели были поголовно вооружены и прекрасно знали, чем чревато для них внимание властей. В 1870 г. численность населения пади достигала 10 тысяч человек. По мере роста общины часть ее членов отошла от старательства и обратилась к обычному хунхузскому ремеслу, сохраняя «братские» отношения со вчерашними коллегами. Возможно, Цзяпигоу так и осталась бы обычной хунхузско-старательской вольницей, если бы не появление Хань Юйбяо.

Выходец из провинции Шаньси, Хань Юйбяо получил при рождении имя Сяоцзунь. С детских лет будущий глава «хунхузской республики» отличался острым умом, энергией и предприимчивостью. Он быстро овладел грамотой и, едва достигнув возраста 17 лет, отправился на поиски приключений. Жизнь в родных местах не обещала юноше ничего, кроме тяжелого труда и более чем скромного достатка. Приехав в Маньчжурию, молодой человек сменил имя на Хань Бэньвэй и очень скоро пристал к золотоискателям Цзяпигоу. Грамотность была редкостью среди старателей, и новичок довольно скоро стал кем-то вроде секретаря общины. Спустя несколько лет ум Хань Бэньвэя позволил ему, несмотря на возраст, занять место выборного «старшины». Оказавшись на этом посту, Бэньвэй провел целый ряд «реформ», превративших Цзяпигоу в подобие настоящего государства. В первую очередь «старшина» установил законы, перед которыми были равны все члены общины. Было введено разделение обязанностей: одни продолжали мыть золото, другие служили в «вооруженных силах», третьи выполняли общественные функции. Для снабжения «республики» продовольствием Хань Бэньвэй привлек в долину крестьян, наделив их землей и правами «гражданства». Стараясь привязать общинников к одному месту, Хань Бэньвэй нарушил старое правило маньчжурских хунхузов и разрешил «гражданам» Цзяпигоу жениться. Все золото отныне сбывалось через центральную контору, при этом определенная часть намытого песка (2–3 процента) изымалась на общественные нужды. Игорные дома на территории «республики» считались собственностью «правительства» и сдавались в аренду держателям на срок не более месяца. Не забыл старшина и купцов, которым, в отличие от чиновников, разрешался свободный въезд в «республику». Интересно, что рядом с частными лавками в Цзяпигоу существовала «казенная торговля», помогавшая удерживать цены на низком уровне и не позволявшая купцам брать лишнее. Поскольку главным богатством «республики» оставалось золото, Хань Бэньвэй начал правильную разведку новых россыпей.

Предметом особой заботы «старшины», сменившего имя Бэньвэй на Юйбяо, была «армия». Как и во всех крупных хунхузских отрядах, здесь царила железная дисциплина. Профессиональные «солдаты» Цзяпигоу, число которых доходило до сотни, должны были постоянно совершенствоваться в военном деле. Для обучения «армии» Хань Юйбяо подыскал... иностранца, называвшего себя немецким офицером. По всей видимости, «командующий» в прошлой жизни и впрямь принадлежал к кадровым военным: в начале 1890-х гг. хунхузская «армия», действовавшая под его руководством, в ночном бою легко разгромила большой правительственный отряд, посланный на завоевание Цзяпигоу. В этом бою главную роль сыграли две небольшие пушки, невесть откуда попавшие в руки Хань Юйбяо. «Старшина» не жалел золота на вооружение своих «войск», и вскоре на смену старым пушкам явилось современное крупновое полевое орудие с изрядным запасом снарядов. Боеспособность цзяпигоуского войска подтвердилась в войне против конкурирующего объединения золотоискателей, возглавлявшегося деклассированным китайским интеллигентом, имевшим низшую ученую степень сюцай. Объединившись с шайкой враждебных Хань Юйбяо «краснобородых», сюцай довел численность своих сил до 7 тысяч человек. Несмотря на это, верх вновь одержала «армия» Хань Юйбяо. Интересно, что союзником Цзяпигоу в этой войне выступал... гиринский цзянцзюнь, обеспокоенный чрезмерным усилением выскочки-сюцай. Победа в междоусобице сделала Хань Юйбяо фактическим хозяином всего бассейна Сунгари выше впадения в нее речки Мучихэ.

«Президент» Цзяпигоу не был чужд патриотических чувств. В 1894 г., с началом Японо-китайской войны, три сотни «солдат» хунхузской «республики» отправились на помощь китайским войскам, действовавшим на реке Ялу. Во главе отряда стоял внук и будущий преемник «президента» – Хань Дэнцзюй. За участие в войне губернатор Гиринской провинции послал Хань Юйбяо жалованную грамоту на титул тусы (местного начальника) и шапку с красным шариком. Это было фактическим признанием Цзяпигоу местными цинскими властями. У читателя может возникнуть вопрос: как же посланцы губернатора проникли во владения хунхузов, закрытые для «официальных лиц»? Дело в том, что у Хань Юйбяо давно был налажен тайный канал связи с властями. В городе Гирине ему принадлежала усадьба, а один из родственников, проживавший там же, выполнял роль «дипломатического представителя».

К началу 1900 г. преклонный возраст заставил Хань Юйбяо уйти на покой, вручив кормило власти внуку Хань Дэнцзюю. Русские звали его на корейский манер – Хандегю. Он обладал всеми качествами своего деда, кроме, пожалуй, умения ладить с более сильным противником. Таким противником для Цзяпигоу стали русские войска, вошедшие в Маньчжурию для подавления Боксерского восстания. Патриот Хань Дэнцзюй сперва дал на своей территории приют остаткам китайских войск, а затем окончательно восстановил против себя русское командование, казнив двоих русских подданных в ответ на казнь хунхузского атамана Лю Ханьцзы.

В ночь на 20 сентября 1900 г. в Гирин приехали двое сыновей Хань Дэнцзюя. Непонятно, что им понадобилось в городе, который уже 9 сентября был занят русскими войсками. О приезде сыновей знаменитого врага тут же узнало русское командование. На рассвете три сотни казаков оцепили усадьбу. Одному из сыновей хунхузского

«президента» удалось уйти, второй был захвачен в плен, а вместе с ним к русским попал секретарь «республики». Командующий русским отрядом генерал А.В. Каульбарс послал Хандегю «приглашение» немедленно явиться в Гирина, а подчиненным приказал готовиться к походу в горы.

Время шло, но Хань Дэнцзюй в Гирине не показывался. Русскому командованию не оставалось ничего другого, как скоординировать поход. 15 октября из городка Шуанъян выступил отряд генерала П.К. Ренненкампа. Сутки спустя из Гирина вышел второй отряд под командованием генерала А.В. Фока – будущего «антигероя» обороны Порт-Артура. Оба отряда потерпели неудачу. П.К. Ренненкампа попал в окружение в городе Мочешань, из которого его отряду удалось вырваться только благодаря помощи китайского священнослужителя. 20 октября потрепанный отряд добрался до Гирина. Спустя шесть дней вернулся и А.В. Фок, чье войско натолкнулось в горах на сильное сопротивление хунхузов и китайских солдат.

11 ноября в Гирина неожиданно явился Хань Дэнцзюй. Остается гадать, что повлияло на решение «президента» Цзяпигоу. Возможно, его беспокоила судьба плененного русскими сына, а может быть, произвела впечатление решимость неприятеля. Не исключено, что свою роль сыграл пример бывшего командующего китайскими войсками в городе Хунчунь генерала Гуна, который накануне сдался в Гирине А.В. Каульбарсу вместе с тысячей своих солдат. Обрадованный покорностью сразу двух сильных противников, русский генерал разрешил Гуну и Хандегю жить в Гирине, гарантировав обоим личную безопасность.

Сдача в плен Хань Дэнцзюя еще не означала капитуляции Цзяпигоу. В горах оставалась готовая к бою армия «республики», усиленная остатками китайских войск. 13 ноября русские войска вновь выступили в поход под личным командованием А.В. Каульбарса. 16 ноября в городе Мочешань сосредоточились около 2500 солдат и офицеров при 20 орудиях. Отсюда войска продолжили наступление и 21 ноября разбили основные силы хунхузской армии, насчитывавшие 6 тысяч человек. Дойдя до города Куантай, А.В. Каульбарс с основными силами повернул обратно в Гирина. Окончательный разгром противника был поручен «летучему отряду» под командованием А.В. Фока. Несколько дней Фок продвигался в глубь гор, пока не достиг «столицы» Цзяпигоу и резиденции Хань Дэнцзюя, носившей громкое название Цзиньинцзы (Золотой лагерь). Последние остатки хунхузов рассеялись по окрестным лесам, и русский отряд выступил в обратный путь. 7 декабря 1900 г. операция завершилась.

События осени 1900 г. обозначили конец золотого века Цзяпигоу. Впрочем, ее история на этом вовсе не завершилась. Дождавшись ухода русских войск, Хань Дэнцзюй вернулся на пепелище «хунхузской республики» и, собрав остатки ее «граждан», жил прежней жизнью. Знакомство с генералом А.В. Каульбарсом, корректно относившимся к пленникам и выполнившим все свои обещания, заставило Хань Дэнцзюя проникнуться уважением к России. Спустя несколько лет, во время Русско-японской войны, Хань Дэнцзюй выступил на стороне своих бывших победителей и своими силами охранял левый фланг русской Маньчжурской армии.

ХОЗЯЕВА КОРЕИ

Борьба с неуловимыми шайками «краснобородых», наводнявшими Маньчжурию и Уссурийский край, долгие годы шла с переменным успехом. Нечасты были случаи, когда власти обеих стран могли похвастаться безоговорочным успехом на «хунхузском фронте». Приходя в себя после очередной вылазки «братьев», жители русского Приморья и их китайские соседи могли, по крайней мере, утешаться тем, что, несмотря на все поражения, их начальство не прекращает попыток обуздать разбойников. Гораздо хуже обстояли дела на севере Корейского полуострова, где хунхузы были полными хозяевами жизни и смерти мирных жителей.

Корея, с конца XIV в. находившаяся под властью королей из династии Ли, во второй половине XIX столетия продолжала придерживаться правила жесткой самоизоляции, всячески ограничивая любые контакты со всеми иностранными державами, кроме Поднебесной. Китайские императоры считались сюзеренами корейских монархов. В 1860 г. Корея стала соседкой России, причем граница двух стран была проведена без участия корейских представителей: их роль взяли на себя китайцы. Уже спустя три года в Уссурийском крае появились корейцы, переправлявшиеся через пограничную реку Туманган, чтобы поселиться во владениях русского царя. Переселенцы рассказывали о невыносимой жизни на родине, о налогах, выбивавшихся властями, несмотря на неурожай и отсутствие заработков. С ужасом рассказывали корейцы о хунхузах, спокойно приходивших в их страну из Маньчжурии и бесчинствовавших в крестьянских селениях. На севере полуострова «краснобородые» чувствовали себя как дома. Королевский двор, худо-бедно поддерживавший порядок на юге страны, совершенно не интересовался судьбой своих подданных, живших вдоль китайско-корейской границы. Последствия такого пренебрежения для всего севера страны были ужасающими. Корреспондент газеты «Владивосток» в конце 1896 г. писал: «Нам передают из Кореи, что китайские хунхузы положительно поселились среди корейцев в округах, прилегающих к русско-китайской границе, и хозяйничают там как у себя дома, занимаясь грабежом и разбоем. Не довольствуясь этим, хунхузы целыми бандами переходят из фанзы в фанзу, пожирая все у них, как голодные волки, пируя на хозяйский счет, насилуют и женщин и девушек, даже уводят их с собой, и корейцы бессильны противиться этому».

Любимым прибежищем хунхузов в Корее были непроходимые леса, покрывавшие базальтовое плоскогорье Чанбайшань, увенчанное снежной короной священной горы Пэктусан (Байтоушань). Горная страна, где берут свое начало крупнейшие реки Кореи и Маньчжурии – Сунгари, Амноккан (Ялуцзян) и Туманган (Тумэньцзян или просто Тумэнь), – долгое время оставалась белым пятном, где не ступала нога европейца. К концу XIX в. в этих местах удалось побывать нескольким путешественникам – миссионеру-иезуиту Дю Гальду, а также англичанам Джеймсу, Фульфорду и Янгхазбенду. В последние годы столетия, после того как границы Кореи приоткрылись для иностранцев, полковник русского Генерального штаба И.И. Стрельбицкий задался целью найти прямой путь из китайского города Хунчунь в Мукден через горы Чанбайшаня. Стрельбицкому удалось пройти вдоль реки Туманган до самого Пэктусана. Полковник даже совершил восхождение на вершину горы [15 - В своих дневниках Н.Г. Гарин указывал, что еще в XVII столетии на вершине Пэктусана удалось побывать «одному миссионеру»].

оказавшейся потухшим вулканом, однако с этого момента его отряд стали преследовать неудачи. Местные жители убедили Стрельбицкого, что прямой дороги с Пэктусана в долину реки Амноккан нет, и русский путешественник повернул обратно.

На пути к священной горе отряд Стрельбицкого едва не подвергся нападению большой шайки хунхузов. К счастью, шпионы «краснобородых», следившие за передвижением русских, донесли атаману о хорошем вооружении отряда. Разбойники предпочли не связываться с путешественниками и скрылись в тайге, оставив на пути отряда Стрельбицкого следы бивака: шалаши, костры и деревянные таганы, на которых «краснобородые» устраивали свои походные котлы.

Рассказы полковника о природных богатствах полуострова заинтересовали русское правительство, и осенью 1898 г. в Корею отправилась большая экспедиция А.И. Звегинцева, участники которой должны были наметить каналы распространения в стране русского влияния. Один из отрядов экспедиции, изучавший пути сообщения вдоль маньчжуро-корейской границы, возглавил Н.Г. Гарин. Талантливый писатель, известный в истории отечественной литературы под псевдонимом Михайловский, Н.Г. Гарин по своей основной специальности был инженером-путейцем. Много и плодотворно трудился Н.Г. Гарин при подготовке строительства Транссибирской магистрали. Способный инженер наметил точку пересечения «Великого Сибирского пути» с рекой Обью, положив начало истории города Новосибирска. Кроме того, именно Гарин разработал проект строительства магистрали в обход Томска, что позволило сэкономить огромные средства государственной казны. Для изучения путей сообщения Кореи кандидатура инженера Гарина подходила идеально.

14 сентября 1898 г. партия Н.Г. Гарина покинула пределы Российской империи, переправившись через Туманган у пограничного знака «литер Г». Потратив несколько дней на изучение судоходных условий устья реки, путешественники выступили в западном направлении и, миновав города Кёнхыннг, Хойрёнг и Мусан, 24 сентября углубились в горы близ китайской границы. В каждом селении жители жаловались начальнику партии на хунхузов. Корейские деревни жили в постоянном страхе перед набегами маньчжурских разбойников. К тому же нехватка плодородной земли заставляла корейцев арендовать поля на китайской территории, где «краснобородые» часто похищали земледельцев, требуя уплаты выкупа. Опасность нападения бандитов заставляла маленький русский отряд держаться вместе. Путешественники были неплохо вооружены: помимо нескольких винтовок армейского образца, в их распоряжении были охотничьи ружья и револьверы. Сам Гарин еще в Петербурге обзавелся многозарядным карабином системы Маузера. 26 сентября отряд достиг Тяньпэ – последней деревни на пути к Пэктусану. Местные жители рассказали Гарину, что в окрестностях горы действует шайка численностью до 40 разбойников. Несмотря на то что «промысловый сезон» хунхузов подходил к концу, «краснобородые» и не думали покидать горы. За несколько месяцев до появления русских хунхузы похитили двоих местных жителей и теперь ожидали уплаты выкупа в 500 лян серебра. Гарин и его спутники не подозревали, что их экспедиция уже давно попала в поле зрения «краснобородых», почуявших новую добычу. В ожидании удобного момента разбойники установили за отрядом слежку.

29 сентября в лесу у подножия горы отряд встретил двоих китайцев, назвавшихся охотниками. Облик выдавал в них бродяг: «грязный костюм, нечистоплотная коса, закоптелый таежный вид». Китайцы охотно беседовали с начальником отряда и указали Гарину дорогу, которая, по их словам, должна была вывести отряд прямо в долину Амноккана. Новые знакомые настойчиво пытались выяснить планы русских. Особенно интересовало китайцев направление дальнейшего движения отряда. По совету корейцев, сразу же заподозривших в «охотниках» хунхузов, Гарин сказал, что после восхождения на Пэктусан собирается вернуться в Тяньпэ. На самом деле, завершив изучение окрестностей вулкана, русский отряд выступил на запад, направляясь к селению Шандарен в 60 верстах от Пэктусана. Каково же было удивление Гарина, когда 4 октября его отряд вновь столкнулся на тропе со знакомыми «охотниками». Было ясно, что новая встреча с ними отнюдь не случайна. Следовало быть начеку: переводчику Гарина уже удалось выяснить, что «краснобородые» выслеживают отряд от самого Мусана. Китайцы заявили русским, что идут в одном направлении с отрядом, и вызвались быть проводниками. «Охотники» настойчиво рекламировали свои услуги, обещая удобную дорогу и ночлег в китайских фанзах. Вскоре на пути экспедиции попалось первое жилище – одинокий хутор, хозяин которого, по словам корейцев, был бывшим «капитаном хунхузов» и скупщиком разбойничьей добычи. Рассказы корейцев и подозрительное поведение самозванных проводников заставили Гарина изменить маршрут движения отряда. Эта новость словно громом поразила китайцев, один из которых под благовидным предлогом тут же исчез. Окончательно убедившись, что перед ним шпионы, Гарин велел второму китайцу оставаться при отряде и вечером 4 октября благополучно прибыл в Шандарен, лежавший на китайской территории. Утомленные путешественники решили, что опасность встречи с разбойниками миновала, однако, как оказалось, их радость была преждевременной.

Глубокой ночью тишину спящей деревни разорвали выстрелы. Вся шайка хунхузов, раздосадованная провалом затеи с «охотниками», окружила деревню и вела огонь по фанзе, в которой остановились русские путешественники. В своих путевых заметках Гарин эмоционально описал свои впечатления от внезапного пробуждения: «Хунхузы?! Где ружье?! Где хунхузы?! В фанзе уже перерезали всех, и только я почему-то еще жив. Стреляют в бумажные двери, стоя перед нами? Ночь, хоть глаз выколи. Зажечь свечку? Откроешь им все... Откроют и так... Так вот как это все кончается... Что же, как-нибудь да должно же когда-нибудь кончиться... Поздно, поздно... Теперь одно мужество смерти...»

Бой разгорался. На фоне ружейной трескотни выделялись гулкие выстрелы ручных пушек, стрелявших разрывными бомбами. Вскоре несколько таких снарядов подожгли кровлю фанзы. Гарин и его спутники уже собрались было по-пластунски выбираться из дома, как вдруг пальба на улице стихла. Стало ясно: укрывшиеся в лесу хунхузы ожидают появления русских, надеясь легко перестрелять всех при свете пожара. К счастью, в лучах занимавшейся зари начальнику партии удалось разглядеть вблизи от дома небольшой овраг, спасший исследователям жизнь. Укрывшись в этой ложбинке, путешественники открыли ответный огонь. Под пулями разбойников спутникам инженера удалось увести в укрытие лошадей и спасти из горящей фанзы отрядное имущество. Обескураженные стойкостью путешественников, явно не собиравшихся сдаваться, «краснобородые» отступили.

Сопровождавшие Гарина солдаты насчитали за время боя около трехсот хунхузских залпов. В результате нападения был тяжело ранен хозяин фанзы, еще один кореец – переводчик Сапаги – пропал без вести. Отряд потерял четырех лошадей, а фанза, в которой ночевали русские, сгорела дотла. Опасаясь, что хунхузы могут повторить нападение, путешественники быстро отправились в путь и спустя два дня вышли к реке Амноккан. На каждом ночлеге солдаты выбирали фанзу «с удобной позицией» – на случай нового нападения. Несмотря на постоянную опасность встречи с разбойниками, отряд продолжал исследовательскую работу. Пройденный путь наносился на карту, Гарин постоянно делал измерения высот и вел барометрический журнал. Кроме того, начальник партии не забывал вести дневник, записывал корейские сказки и даже ухитрялся находить время для уроков английского языка. О том, насколько ответственно и хладнокровно относился Гарин к принятым обязанностям, говорит письмо, отправленное им 8 октября 1898 г. из города Таянсхан на имя начальника экспедиции Звегинцева. В этом послании нет и намека на тревожные нотки. В спокойном будничном стиле Гарин пишет: «Железные дороги можно строить, и направления их намечены у меня. Из Маоэршаня на Гириин строить дорогу нельзя, а обходя Пектусан и оставляя его к западу, соединение с Гирином возможное и легкое...»

В городе Маоэршань (Линьцзян) началось путешествие русского отряда по реке Амноккан. Расположившись на борту ветхой китайской шаланды, которую солдаты тут же окрестили «бабушкой», экспедиция отправилась в долгое плавание вниз по течению. По рассказам местных жителей, здесь также орудовали хунхузские шайки. «Краснобородые» добывали в окрестных горах золото. На берегу Амноккана шайки выставляли дозорных, которые, увидев «интересную добычу», выстрелами созывали «братьев». 12 октября произошел курьезный случай, едва не обернувшийся бедой: путешественники, еще недавно спасавшиеся от «краснобородых», сами были приняты китайским караулом за хунхузов. Солдаты в панике обстреляли лодку и даже вытащили на берег ручные пушки. Во многих прибрежных селениях – и китайских, и корейских – жители создавали для защиты от хунхузов отряды «милиции». Гарина удивило, что и «милиционеры», и солдаты внешне ничем не отличались от хунхузов...

17 октября опасное путешествие инженера Гарина и его спутников по Корее завершилось в пограничном городе Ыйчжу. Два дня спустя отряд уже был в пределах китайской Маньчжурии. Последние 400 верст пути до Порт-Артура также дались путешественникам нелегко. Ненависть китайцев к иностранцам, два года спустя вылившаяся в кровавое Боксерское восстание, уже давала знать о себе. На третий день путешествия случайная встреча с буддийскими священниками, принявшими русских за миссионеров, едва не окончилась стычкой с местными жителями. Науськиваемые бонзами, китайцы так распалились, что путешественники вынуждены были спастись бегством... На всем протяжении пути внимание Гарина привлекали клетки, подвешенные на высоких шестах вдоль дороги:

«– А это что за ящики из прутьев, с написанными дощечками, там, вверху, на этих шестах?»

– Это головы хунхузов; на дощечках написано, за что им отрубили головы.

О ужас, полусгнившая голова равнодушно смотрит своими потухшими глазами.

– Если бы их не убивали – жить нельзя было бы, надо убивать.

– Но хунхуз и есть следствие жестоких законов.

– Да, конечно, – равнодушно соглашается мой кучер-китаец. – А тела их, – говорит он, – зарывают в одной яме, спиной вверх, с поджатыми под себя ногами и руками так, чтобы обрубленной шеей один труп приходился к задней части другого.

– Зачем это?

– Чтобы все смеялись.

Я возмущен до глубины души.

– Такой закон...»

Вечером 25 октября 1898 г. путешествие Н.Г. Гарина по Корее и Маньчжурии завершилось в Бицзыво (Синь-цзинь) – первом городе занятой русскими войсками Квантунской области. Инженер с гордостью мог заявить начальнику казачьего гарнизона: «Мы – первые сухим путем прибывшие к вам из Владивостока...»

Говоря о бедствиях, причиняемых хунхузами мирным корейцам, нельзя не сказать, что даже переселение на территорию России, увы, не спасало от опасного «внимания» разбойников. Несмотря на строжайший запрет сеульского королевского двора, в январе 1864 г. в Уссурийском крае возникла первая корейская деревенька Тизинхэ. Уже в 1867 г. в крае проживало около 1800 «каулей» – таким прозвищем наградили корейцев русские поселенцы. Число иммигрантов из Страны утренней свежести стремительно росло. В отличие от «манз», предпочитавших торговлю и промыслы и не признававших русскую власть, лояльные и трудолюбивые корейцы занимались в основном земледелием и охотно принимали русское подданство. Русское начальство быстро подметило эту особенность и, за исключением единственной попытки ограничить корейскую иммиграцию в 1880-х гг., всегда охотно принимало корейцев на своей территории. В Уссурийском крае корейцы селились в городах, а также в деревнях, лежащих к западу от Амурского залива. Именно эти деревни, расположенные вблизи от маньчжурской границы, особенно страдали от набегов хунхузских шаек. Разбойники часто похищали зажиточных корейцев ради выкупа, сумма которого могла достигать 2 тысяч рублей. Многие «мирные» китайцы, жившие в корейских деревнях, были связаны с хунхузами и представляли их интересы. Терроризируя корейцев угрозой бандитской расправы, китайцы добивались выполнения различных требований. В 1895 г. газета «Владивосток» писала о корейском селе Синельникове в Суйфунском участке: «...Мы с большим удивлением замечаем, что тут господствует китайский дракон, который найдется и в маленьких кумирнях православных корейцев, и на больших постоялых дворах, содержимых здесь китайцами. Китайцы... пользуются влиянием на корейцев тем, во-первых, что если здешние китайцы не все хунхузы, то они во всякое время могут напустить хунхузов, припугнуть хунхузами не поддающихся их влиянию корейцев...»

Засилье китайцев в корейских селениях и постоянная угроза хунхузских набегов беспокоили русские власти. В 1886 г. император Александр III даже вынужден был подписать положение, запрещающее новым выходцам из Кореи селиться вдоль русско-китайской границы. Уже осевших в приграничной полосе «каулей» предполагалось переселить во внутренние районы края.

НАЕМНИКИ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

В истории известны случаи, когда зло становится союзником сил, стоящих у власти. История России в этом плане – не исключение. Рюриковичи принимали на службу хищных татар и ногайцев, первые Романовы не чурались услуг разного рода авантюристов из «немцев». Бывало, что и хунхузы оказывались в роли наемников российской короны.

В своих границах русские власти всегда рассматривали шайки «краснобородых» как врага, с которым нужно бороться. Иное дело – сопредельные Маньчжурия и Корея, природные богатства которых в конце XIX в. привлекали жадное внимание петербургских колонизаторов. Проникновение в северо-восточные провинции Поднебесной, как мы уже знаем, началось в 1896 г. с подписанием Петербургского договора, давшего старт истории КВЖД. Защиту интересов империи в зоне железной дороги русскому правительству удалось обеспечить руками своих же подданных – кадровых военных, «политеса» ради переодетых в форму неправительственной Охранной стражи. Иным образом обстояли дела в Корее, где в последние годы XIX столетия также появились «русские интересы».

Уже в 1896 г., после возвращения из Кореи полковника И.И. Стрельбицкого, природные богатства Корейского полуострова заинтересовали петербургский двор. Главной приманкой было золото, которого, как казалось всем, в Корее – хоть лопатой гребли. Автором мифа о «золотой Корее» невольно стал немецкий географ Ф. Рихтгофен, утверждавший, что о богатых золотых россыпях этой страны арабам было известно еще в IX в. Помимо желтого металла немалые прибыли обещала разработка лесных богатств Кореи. Именно лесом намеревался заняться на севере полуострова владивостокский купец Ю.И. Бриннер, 28 августа 1896 г. купивший у корейского правительства права концессии на обширной территории вдоль рек Туманган и Амноккан.

В деловом мире Владивостока Юлий Иванович пользовался заслуженным авторитетом. Выходец из Швейцарии, в 1890 г. ставший подданным Российской империи, Бриннер, словно мифический царь Мидас, имел свойство превращать в золото все, к чему прикасался. Угольные копи и рыбные ловли, рудники и собственная судоходная компания к 1896 г. сделали Бриннера купцом 1-й гильдии и почетным гражданином Владивостока. Свои немалые прибыли Бриннер, как истинный предприниматель, обращал в инвестиции, расширяющие пределы его деловой империи. Никто из знакомых «русского швейцарца» не предполагал, что его затея с корейским лесом провалится. Все, однако, так и случилось: кусок корейской тайги протяженностью без малого тысячу верст оказался слишком велик... Спустя два года после покупки концессии Бриннер задумал продать еще недавно столь желанное приобретение. Свои планы Бриннер отнюдь не спешил предавать огласке,

однако о намерениях купца тут же стало известно русскому посланнику при корейском королевском дворе.

Этот пост в 1898 г. занимал ветеран российского МИДа и наш хороший знакомый Н.Г. Матюнин, долгое время исполнявший обязанности пограничного комиссара в Уссурийском крае и пользовавшийся заслуженной славой знатока Дальнего Востока.

Через Матюнина о продаже бриннеровской концессии узнал кое-кто в России, где среди посвященных в коммерческую тайну оказался некто Александр Михайлович Безобразов. Бывший гвардейский офицер, Александр Михайлович был человеком с сомнительным прошлым, невзрачным настоящим и весьма неопределенным будущим. Вынужденный фактически бежать из блестящего Петербурга в провинциальный Иркутск, Безобразов тяготился скромностью своего существования и очень хотел разбогатеть. Узнав новости из Кореи, Безобразов понял, что ему необходимо делать. Оставалось найти ответ на вопрос: как добиться исполнения своей мечты, не имея средств? Здесь Александр Михайлович также не полез в карман за соломоновым решением и, устремившись в Петербург, быстро разыскал влиятельного родственника. Им оказался командир Гвардейского флотского экипажа капитан 1-го ранга А.М. Абаза. Последний не только принадлежал к флотской элите, но и приходился племянником покойному министру финансов империи, коим был Александр Агеевич Абаза. Личные и семейные связи капитана 1-го ранга позволили выйти на обитателей петербургского Олимпа – великого князя Александра Михайловича и министра двора графа И.И. Воронцова. Участие последнего в деле было особенно важным: Воронцов распоряжался всеми немалыми средствами императорской семьи. Надо отдать должное Безобразову: в самый короткий срок бывшему гвардейцу удалось так увлечь высоких сановников перспективой обогащения, что уже 11 мая 1898 г. чиновник министерства двора Н.И. Непорожнев выкупил у Ю.И. Бриннера его «корейские права». Владивостокский купец смог с честью и без убытка выйти из неудачного предприятия, зато Россия, как выяснилось впоследствии, нажила большую беду...

В состав быстро сплотившейся в столице «безобразовской клики», помимо ее вдохновителя, входило целое созвездие имен и титулов: великий князь Александр Михайлович, граф И. И. Воронцов, вдовствующая императрица Мария Федоровна, будущий дальневосточный наместник адмирал Е.И. Алексеев. Сведущие люди намекали на участие в проекте самого «хозяина земли русской»... Были среди концессионеров и люди попроще, например только что покинувший дипломатическую службу Н.Г. Матюнин и бывший сослуживец Безобразова полковник В.М. Вонлярлярский.

Роль официального обладателя прав концессии первоначально досталась Н.И. Непорожневу, который весной 1898 г. уже возглавил экспедицию, буквально осадившую сеульский двор с требованиями расширения полномочий концессии. В дополнение к лесу «безобразовская клика» требовала разрешения на строительство железной дороги Цинампо – Гензан – Ыйчжу – русская граница. Это было только началом: Непорожнев желал ни много ни мало права на эксплуатацию всех рудников и угодий, принадлежавших королю Кореи. Здесь русского «гостя» ожидало досадное разочарование: напуганный широтой притязаний, король обещал Непорожневу всего лишь «право первенства» при

рассмотрении заявок на разработку природных богатств полуострова. Впрочем, это уже не могло остановить концессионеров. Осенью 1898 г. в Корею отправилась экспедиция под руководством А.И. Звегинцева, за три с лишним месяца исходившая всю Северную Корею. Права концессии из рук Непорожнева перешли к Матюнину, а в мае 1900 г. их обладателем стало Восточно-Азиатское торгово-промышленное товарищество с капиталом в 2 миллиона рублей. Его учредителями были граф Воронцов, князь Юсупов, граф Гендриков, А.М. Абаза и другие. Во втором пункте устава предприятия говорилось: «Вне пределов империи товарищества имеет в виду сосредоточить первоначальное внимание на лесах Северной Кореи, в бассейне Ялу и Тумыни». Примечательно, что третий пункт документа предписывал правительственным органам оказывать товариществу «наибольшее благоприятствование». Учитывая состав пайщиков, иного и быть не могло...

Восточно-Азиатское товарищество должно было вырасти в гигантский концерн, помимо лесных разработок держащий в своих руках недра, рыбные и звериные промыслы, торговлю и транспорт. Готовая к наступлению на Корею «безобразовская клика» летом 1900 г. должна была умерить свои аппетиты в связи с восстанием в Маньчжурии, однако уже в начале 1902 г. на реке Ялу закипела работа. Вскоре фронт работ почтил своим посещением сам А.М. Безобразов, ставший статс-секретарем двора его императорского величества. В числе многих вопросов, которым уделял свое личное внимание «отец» Восточно-Азиатского товарищества, было обеспечение безопасности предприятия. Безобразову и его партнерам были известны непростые обстоятельства путешествия по северу Кореи членов экспедиции Звегинцева, и в первую очередь – партии Н.Г. Гарина. Лесные деляны и лесопромышленный поселок, получивший верноподданническое название Николаевский, следовало защитить от неминуемых визитов хунхузов. Большие надежды возлагал Александр Михайлович на участника концессии, командующего войсками Квантунской области адмирала Е.И. Алексеева. Безобразов просил адмирала о направлении в Корею переодетых солдат, однако вскоре было найдено другое решение.

Неизвестно кому первому пришла в голову идея использовать против хунхузов... их коллег по ремеслу. Возможно, этим человеком был уполномоченный товарищества в Корею и непосредственный руководитель работ, подполковник Генерального штаба А.С. Мадритов. Участник Китайского похода 1900 г., Александр Семенович Мадритов в 1901 г. состоял в распоряжении Е.И. Алексеева и в июле того же года получил назначение на Ялу. Противоречивую натуру Мадритова отличали энергия, инициативность и крайняя неразборчивость в средствах. Подполковник пользовался на территории концессии неограниченной властью и быстро внушил страх не только местным жителям, но и местным корейским и даже пограничным китайским властям. Бывало, что, объезжая свои «владения», Мадритов сутками не слезал с седла.

В один из дней 1901 г. к Мадритову обратился за покровительством некто Линчи. Этого китайца русская пресса именовала «полковником хунхузов». Шайка Линчи так прославилась грабежами и жестокостями в Маньчжурии, что за голову предводителя китайские власти назначили награду в 4 тысячи лян серебра! Опасаясь за свою жизнь, Линчи бежал в Корею и явился к Мадритову с предложением услуг. Подполковник уже имел опыт общения с «краснобородыми» во время событий 1900 г., причем не исключено,

что и сам Линчи был ему знаком. Во время зачистки южных районов Маньчжурии от разбойников и участников Боксерского восстания в сентябре 1900 г. атаманом последней крупной хунхузской шайки в этих местах также был человек по имени Линчи. Не исключено, что этот чжангуй и мадритовский гость – одно и то же лицо.

Линчи предложил подполковнику принять его на службу, обещая ему не только защиту лесных разработок от хунхузских набегов, но и возможность использовать «краснобородых» в качестве военной силы. Имя Линчи не было пустым звуком – оно действительно имело вес среди китайских разбойников Кореи. Мадритов согласился, и Линчи был принят на службу «переводчиком» с жалованьем 500 рублей в месяц. Став доверенным лицом русского начальства, Линчи с небывалым рвением принялся исполнять поручения новых хозяев. Он завел себе визитные карточки, на которых его имя было отпечатано на русском и китайском языках. Получивший такую карточку при личном знакомстве с «хунхузским полковником» мог не опасаться за свою жизнь и имущество: имя Линчи на клочке картона внушало окрестным разбойникам такой же трепет, какой некогда внушало монголам ярлык с именем Чингисхана.

Линчи оказывал концессии разнообразные услуги. Он, к примеру, доставлял для перевозки леса и других товаров лодки и лодочников. Никто не смел отказаться работать на русских: непокорные деревни немедленно подвергались набегам шаек, подосланных «полковником». Интересно, что, несмотря на старания и очевидную ценность Линчи для предприятия, Мадритов держал хунхуза в черном теле, обращаясь с ним подчеркнуто сурово. Линчи не роптал: старый бандит привык к унижению младшего старшим, а кроме того, в его памяти были слишком свежи воспоминания о награде, назначенной за его голову в Китае...

Уверовав в безраздельность своей власти на Ялу, Мадритов и Линчи постепенно стали творить настоящее беззаконие. Русские разработки соседствовали с другими иностранными лесными концессиями. Очень скоро подручные Линчи стали попросту... воровать лес конкурентов, сплаваемый по реке. К плотам подходили лодки с хунхузами, которые без церемоний сталкивали плотогонов в воду. Подобные порядки вызывали возмущение лесопромышленников, прежде всего японских. Кроме того, «краснобородые» наемники товарищества всю бесчинствовали в окрестных селениях.

«Партнерство» русского офицера и китайского разбойника продолжалось недолго. Весной 1902 г. противник корейской авантюры военный министр А.Н. Куропаткин запретил своим подчиненным службу в концессии. В апреле 1902 г. А.С. Мадритов покинул Ялу, сдав дела другому доверенному концессионеру – егермейстеру И.П. Балашеву. Самоуверенный чиновник, ни в малейшей степени не обладавший опытом и военными навыками Мадритова, первым делом решил избавиться от Линчи. Из Порт-Артура на Ялу была послана телеграмма, в которой предписывалось выдать хунхузу награду в 500 рублей и прогнать. Спустя какое-то время до Балашева дошли сведения, что Линчи... преспокойно продолжает служить. Оказалось, что на телеграфе работали китайцы – люди хунхуза, которые сообщили Линчи о планах начальства, а само сообщение уничтожили. Разъяренный Балашев велел отправить в устье Ялу пароход и под

конвоем доставить Линчи в Порт-Артур. Когда судно прибыло на место, Линчи и след простыл...

С увольнением «хунхузского полковника» спокойная жизнь на Ялу закончилась. Николаевский поселок жил отныне в постоянном страхе перед ночным визитом вышедших из-под контроля разбойников. Натерпевшиеся от произвола лодочники отказывались работать на концессию. Кроме того, в устье Ялу появились «морские хунхузы», нападавшие на джонки компании, идущие с лесом в порт Инкоу. Из Порт-Артура пришлось высылать вооруженные катера, охранявшие суда от пиратов.

О самом Линчи какое-то время не было ни слуху ни духу. В конце концов «полковник» был схвачен китайской полицией в одном из притоков Чифу и обезглавлен...

В 1903 г. лесные концессии на реке Ялу получили определенную «независимость», оформившись в Лесопромышленное товарищество. Есть сведения, что использование хунхузов-наемников продолжалось и в этом, последнем перед Русско-японской войной, году. Для Японии, рассматривавшей Корею в качестве своей «родовой вотчины», происходящее на соседнем полуострове было источником сильнейшего беспокойства. Утрата завоеваний Японо-китайской войны 1894–1895 гг., оккупация русскими войсками Маньчжурии, а ныне еще и «безобразовская авантюра», изрядно напоминавшая подготовку к полноценной колонизации, – все это подталкивало островную империю к конфликту с Россией. Наиболее дальновидные русские политики прежде всего С.Ю. Витте и министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, прекрасно понимали, чем может закончиться оголтелый «натиск на восток». Увы, петербургский двор вначале просто не реагировал на предостережения, а во второй половине 1903 г. отстранил главных противников «безобразовской клики» от влияния на большую политику. 30 июля 1903 г. Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область были объединены в наместничество во главе с адмиралом Е.И. Алексеевым. Еще раньше все нити тихоокеанской политики империи были сосредоточены в Особом комитете по делам Дальнего Востока, главой которого стал один из заправил «клики» А.М. Абаза, получивший к этому времени чин контр-адмирала. Вся вторая половина 1903 г. прошла в бесконечных переговорах между русскими и японскими дипломатами, которые, в сущности, уже ничего не могли изменить... Итоговую черту в словесном споре двух империй подвели взрывы японских торпед, прогремевшие на рейде Порт-Артура в ночь на 27 января 1904 г. Разразившаяся полуторалетняя кровавая война быстро стала напоминать схватку неуклюжего гиганта с юрким озлобленным карликом, успех в которой неизменно сопутствовал последнему. Со дня окончания войны 1904–1905 гг. минуло уже более ста лет. Все перипетии злосчастной японской кампании давно изложены и прокомментированы на страницах многочисленных исторических трудов. В этой связи нас волнует только один вопрос: какую роль в противостоянии двух империй сыграли хунхузы?

В очерке «На линии КВЖД» уже говорилось об использовании «краснобородых» для диверсий против железной дороги. Не меньшую пользу могли принести хунхузы в действиях против неприятельской армии. Это хорошо понимали по обе стороны маньчжурского фронта. Ловкие и хладнокровные, изворотливые и привыкшие к

конспирации хунхузы-одиночки были идеальными шпионами. Вооруженные шайки «краснобородых» прекрасно подходили для рейдов по тылам противника. Вербовкой хунхузов на «военную службу» занимались разведчики обеих армий, однако успех в этом деле также сопутствовал японцам. Прежде всего, будучи сами представителями «желтой расы», японцы были лишены присущих русским национальных предрассудков. Они гораздо лучше находили общий язык с любым китайцем, используя культурную близость двух азиатских народов и индивидуальные слабости каждого человека – от банальной страсти к деньгам до метафизической ненависти к европейцам. Парадокс: несмотря на поражение Китая в войне 1894–1895 гг. и прочие проблемы в отношениях с Японией, китайцы гораздо охотнее шли на сотрудничество с подданными микадо, чем с русскими. Японские разведчики оказались гораздо лучше готовы к войне, чем высоколобые русские «генштабисты». Еще в мирное время все важнейшие города Маньчжурии и даже Владивосток были наводнены японскими шпионами, не только собиравшими информацию, но и щедро платившими китайцам за будущую службу. Интересно, что к началу войны в распоряжении японских разведчиков имелись не только списки китайцев, пригодных для привлечения на службу, но и подробные списки китайцев, замеченных в связях с русскими. Оказавшись во власти японских оккупационных властей, такие люди начинали служить уже не за деньги, а за страх...

Все сказанное выше справедливо, и все же главной причиной перехода китайских симпатий к японцам были военные успехи Страны восходящего солнца. В любой войне шпион и мастер «грязных дел» никогда не идут на службу к побежденному. В феврале 1905 г., проиграв генеральное сражение под Мукденом, Маньчжурская армия оказалась в положении побежденного, что означало окончательный крах всех планов русской разведки. Уже упоминавшийся американский военный корреспондент Ф. Палмер весьма точно высказался по этому поводу: «Успехи японцев обеспечили им симпатии местного населения... Нанимая шпиона, русские не могут быть уверены, что он уже не работает на японцев. Получая информацию, они не могут быть уверены, что в их распоряжение попало не только то, что японцы позволили им получить. Для русских слишком поздно пытаться завоевать симпатии китайцев».

В случае с вербовкой «краснобородых», за всю войну 1904–1905 гг. русское командование могло похвастаться всего лишь двумя удачными эпизодами. Первым стало привлечение на тайную службу предводителя «хунхузской республики Цзяпигоу» Хань Дэнцзюя, знакомого читателю по очерку «Понизовая вольница» Маньчжурии. Успехом этой операции русское командование было обязано полковнику Генерального штаба, бывшему военному комиссару Гиринской провинции М.А. Соковнину. Большой знаток «краснобородых» и действительно талантливый разведчик, Соковнин встретился с Хань Дэнцзюем в Гирине и сумел уговорить (разумеется, небезвозмездно) могущественного атамана выступить со своими «братьями» на стороне русской армии. В согласии Хань Дэнцзюя сыграли свою роль его личное участие в Японо-китайской войне и уважение к России, сформировавшееся под влиянием событий 1900 г. Отряд из нескольких сотен хунхузов Цзяпигоу очень пригодился на левом фланге Маньчжурской армии. «Подданные» Хань Дэнцзюя собирали разведданные, перехватывали японских лазутчиков и диверсантов, а главное – действовали против своих коллег из шайки атамана Фэн Линго, нанятого японцами.

Второй удачей стало сотрудничество разведки с хабаровским купцом Н.И. Тифонтаем (Цзи Фэнтаем). Считавший Россию второй родиной, Тифонтай, как и Хань Дэнцзюй, искренне ненавидел японцев. Этот крупный предприниматель был полезен русской армии уже тем, что за годы своей «бизнес-карьеры» создал по всей Маньчжурии разветвленную сеть деловых связей, одинаково успешно помогавших ему собирать и коммерческую, и военную информацию. Однако участие Тифонтая в Русско-японской войне этим не ограничилось. 16 мая 1905 г. купец предложил генерал-квартирмейстеру Маньчжурской армии В.А. Орановскому создать партизанский отряд из пяти сотен конных хунхузов. На роль командира отряда Тифонтай предложил энергичного и симпатизирующего России китайского полковника Чжан Чжэньюаня. Зная о проблемах со снабжением армии и предвидя все сомнения русского командования, Тифонтай обязался в течение трех месяцев полностью содержать отряд за свой счет. От русских требовалось вооружить партизан, а в случае успеха – возместить из казны расходы предпринимателя. 31 мая предложение Тифонтая было принято, а уже десять дней спустя отряд «Пинтуй» начал действия на левом фланге русской армии. Как и предполагалось, хунхузами командовал Чжан Чжэньюань, действия которого координировали представители русского командования: штабс-капитан Блонский, а позднее – поручик Сулов. Действуя по принципу «доверяй, но охраняй», русского представителя снабдили конвоем из десяти стрелков. Кроме того, отряду были приданы два русских фельдшера.

В действиях отряда «Пинтуй» блестяще проявились все сильные стороны хунхузов: знание района боевых действий и умение приспосабливаться к его условиям, владение языком и связи с местным населением. Деятельность партизан продолжалась до августа 1905 г. По образцу «Пинтуй» летом 1905 г. было создано еще пять «сотен», укомплектованных китайцами. Еще четыре отряда были сформированы Заамурским округом ОКПС. Один из этих отрядов дислоцировался в Сихайчэне. Официально состоявший из полутора сотен всадников, он на деле насчитывал до 600 хунхузов, получавших жалованье от русского командования. В качестве наблюдателя и инструкторов при отряде состояли офицер, прапорщик со знанием китайского языка и несколько рядовых пограничников. Начальник отряда Сяоцунгер сначала был китайским офицером, а потом дезертировал и сколотил шайку, причинявшую немало хлопот железной дороге. В начале 1905 г. пограничники рассеяли банду Сяоцунгера, а самого атамана захватили в плен. Хунхузу предложили возглавить партизанскую «сотню», на что Сяоцунгер немедленно согласился. Чтобы у новоиспеченного «сотника» не возникло соблазна удрать или, паче того, переметнуться к японцам, семья Сяоцунгера была отправлена в Харбин под надзор полиции...

«ОТДЕЛЬНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ» ОФИЦЕРА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Пожалуй, нет в нашем Отечестве человека, которому не довелось хотя бы раз посмотреть фильм «Дерсу Узала», а коли найдется такой, то окажется, что и он наверняка что-нибудь да слышал об этой замечательной картине. Уж больно редки в истории «важнейшего из искусств» случаи, когда в создании фильма объединяются усилия сразу нескольких гениев своего дела. Режиссерская работа великого Акиры Куросавы, блестящая актерская игра Ю.М. Соломина и тувинского самородка М.М. Мунзука, сценарий Юрия Нагибина, проникновенная музыка Исаака Шварца и костюмы Юрия

Ракши, удостоенные редкого в нашем кинематографе «Оскара». И конечно же знаменитые книги В.К. Арсеньева, лежащие в основе картины. Если бы вклад Арсеньева в науку, не дай бог, оказался забыт, я уверен – его имя сохранилось бы в людской памяти благодаря одному только образу Дерсу Узала...

Что мы знаем о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве? Популярны книги путешественника рисуют образ ученого, полевого исследователя, первопроходца. При этом как-то забывается, что Арсеньев был прежде всего офицером русской армии. А раз так, то возникает вопрос: какой необходимостью объяснялись его частые и продолжительные экспедиции? Толковые командиры в войсках Дальнего Востока России всегда были на вес золота, а Арсеньев ровно десять лет службы, с 1900 по 1910 г., потратил на «экскурсии». При этом в распоряжении путешественника были команды, укомплектованные армейскими нижними чинами, а сам он продвигался по служебной лестнице, получая не только очередные воинские звания, но и боевые награды! Естественнонаучные и этнографические изыскания – это, конечно, хорошо, но были ли они главной целью и содержанием походов Владимира Арсеньева по Уссурийскому краю?

В поисках ответа на этот вопрос стоит обратиться к послужному списку офицера-путешественника. Родившийся в 1872 г. потомок крепостных и мещан Тверской губернии уже 19 лет от роду, в ноябре 1891 г., зачисляется вольноопределяющимся в 145-й пехотный Новочеркасский полк. А как же образование? Где учился будущий член двадцати трех российских и иностранных научных обществ? Сын мелкого железнодорожного служащего не получил высшего образования. Поскитавшись несколько лет по частным учебным заведениям, Владимир Арсеньев в 1885 г. оказался в числе учеников 5-й столичной гимназии и спустя год с помощью репетиторов смог сдать экзамен по курсу среднего образования. Военную форму юноша примерил сразу же после получения аттестата, а следующим шагом стало поступление в Петербургское юнкерское пехотное училище. Было это осенью 1893 г. Нельзя сказать, что военная карьера сильно привлекала Арсеньева, уже в юности мечтавшего о путешествиях. Неосознанное детское стремление быстро превратилось в твердую решимость, чему в немалой степени способствовал брат известного исследователя Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло, читавший юнкерам лекции по военной географии. Правила военного ведомства давали Арсеньеву право подать в отставку сразу после выпуска, однако юноша принял другое решение. В самом начале 1896 г. Владимир в числе немногих юнкеров окончил училище «по первому разряду» и был произведен в подпоручики. Несмотря на многочисленные просьбы о переводе на Дальний Восток, новоиспеченному офицеру пришлось отправиться в противоположном направлении: армейскому начальству благоугодно было направить Арсеньева в 14-й пехотный Олонецкий полк, квартировавший в польском городке Ломжа. Лишь четыре года спустя упрямому подпоручику, успевшему сочетаться браком с девицей Анной Константиновной Кадашевич, удалось настоять на своем и получить назначение в 1-й Владивостокский крепостной полк. Весной 1900 г. семья Арсеньевых отправилась в город, ставший домом путешественника на долгие годы...

Несмотря на усилия путейцев, переезд на Дальний Восток на рубеже XIX и XX столетий продолжал оставаться делом нелегким и долгим. Сравнительно спокойно добравшихся до

Байкала Арсеньевых ожидали два известия – хорошее и плохое. Хорошее состояло в том, что окончание прокладки новых линий Сибирского пути позволяло продолжить поездку в вагоне от пристани Мысовой до Сретенска. При условии везения молодая чета могла попасть на рабочем поезде КВЖД прямо в пределы Уссурийского края, однако эта возможность начисто отменялась плохой новостью: восстание «боксеров» закрыло перед русскими двери Маньчжурии. Арсеньевым пришлось отправляться в Сретенск, где рельсы железной дороги заканчивались и путешественников ожидала пересадка на пароход. В июле 1900 г. плавание по Шилке и Амуру неожиданно прервалось в Благовещенске: хунхузы и китайские войска, поддерживающие «боксеров», сосредоточились в виду города, угрожая нападением. Подпоручику Арсеньеву пришлось встать в ряды защитников Благовещенска, а Анне Константиновне с маленьким сыном – ждать и тревожиться за мужа. Уже к 1 июля 1900 г. численность китайских войск в ближайшем к Благовещенску городке Сахалин достигла 18 тысяч человек при 40 орудиях. 3 июля город, оборонявшийся взводом 2-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и отрядом из 2 тысяч добровольцев, был обстрелян с китайского берега Амура. 8 июля один из участков обороны возглавил подпоручик Арсеньев. 14-го числа на помощь благовещенцам прибыли первые подкрепления из Забайкальской области, военные команды из Хабаровска двигались ускоренным маршем. К 19 июля силы защитников города составили 8 батальонов пехоты и 6 сотен казаков при 27 орудиях. Командовавший этими силами губернатор Амурской области генерал-лейтенант К.Н. Грибский отдал приказ о переправе войск на китайский берег в ночь с 19 на 20 июля. Бои 20–22 июля, в которых принял участие подпоручик Владимир Арсеньев, завершились взятием Айгуна и отходом китайских войск в глубь Маньчжурии. Русские войска преследовали противника, а получивший ранение Арсеньев отправился во Владивосток. Итогом участия офицера в военных действиях на Амуре стала первая боевая награда – серебряная медаль «За поход в Китай».

5 августа 1900 г. семья Арсеньевых добралась до Владивостока. Служба в гарнизоне крепости оставляла офицеру много свободного времени, которое Арсеньев с удовольствием посвящал изучению окрестностей. Короткие прогулки по ближайшим бухтам и островам Уссурийского и Амурского заливов, восхождения на прибрежные горные вершины сменились более продолжительными вылазками. Во время этих походов Арсеньев успешно совмещал приятное с полезным, уточняя карты окрестностей города и изучая жизнь уссурийских «манз», чьи жилища часто попадались ему на лесных тропах. От старожилов края подпоручику уже было известно и о приморских хунхузах, и о том, что каждая крестьянская и зверовая фанза при случае служит разбойникам приютом. Свежие амурские впечатления заставляли Арсеньева пристально присматриваться к китайцам, изучая их жизнь, стараясь понять их мысли, пристрастия, цели... Уже в первые месяцы своего пребывания в Уссурийском крае Арсеньев фактически стал разведчиком, доставлявшим командованию сведения о деятельности «краснобородых» и их сообщников в окрестностях Владивостока. Сведения эти представляли огромную ценность. Уже в 1885 г. в Уссурийском крае на трех русских приходился один постоянно проживавший здесь китаец, а с учетом «бродячих манз» это соотношение составляло два к одному. В 1891 г. из 32 909 китайских подданных, проживавших на территории Амурской и Приморской областей Приамурского генерал-губернаторства, более 18 тысяч приходилось на Приморскую. Эта людская масса служила питательной средой для хунхузов. Кроме того,

русскую администрацию, встревоженную назревающим конфликтом с Японией, волновал вопрос: на чьей стороне выступят уссурийские китайцы в случае вторжения в край войск неприятеля? Отчуждение, издавна существовавшее между «манзами» и русскими, давало повод для самых неутешительных прогнозов... К чести Арсеньева нужно сказать, что в отношении «манз» он старался сохранять объективность и, в отличие от Н.М. Пржевальского, избегал слишком смелых обобщений.

Быстро проявившиеся в личности Арсеньева качества разведчика, вкуче с боевым опытом и знаниями, не остались незамеченными начальством. Осенью 1902 г. у него в подчинении оказалась «охотничья команда» полка. Так в русской армии именовались штатные разведывательные подразделения, появившиеся в составе войсковых частей в 1886 г. Название «охотничья» уходило корнями в историю русского оружия, напоминая о добровольцах, «охотниках», ходивших в рейды по наполеоновским тылам в 1812 г. и совершавших лихие вылазки из осажденного Севастополя в дни Крымской войны. С другой стороны, это название прямо указывало на особенности боевой подготовки разведчиков. Их занятия обязательно включали длительные пешие «экскурсии», отработку стрельбы навскидку и по движущейся цели. Охота на зверя и птицу считалась для этого прекрасным средством. Вместе с тем «охотники» занимались фехтованием и «атлетическими играми», плавали, отрабатывали приемы рукопашного боя (именовавшегося в те времена «вольным»), изучали топографию и другие военные науки. В задачи «охотников» входило все то, что в современной армии называется «специальными заданиями», а на языке армии старой именовалось «отдельными поручениями». Как писал один из старших современников Арсеньева, «охотникам обыкновенно доверяют самые опасные предприятия: им поручается разведывание сил неприятеля, отыскание удобных мест для нападения на лагерь или укрепление; они обязаны тревожить неприятеля, уничтожать мелкие неприятельские команды, отбивать транспорты, узнавать движение неприятеля и мешать ему неожиданно напасть на наши главные силы; но главное и наиболее почетное – это обязанность первыми идти на штурм». Форма «охотников» первых лет XX в. отличалась зеленой нашивкой на рукаве мундира.

О том, насколько важное место в деятельности Арсеньева-разведчика занимала борьба с хунхузами, косвенно свидетельствует география его первых экспедиций. В 1902–1904 гг. «охотники» под началом своего командира совершают «экскурсии» в район озера Ханка, в бассейн реки Судзухэ, а также в долину *censored*на с выходом к заливу Святой Ольги. Из предыдущих очерков читатель уже знает, что именно эти местности Уссурийского края наиболее часто посещались «краснобородыми»: к западу от озера Ханка пролегали тропы, ведущие в Китай, а в долине *censored*на издавна простирались «промысловые уголья» хунхузских шаек.

Действия Арсеньева и его подчиненных против китайских разбойников были успешны. Владимир Клавдиевич с самого начала поставил основным принципом удачного «дела» секретность. Несомненно, ему было хорошо известно: все, что ведомо обитателям «китайского квартала», становится известным хунхузам от многочисленных шпионов-«побратимов». От подчиненных Арсеньева требовалось держать язык за зубами не только среди владивостокских обывателей, но и в обществе товарищей по полку. Воспитанные

Арсеньевым неприхотливые и выносливые разведчики на походе не зависели от услуг «манз», что также помогало выполнять поставленные задачи. В то же время командир «охотников» старался расположить к себе «иностранцев» Приморья, находя у них поддержку и помощь. В 1903 г. Арсеньев уже по праву считался признанным знатоком тайной жизни уссурийской тайги, чьи заслуги были отмечены званием штабс-капитана и орденом Святой Анны IV степени.

В годы Русско-японской войны Владимир Клавдиевич продолжал свою разведывательную деятельность в действующей армии и закончил кампанию офицером 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Грудь офицера украсил орден Святой Анны III степени. Сразу после войны Арсеньев получает назначение в Хабаровск, где располагался штаб войск Приамурского военного округа. Новым местом службы командира «охотников» стала генерал-квартирмейстерская часть штаба, отвечавшая за оперативную и разведывательную работу, а также обеспечивавшая войска российского Дальнего Востока топографическими картами.

Только что отгремевшая война поставила перед штабом серьезные задачи. Уссурийский край оказался в положении огромного клина, зажато между владениями Цинской империи и оккупированным Японией Южным Сахалином. Проиграв кампанию японцам, некогда награжденным презрительным прозвищем «макак», русское командование стало более трезво оценивать военный потенциал соседей. Опасаясь возможного повторения конфликта, в штабе Приамурского округа задавались вопросом: где нанесет удар потенциальный противник? Владивосток, после войны ставший единственной базой русского флота на Тихом океане, был неплохо защищен от атак со стороны Японского моря. Но что, если враг высадится на восточном побережье Приморья и, преодолев хребет Сихотэ-Алиня, перережет железную дорогу и подойдет к городу с севера? Такой вариант грозил повторением порт-артурской эпопеи. Требовалось заранее просчитать все возможные сценарии будущей войны, однако на пути штабных аналитиков стояло застарелое препятствие – плохое знание географии собственной территории. Стереть «белые пятна» с карты Приморья предстояло Арсеньеву. Попутно путешественник должен был обстоятельно изучить природные условия внутренних районов края, оценить их колонизационные возможности, познакомиться с местным «иностранческим» населением и проверить его лояльность по отношению к имперским властям. Разумеется, выявление очагов бандитизма также входило в обязанности экспедиции. Начинаясь новый, богатый на приключения период жизни Владимира Клавдиевича.

22 апреля 1906 г. командующий войсками Приамурского военного округа П.Ф. Унтербергер издал приказ о назначении штабс-капитана Арсеньева начальником партии по исследованию хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы от залива Святой Ольги до залива Терней. Кроме того, экспедиция должна была перевалить горный хребет и исследовать малоизвестную таежную область, где лежали истоки рек Уссури, Иман и Лифудзин. Арсеньева сопровождали 20 человек: 3 офицера, 4 казака и 12 стрелков охотничьей команды. Единственным гражданским участником экспедиции был известный краевед, товарищ Арсеньева по Обществу изучения Амурского края, лесничий Н.А. Пальчевский. Основные расходы по снаряжению экспедиции взял на себя Приамурский

отдел Русского географического общества и лишь незначительную часть – генерал-губернатор Унтербергер.

Этот факт не стоит воспринимать как признак пренебрежения важностью предприятия. Павел Федорович Унтербергер был уважаемым ветераном, прослужившим в Сибири и на Дальнем Востоке более тридцати лет. Разносторонне образованный человек, много путешествовавший и владевший иностранными языками, Унтербергер в течение девяти лет возглавлял администрацию Приморской области, основал Владивостокскую крепость и Уссурийское казачье войско, строил железную дорогу и много способствовал развитию тихоокеанских окраин России. Став в 1897 г. нижегородским губернатором, Унтербергер уже в 1905 г. вновь встал у кормила дальневосточной власти – его знание края и административный опыт оказались незаменимы в трудную для страны пору. Унтербергер уделял экспедиции Арсеньева пристальное внимание. Генерал-лейтенанту было ясно, что неудачная война, имевшая губительные для внутреннего положения страны последствия, не могла не оказать влияния на умы китайского населения русского Дальнего Востока. Было важно оценить это влияние: хотя именно война вызвала первый за многие годы отток китайцев из русских пределов на родину, оставшиеся «манзы» были по-прежнему многочисленны [16 - Проживавшие в Уссурийском крае выходцы из Маньчжурии спешили проведать родные места, ставшие театром боевых действий кампании 1904–1905 гг.]. Унтербергер интересовался китайцами отнюдь не как дилетант. В свое время генерал занимался на восточном факультете Петербургского университета, где получил серьезную синологическую подготовку у самого В.П. Васильева – основоположника отечественной школы научного китаеведения. В 1879 г. Унтербергер совершил поездку по Китаю и в дальнейшем никогда не переставал интересоваться Поднебесной и ее народом. Надо полагать, что демонстративное участие Географического общества в подготовке партии Арсеньева было необходимо для создания легенды «чисто научной экспедиции» и маскировки ее главных, военно-разведывательных целей. Последние сомнения в характере работы отряда развеивает личное участие в походе начальника штаба Приамурского округа генерал-лейтенанта П.К. Рутковского, сопровождавшего Арсеньева на 400-верстном пути до залива Святой Ольги.

Путешествие началось на станции Шмаковка 20 мая 1906 г. Сначала отряд поднялся по течению Усури до слияния питающих ее рек Дауби и Улахэ. Отсюда начался трудный подъем к вершинам Сихотэ-Алиня. Несмотря на тяжесть похода, партия благополучно нашла путь через перевал и, преодолев хребет, оказалась на его восточных склонах. Изучив систему рек Фудзин, Лифудзин и Вайфудзин, отряд вышел к заливу Святой Ольги. Исследования продолжались все лето. Отряд то двигался по берегу моря, то углублялся в таежные дебри, то поднимался к горным перевалам, то спускался в речные долины. На пути разведчиков то и дело попадались китайские деревни и отдельные фанзы, обитатели которых порой встречали партию если и не враждебно, то настороженно.

Много позже, в начале 1910-х гг., Арсеньев вспоминал, что обстановка в таежной глубинке края в 1906–1907 гг. была очень беспокойной. Поражения в Маньчжурии дискредитировали русских в глазах «манз», вновь зародивших надежду установить в Приморье «китайскую власть». Уже в годы войны любая новость с фронта лихорадочно обсуждалась китайцами, забросившими все свои работы и толковавшими только об одном

– где добыть оружие и патроны. Последние не заставили себя ждать, и вскоре вместо старых берданок и винчестеров в руках «манз» оказались современные армейские трехлинейки. Винтовки в разобранном виде попадали в край на борту китайских джонок, к тому же известную долю «урожая» нелегальных стволов дали беспорядки, то затухавшие, то вновь разгоравшиеся в войсках Владивостокского гарнизона на протяжении 1905–1907 гг. На Даубихэ, *censored*не и Имане все китайское население было вооружено. Ощущение силы делало поведение «манз» в отношении экспедиции «смелым, чтобы не сказать дерзким».

Вскоре Арсеньеву стало известно, что китайцы производят по пути следования экспедиции «розыски», выявляя и наказывая «инородцев», указывавших отряду путь в лесных дебрях. Перед Арсеньевым стояла мрачная перспектива лишиться проводников. Можно представить себе радость исследователя, когда 3 августа к отряду присоединился его старый знакомый – нанаец (гольд) Дерсу из рода Узала (или Оджала), знакомый Арсеньеву со времен «экскурсий» 1902 г. Прекрасный следопыт и знаток тайги, Дерсу уже в юные годы совершил настоящий подвиг, угодив в плен к шайке хунхузов и сумев уйти невредимым. Во время совместных путешествий гольд неоднократно помогал Арсеньеву избежать опасных встреч на таежных тропах.

Ко времени появления Дерсу отряд Арсеньева уже больше месяца занимался обследованием побережья в окрестностях залива Святой Ольги. Теперь его присутствие было особенно кстати, так как экспедиции предстояло, вновь перевалив Сихотэ-Алинь, выйти в бассейн реки Ното, почитавшийся самым глухим и опасным уголком Уссурийского края, привлекавшим подонков «манзовского» общества. Здесь русская власть не имела никакой силы, в чем Арсеньев и его спутники смогли убедиться уже на подходе к хребту. Близ фанзы Иолайза на реке Фудзин отряд ожидала страшная находка – могилы китайца и молодого таза, погребенных заживо всего лишь за двое суток до появления разведчиков. Несмотря на свой чин, начальник партии не мог принять никаких мер к самозванным «судьям» – слишком велико было численное превосходство китайцев. Случай «применить власть» представился путешественнику 12 августа, уже к западу от гор, на реке Вангоу: казаки Арсеньева заставили китайских зверовщиков засыпать заброшенные ловчие ямы, попусту губившие животных.

21 сентября произошло событие, ставшее самым опасным приключением экспедиции: неподалеку от залива Пластун отряд едва не столкнулся с шайкой из двух десятков хунхузов. Путешественников спас от нежелательной встречи Дерсу, от зоркого глаза которого не укрылись следы, оставленные «краснобородами» на тропе. Окурки редкой для тайги папиросы, лоскут ткани, который китаец рабочий никогда не выбросил бы, – все эти детали насторожили гольда, немедленно вызвавшегося идти на разведку. Дерсу удалось выследить разбойников и благополучно вернуться, отделавшись простреленной одеждой. По совету охотника экспедиция покинула тропу и укрылась в лесной чаще.

В тот же день Арсеньеву довелось встретиться с бойцами охотничьей дружины «Паотоу», содержащейся на реке Санхобе в окрестностях залива Терней специально для борьбы с разбойниками. Этим «милиционерам», впервые собравшимся в 1880 г., завершение японской кампании изрядно добавило работы. В самом конце войны у мыса

Золотого на севере Приморья высадилась группа каторжных, бежавших с оккупированного японцами Сахалина. Четырнадцать забубённых уголовников отметили возвращение на волю грабежами и жестокими убийствами орочей, имевших несчастье оказаться на пути ватаги. Неизвестно, сколько еще продолжались бы кровавые похождения сахалинцев, если бы не дружинники. Два десятка китайцев и тазов подстерегли и безжалостно перебили варнаков. Самосуд дружинников, действовавших по принципу «око за око», не вписывался в рамки законов Российской империи и не мог понравиться официальным властям. До поры до времени рука начальства была не в силах дотянуться до северных уголков края, однако к 1908 г., по мере заселения Приморья русскими, дружина «Паотоу» прекратила свое существование...

Все это произошло позже, а осенью 1906 г. появление «милиционеров» не только избавило небольшой экспедиционный отряд от серьезной опасности, но и дало Арсеньеву возможность познакомиться с чжан-бао (предводителем) дружины Чан-ги-чином. Впечатление, оставшееся от этой встречи, заставило Арсеньева заподозрить в китайце... политического преступника, бежавшего в русские пределы от преследования маньчжурских властей Поднебесной. «Мне не приходилось встречать человека, – писал спустя годы Владимир Клавдиевич, – в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата... В его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе толпу говорили за то, что это не был простой манза». Чан-ги-чин сообщил исследователям, что хунхузы пришли морем, намереваясь устроиться в заливе Пластун и заняться грабежом джонок, ищущих укрытия от непогоды. Во время экспедиции 1906 г., а также в следующем году, чжан-бао оказал Арсеньеву большие услуги: он предупреждал путешественника о возможных опасностях и обеспечивал охрану стоянок.

25 сентября члены экспедиции разделились: Н.А. Пальчевский и А.И. Мерзляков с лошадьми и частью команды должны были вернуться во Владивосток морем. Завершить маршрут выпало самому Арсеньеву, Г.И. Гранатману, Дерсу и трем нижним чинам. Маленькая партия должна была в трудных условиях наступающей зимы в последний раз перевалить Сихотэ-Алинь и выйти к линии железной дороги через бассейн реки Иман. Выдержав по пути сильную метель, путешественники преодолели горный хребет и в конце октября вышли к реке Иман. Три дня отряд отдыхал в виду китайского поселка Сидатун. Загодя предупрежденный Чан-ги-чином, Арсеньев предпочел остановиться в удэгейском становище на противоположном берегу Имана: обитателями Сидатуна были «различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов». Местное «инородческое» население, как и повсюду в уссурийской тайге, находилось у китайцев на положении бесправных рабов. Удручающие картины жизни охотников и бессилие что-либо изменить в их существовании заставили путешественника поскорее отправиться в дорогу.

Следующим поселением на пути экспедиции была деревня Сяньпихеза. Местный богач Ли Тан-куй, в фанзе которого путешественники были устроены на ночлег, возбуждал подозрения начальника партии своими заискивающими манерами и подозрительным поведением. Проведя под кровом китайца тревожную ночь, Арсеньев, несмотря на

возражения хозяина фанзы, решил во что бы то ни стало посетить ближайшее удэгейское становище Вангубе. Убедившись в твердости намерений путешественника, китайцы резко изменили свое отношение к экспедиции: от показного радушия не осталось и следа. Удэгейцы также встретили отряд с нескрываемой враждебностью, однако это недоразумение вскоре благополучно разрешилось. Лесных жителей возмутило то, что русский капитан остановился на ночлег в доме Ли Тан-куя, который, как выяснилось, был главным эксплуататором иманских «инородцев». Произвол, чинимый китайцем и его подручными, вынудил удэгейцев отправить ходоков с жалобой в Хабаровск. Генерал-губернатор Унтербергер принял охотников и обещал, что с «манзами» разберется начальник русского отряда, который придет на Иман со стороны моря. О жалобе удэге быстро стало известно Ли Тан-кую. Вернувшиеся ходоки были подвергнуты жестокому наказанию. Когда жители Вангубе решили вновь отправить жалобу властям, Ли Тан-куй пригрозил заживо заморозить посланца в реке. К моменту появления Арсеньева жители стойбища уже две недели жили в осаде, не имея возможности заниматься охотой. Арсеньев заступился за удэге и обещал доложить о самоуправстве китайцев начальству.

Последний участок маршрута дался усталым путникам с особенным трудом. Усилившийся мороз мешал производить съемки. Большинство иманских китайцев не скрывали враждебности и грубо отказывали путешественникам в ночлеге. С большим трудом приют удалось найти на винокурне Мяолин, владелец которой, хоть и без радости, принял отряд на постой. Старый «манза» был уверен, что появление офицера и солдат означает намерение властей конфисковать его предприятие... 10 ноября отряд достиг местности, населенной русскими переселенцами, а спустя два дня Арсеньев с тяжелым сердцем расстался со своим проводником и другом Дерсу Узала.

17 ноября экспедиция возвратилась в Хабаровск. За пять месяцев Арсеньеву и его спутникам удалось выполнить большую работу, побывав в местах, где в течение почти полувека не ступала нога исследователя. Командование округа было довольно разведчиками, которым удалось собрать подробные сведения о географии и населении самых недоступных районов Приморья. Члены экспедиции получили награды и повышения по службе. Сам Владимир Клавдиевич за «труд, сопряженный с огромными лишениями и опасностями, вместе с тем составляющий основательный вклад в науку, рвение, энергию и фанатическую преданность делу» стал кавалером ордена Святого Владимира IV степени. Принимая поздравления, путешественник мысленно возвращался к дням, проведенным в тайге. Арсеньев испытывал противоречивые чувства. К ярким впечатлениям походной жизни примешивалась жалость к вымирающим аборигенам, жизнью и имуществом которых безраздельно распоряжались китайцы. Особое возмущение вызывали китайские и корейские охотники, с хищническими методами которых Арсеньеву неоднократно приходилось сталкиваться в тайге. Самым ярким примером безудержного и безнаказанного истребления природных богатств стал для путешественника промысел кабарги, добывавшейся только ради целебного мускуса. Две трети животных, угодивших в ловушки браконьеров, составляли самки, не имевшие в глазах охотников никакой ценности. Их туши попросту выбрасывали! От браконьеров не отставали русские лесопромышленники, бездумно вырубавшие огромные участки тайги, не догадавшись позаботиться о вывозе древесины. Путешественник с горечью убеждался в правоте Дерсу, отводившего уссурийской тайге от силы десятков лет жизни при таких

«хозяевах». Борьба с засильем в крае хищников всех мастей – хунхузов, купцов, браконьеров – на долгие годы стала смыслом жизни Арсеньева.

Экспедиция 1906 г. стала самым известным путешествием Владимира Клавдиевича и своеобразным эталоном для последующих походов. В 1906 г. его партия девять раз пересекала хребет Сихотэ-Алиня в его южной части. В следующем сезоне изысканиями путешественника был охвачен центральный участок цепи, которую на этот раз пришлось преодолевать четырежды. В 1908–1910 гг. отряды Арсеньева трижды совершают походы вдоль главной горной цепи Приморья, проводя разведку и топографическую съемку местности. Путешественник изучал культуру народности орочей, составив первый словарь их угасающего наречия.

В 1910 г. к Арсеньеву пришло заслуженное признание научного мира. Он активно сотрудничает с Приамурским отделом Русского географического общества, выезжает в столицу, где преподносит Музею императора Александра III богатую этнографическую коллекцию, собранную во время путешествий. В начале 1911 г. с арсеньевским собранием пожелал ознакомиться император Николай II. Во время экскурсии путешественник лично давал августейшему гостю пояснения, заслужившие благодарность самодержца. Выгодное впечатление стало причиной явного «монаршего благоволения» к Арсеньеву: путешественник получает право совершать экспедиции независимо от выполнения обязанностей службы. Весной того же 1911 г. в жизни Владимира Клавдиевича происходят серьезные изменения: он переводится в ведомство Главного управления землеустройства и земледелия с редким для Российской империи сохранением военного чиновного производства. Разумеется, такое решение начальства не могло объясняться «непригодностью» офицера. Арсеньев зарекомендовал себя образцовым военным и умелым разведчиком, обладающим уникальным опытом оперативной работы. Причины, заставившие Владимира Клавдиевича снять военный мундир, становятся более понятными, если учесть, что как раз в это время в российской армии происходило формирование органов военной контрразведки... Переход Арсеньева в «штатское» состояние способствовал формированию новой легенды путешественника-разведчика и к тому же облегчал служебные отношения с новым приамурским генерал-губернатором, которым в 1911 г. впервые стало гражданское лицо – шталмейстер двора его императорского величества Н.Л. Гондатти. Нового администратора отличали, с одной стороны, подозрительность в отношении соседних «желтых» народов, а с другой – интерес к изучению вверенной территории: Гондатти одновременно возглавлял комплексную Амурскую экспедицию, работавшую в крае до 1912 г.

С 1911 г. начинается череда «особых» командировок Арсеньева, преследующих отнюдь не научные цели. Доклады путешественника, составленные по итогам экспедиций предшествующих лет, наконец заставили администрацию Приамурья обратить внимание на засилье в тайге китайцев и связь этой проблемы с хунхузничеством. В июне 1911 г. в Ольгинском уезде Приморской области высаживается предводительствуемый Арсеньевым десант лесничих и чинов полиции. Инструкция генерал-губернатора предписывает Арсеньеву упразднение незаконного «манзовского самоуправления», задержание подозрительных и беспаспортных лиц, конфискацию незарегистрированного оружия и незаконных орудий промысла, ликвидацию винокурен и хунхузских зимовий.

Действия отряда начались в долине реки Нахтоху, затем распространились на юг – на речки Холопку, Сунерх, Каньчжу, Кулаху, Тахобо, Кусун и Соен. Закончилась экспедиция в заливе Джигит в ноябре того же года. Всего лишь за месяц в уезде было уничтожено три с лишним тысячи браконьерских соболиных ловушек, задержано около сорока хищников и бродяг. Всего за время действий отряд Арсеньева уничтожил 5 тысяч варварских приспособлений для добычи пушного зверя. 26 лесных браконьерских убежищ были преданы огню.

Спустя год Владимир Клавдиевич вновь получает «отдельное поручение». Бурлящий котел Синьхайской революции, охватившей Китай в начале 1911 г., обильно выплескивал на русскую территорию хунхузские шайки, расплотившиеся в атмосфере воцарившегося безвластия. Еще одним источником головной боли для властей были многочисленные конфликты между рабочими и администрацией золотых приисков Восточной Сибири, вылившиеся в апреле 1912 г. в кровавые события Ленского расстрела. Ситуация в горной промышленности Приамурского края начала накаляться. Особое беспокойство хабаровской администрации вызывали рудники «Акционерного горнопромышленного общества „Тетюхэ“», сформированного Ю.И. Бриннером и его партнерами в 1909 г. Условия работы на молодом предприятии в Северном Приморье были тяжелыми и вызывали недовольство многих рабочих. Обстановка на рудниках поглощала все внимание местных властей, чем пользовались хунхузы и браконьеры, почувствовавшие себя в тайге в полной безопасности. Новая экспедиция Владимира Клавдиевича началась 22 апреля в селе Кремове. За четыре месяца его подчиненные задержали около тысячи подозрительных лиц. В августе отряд Арсеньева вышел в долину реки Тетюхэ и вскоре соединился в заливе Святой Ольги с партией А.А. Шильникова, обследовавшей бассейн реки Тазуши. С побережья Арсеньев повел своих подчиненных вверх по реке Аввакумовке (Вайфудзин) и вышел в долину Имана. Уничтожив в верховьях реки около сорока заимок, служивших базами разбойников, отряд в январе 1913 г. появился в китайском селении Сидатун, где за семь лет до этого Арсеньев вынужден был с бессильным возмущением наблюдать самоуправство китайцев. Теперь ситуация изменилась: фанзы селения подверглись обыску, по итогам которого 16 «манз» были арестованы за незаконную добычу золота. К досаде Арсеньева, остальным китайцам удалось скрыться в тайге...

В мае 1913 г. Арсеньеву присваивается звание подполковника. К этому времени он уже около года состоит в должности чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Приамурского края. Решительность в исполнении «особых поручений» всегда сочеталась у Арсеньева со стремлением объективно разобраться в ситуации и найти корень проблемы. В своих многочисленных докладах и записках Арсеньев доказывал, что причину засилья браконьеров в уссурийской тайге нужно искать в действиях крупных китайских предпринимателей, организовывавших хищнический промысел своих соплеменников под респектабельной гильдейской вывеской. Причину зависимости аборигенов края от китайских купцов путешественник видел в бедности малых народов. По мнению путешественника, освободить их от «манзовской» кабалы можно было, образовав особые «инородческие участки», наделив аборигенов землей и предоставив им специальную помощь. Для противодействия все более усиливавшемуся влиянию китайцев на Дальнем Востоке России Арсеньев предлагал использовать прежде

всего экономические методы, укрепляющие благосостояние русского населения и привлекающие на берега Тихого океана новых переселенцев. К сожалению, в роли чиновника Арсеньеву не удалось добиться больших успехов: самые смелые выводы и предложения путешественника начальство предпочитало оставлять без внимания... Разочарованный Арсеньев с головой ушел в науку, приводя в порядок коллекции Хабаровского краевого музея, публикуя историко-этнографические труды и конечно же продолжая поездки по любимому Дальнему Востоку.

Мировая война, а затем и революция поставили крест на служебной карьере подполковника Арсеньева. Последней значительной должностью в жизни ученого был пост комиссара «по инородческим делам» в республиканской администрации Приамурского края. В октябре 1917 г. Арсеньев вышел в отставку. В годы Гражданской войны различные силы – от лидеров эмиграции до сотрудников американской разведки – пытались привлечь его на свою сторону, однако Арсеньев навсегда остался патриотом России, чуждым сиюминутной политической или материальной выгоды.

Последнее десятилетие жизни Владимира Клавдиевича стало особенно плодотворным. В начале 1920-х гг. выходят в свет первые художественные произведения Арсеньева, вошедшие в золотой фонд русской «литературы путешествий». Арсеньев преподает – сначала в Хабаровском народном университете, а затем – в Государственном Дальневосточном университете Владивостока. Расширяется география экспедиций: Арсеньева видят на Камчатке и Командорских островах, в Пенжинской губе и на берегах Татарского пролива. В 1926 г. возобновляется административная работа ученого: Владимир Клавдиевич поступает на службу в Дальневосточное переселенческое управление.

Колонизационные планы новой власти, энергично взявшей за освоение дальневосточных окраин, произвели впечатление на патриота-уссурийца. Со своей стороны большевики, признававшие научные заслуги путешественника, закрыли глаза на службу Арсеньева царскому режиму... Был и еще один момент, заставлявший новых хозяев страны проявлять интерес к ученому, не скрывавшему равнодушия к официальной идеологии. Развитие Дальнего Востока было невозможно без учета «китайского фактора», влияние которого не только не исчезло за годы великих потрясений, но и грозило еще более усилиться. Более компетентного специалиста по «манзовскому вопросу», чем Арсеньев, найти было невозможно...

В 1928 г. в канцелярию Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) в Хабаровске поступил аналитический доклад, сразу же попавший под гриф «секретно». Под документом стояла подпись В.К. Арсеньева. Оценивая положение России среди ее дальневосточных соседей, ученый-разведчик предостерегал власть от чрезмерного наплыва «самовольных китайских и корейских засельщиков». Верный себе, Владимир Клавдиевич предлагал меры по укреплению границ, привлечению переселенцев и развитию сильных «промышленно-экономических организаций».

Хотя некоторые идеи Арсеньева были использованы при составлении планов развития Дальнего Востока в ходе второй пятилетки, оказать сколько-нибудь заметное влияние на

будущее столь любимого им Приморья ученый не успел. Летом 1930 г., во время экспедиции в низовья Амура, Владимир Клавдиевич тяжело заболел и 4 сентября скончался во Владивостоке...

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ: «ЯПОНСКИЕ ПРИСЛУЖНИКИ» И «КРАСНЫЕ ХУНХУЗЫ»

3 марта 1917 г. жители Владивостока узнали, что отныне они являются гражданами республики. Известие было встречено с большим энтузиазмом: даже уссурийское казачество через десять дней после отречения императора сместило войскового атамана и избрало собственный исполнительный комитет. Разные политические силы Приморья объединяло желание обогнать «локомотив истории» и как можно скорее сделать окраину бывшей империи оплотом «истинного» народовластия. Хотя формальная власть в Приморской области принадлежала комиссару Временного правительства А. Н. Русанову, очень скоро выяснилось, что у чиновника имеются влиятельные конкуренты в лице Советов рабочих и солдатских депутатов. Во Владивостоке этот орган появился уже 4 марта 1917 г.

Поначалу казалось, что для перехода к новой жизни насилие не понадобится. Прозаическими вопросами повседневности продолжали заниматься старые кадры, функционировали торговля, транспорт и другие винтики общественного механизма. Местные политические лидеры, несмотря на расхождения во взглядах, до поры до времени успешно находили общий язык по всем ключевым вопросам дальнейшего совместного существования. Не были исключением и приверженцы леворадикальных идей, представленные в Приморье эсерами и социал-демократами меньшевистского и большевистского толка. На областном съезде Советов в мае 1917-го им удалось согласовать общую программу действий. У радетелей народного блага в общем-то не было причин жаловаться на «недостаточную революционность» Дальнего Востока. Все приметы ненавистного «старого режима» успешно ликвидировались, сократился рабочий день, на предприятиях появился рабочий контроль, а почти 50-тысячная группировка сухопутных войск и Сибирской флотилии сохраняла лояльность революции.

Первые знамения будущего братоубийственного противостояния появились в Приморье летом 1917 г., после памятных событий 3 июля в Петрограде. Дальневосточные большевики под предводительством только что вернувшегося из США эмигранта А.Я. Нейбута настаивали на необходимости социалистического переворота. К концу августа страх перед слухами о надвигающейся корниловщине толкнул умеренное крыло левого лагеря в объятия ленинцев, и 29 августа 1917 г. объединенный исполком при Владивостокском Совете объявил о принятии на себя всей полноты власти в Приморье. Возглавляемый прочно ухватившимися за власть большевиками, Владсовет сумел поставить под свой контроль Никольск-Уссурийский, *censored*н, Раздольное и другие важные пункты области. Формирование отрядов Красной гвардии сделало Советы обладателями реальной военной силы, а самое главное – большевикам удалось завоевать поддержку социальных низов щедрыми обещаниями решения наболевшего земельного вопроса и облегчения ухудшающихся условий жизни. Чувствуя силу, большевики успешно сопротивлялись попыткам Временного правительства добиться роспуска

объединенных исполкомов Советов. Пытаясь вернуть ситуацию под свой контроль, Петроград ускорил создание на Дальнем Востоке городского и земского (в деревне) самоуправления. Осенью 1917 г. эти органы были готовы вмешаться в борьбу за власть, но тут грянул Октябрьский переворот... В декабре столица Приамурья Хабаровск стал ареной решительной схватки между краевым Бюро земств и городов, с одной стороны, и III краевым съездом Советов – с другой. Большевики во главе с председателем президиума съезда А.М. Краснощековым могли бы считать себя победителями, если бы не проигрыш на «деревенском фронте», где крестьянские Советы делали первые робкие шаги. Скрепя сердце ленинцам пришлось пойти на сотрудничество с «земщиной»...

Происходящее сильно настораживало казачество, под влиянием происходящего возжелавшего автономии. Выразителем этих чаяний был избранный в январе 1918 г. новый атаман уссурийцев И.П. Калмыков. Калмыковцы начали сосредотачивать силы в полосе отчуждения КВЖД близ китайской границы, в чем атаману помогали японцы. Надо отдать должное большевикам – происходящее не поставило их в тупик. Опираясь на сторонников советской власти в рядах казаков, ленинцы уже в марте смогли заменить Калмыкова временным советом Уссурийского казачьего войска.

Тем временем развитие событий на территории все еще воюющего члена Антанты беспокоило державы оси. Если во внутренних районах страны возможности союзников непосредственно влиять на ситуацию были ограничены, то окраины, и прежде всего Дальний Восток, открывали для этого более широкие возможности. Самыми неумемными аппетитами выделялась Япония, лишенная собственных природных ресурсов и стремившаяся наложить руку на естественные богатства Приамурского края. Важное место в японских планах по отторжению российских тихоокеанских окраин отводилось Китаю. Пекинское правительство Дуань Цижуя и хозяин Мукдена генерал Чжан Цзолин регулярно пользовались японскими займами (только от официального Токио и только за 1918 г. финансовые вливания поступали 29 раз). Внушительные средства правительственных и частных японских инвесторов вкладывались в экономику Маньчжурии, прежде всего в развитие ее дорожной сети и энергетики: Северо-Восточный Китай, по мысли токийских стратегов, должен был стать продовольственной базой и плацдармом японской армии, действующей в Приамурье и Восточной Сибири. Наконец, японцы рассчитывали непосредственно использовать на территории России части китайской армии.

В январе 1918 г. в гавани Владивостока отдал якоря отряд японских военных кораблей. Интересно, что, рассчитывая на психологическое воздействие, японцы направили к берегам России бывшие русские военные корабли – броненосцы «Орел» («Ивами») и «Ретвизан» («Хидзен»), доставшиеся Стране восходящего солнца во время войны 1904–1905 гг. 6 апреля, воспользовавшись убийством двух японских граждан (которое, по всей видимости, было организовано японской разведкой), с кораблей отряда высадили десант. В мае 1918 г. между Японией и пекинским правительством было достигнуто секретное соглашение о военном сотрудничестве двух стран против России. Во Владивостоке появился китайский крейсер «Хайюн», а позднее – части китайской 9-й пехотной дивизии [17 - Первая группа численностью 1600 человек под командованием полковника Сун Хуанчжана прибыла 4 августа 1918 г.]. При этом новоявленные союзники объясняли

появление на русской сцене «актеров» в китайской военной форме... необходимостью совместного отражения немецкой агрессии (Китай еще с марта 1917 г. формально находился в состоянии войны с кайзеровской Германией на стороне Антанты)! Китайские войска, чья боеспособность сильно уступала японским частям, несли в основном гарнизонную службу и занимались охраной тыловых коммуникаций. Оперативное командование войсками двух стран осуществлял японский штаб.

Искрой, положившей начало всероссийскому пожару, вошедшему в историю страны под названием Гражданской войны, стал разгон Учредительного собрания, предпринятый большевиками в январе 1918 г. Действия хозяев Петрограда дали отмашку противникам ленинского режима, быстро сформировавшим собственные правительства в Поволжье, Области войска Донского и других регионах некогда единой империи. «Триумфальное шествие советской власти» сменилось вооруженной борьбой, принимавшей все более ожесточенный характер. По иронии судьбы главная роль в начале войны в Сибири выпала силе, меньше всего хотевшей воевать, а именно 45-тысячному Чехословацкому корпусу, принимавшему участие в боевых действиях Первой мировой войны на стороне русской армии. В марте 1918 г. Брестский мир вывел Советскую Россию из стана воюющих союзников и превратил чехословаков, в массе своей не сочувствовавших большевикам, в весьма опасную для ленинского правительства ненужность. Попытки «сплавить» просившихся домой чехословаков бывшим союзникам через западные границы не увенчались успехом. Корпус было решено эвакуировать через Владивосток, при этом для самообороны чехословакам было частично оставлено оружие. Первый эшелон отправился на восток в конце марта 1918 г. и спустя месяц благополучно добрался до Владивостока. Другим частям везло значительно меньше: из-за нехватки вагонов и перебоев в работе Транссиба эшелоны корпуса растянулись по всей Сибири. В мае 1918-го осатаневшие от трудностей движения по дезорганизованной магистрали славяне взбунтовались [18 - Причины конфликта между чехословацкими легионерами и советской властью достаточно сложны, однако их полная характеристика выходит за рамки книги.]. К концу месяца советское Приморье оказалось начисто отрезано от Европейской России. К этому времени численность чехословаков, ожидавших отправки на родину во Владивостоке, достигла 15 тысяч человек. Предоставить суда для перевозки солдат никто не спешил: страны Антанты готовили славянам иную роль. В столице Приморья при поддержке союзников готовился антибольшевистский переворот, основной ударной силой которого и должны были стать чехословаки. 29 июня 1918 г. власть исполкома В лад совета была свергнута, а его руководство – арестовано. Вытесненные из города отряды Красной гвардии после боев в районе Вольно-Надеждинского и Никольска-Уссурийского отступили к станции Уссури. Попытка контрнаступления красных была отбита японцами, и к власти в Приморье пришло Временное правительство автономной Сибири.

3 августа 1918 г. во Владивостоке высадился батальон британских войск численностью более 800 штыков. Шесть дней спустя появились французы, выставившие 107 человек, большинство из которых составляли вьетнамцы. Наконец, 16 августа во Владивостоке высадились два полка американской армии, переброшенные с Филиппин (более 3 тысяч штыков). 3 сентября численность американской группировки была доведена до 5 тысяч солдат и офицеров, включая медицинский персонал и подразделения связи. Последними прибыли во Владивосток солдаты Италии – страны, еще недавно противостоявшей

Антанте в составе Тройственного союза, но вовремя сориентировавшейся в ситуации... Предлогом для интервенции была, разумеется, «бескорыстная» помощь в эвакуации из России чехословаков. Тон продолжала задавать Япония, стремительно наращивавшая свое военное присутствие: к октябрю 1918 г. численность японских войск на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии достигла 73 тысяч человек, в разы превысив цифру, согласованную с партнерами по разделу российского пирога.

В сентябре 1918 г. большевистский Дальсовнарком принял решение распустить оставившие Хабаровск части Красной гвардии и перейти на нелегальное положение. Установившаяся на Дальнем Востоке новая власть, казалось, могла торжествовать победу, однако на деле все было не так радужно. Режим «автономистов» уже в конце года уступил власть эмиссару Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака генералу Д.Л. Хорвату, которого в июле 1919 г. сменил генерал С.Н. Розанов. Несмотря на энергичные усилия и помощь «заграницы» режиму Верховного правителя не удавалось наладить нормальную жизнь. В стане противников советской власти отсутствовало элементарное единодушие. Даже в пределах относительно небольшого по территории Приморья власть колчаковских «наместников» ограничивалась крупными населенными пунктами и полосой отчуждения Транссиба. В таежных районах уже в конце 1918 г. развернулось партизанское движение, тяготевшее к большевизму, а на соединительной ветке КВЖД и в районе станции Гродеково хозяйничали сторонники несостоявшегося атамана уссурийцев Калмыкова. Разруха, обесценивание денег и растущая дороговизна вызывали глухой ропот, повсеместно выливавшийся в стихийные митинги и стачки. На проявления недовольства колчаковские власти отвечали привычным террором. Установлению атмосферы страха способствовали отсутствие правопорядка и расцвет преступности. Разумеется, в процветающем криминальном мире Приморья не обходилось без хунхузов.

Особенно широкое проникновение «краснобородых» на территорию края началось в 1920 г. Падение Колчака, чехарда смены не обладающих никаким авторитетом властей и уход из Приморья военных контингентов большинства участников интервенции, озадаченных внушительными успехами Красной армии, обеспечивали бандитам полную безнаказанность. Остававшиеся на Дальнем Востоке японские и китайские воинские части предоставили хунхузам карт-бланш, используя бесчинства «краснобородых» как повод для сохранения собственного военного присутствия. Стремясь наиболее эффективно реализовать «потенциал» хунхузничества, японская разведка в Маньчжурии занималась организацией и вооружением банд, полностью находившихся под японским контролем и предназначенных для действий на русской территории. По сообщениям китайской католической газеты «Ишибао», с июня 1920 г. по март 1921 г. было сформировано 27 банд. Хунхузов снабдили 2 тысячами винтовок, 300 револьверами и 8 пулеметами. Лидер хунхузов Чиншан, произведенный японцами в майоры (неясно, впрочем, какой армии), согласился действовать под руководством японского командования против большевиков. Уже 19 июня 1920 г. одна из шак навела в приморские деревни Дворянка и Жариково, где хунхузы учинили погром, уничтожив все, что не смогли унести с собой. Особенно широкий размах практика организации банд приняла в конце 1921 г., когда командующий японскими экспедиционными войсками на Дальнем Востоке генерал Тачибана отдал приказ эмиссару разведки Гамади Масаицы развернуть в Спаске набор вооруженных отрядов из китайских бродяг. «Мобилизация» хунхузов бросилась в глаза

даже не слишком разборчивым в средствах американцам: факты «военного и экономического насилия» японских наемников в отношении мирного русского населения особо отмечены наблюдателем при штабе американских экспедиционных сил в Приморье Ашурстом в докладе сенату США от 2 марта 1922 г.

В скором времени весь край оказался наводнен шайками заботливо опекаемых японцами бандитов. Больше всего страдали от нападений хунхузов Полтавский и Вознесенский округа, не меньше доставалось Ольгинскому уезду, особенно бедовали местности, прилегающие к реке *censored*н – традиционной вотчине «краснобородых». Внимания разбойников не избегали даже селения, расположенные вблизи охраняемой железной дороги. 19–21 июня 1921 г. несколько хунхузских шаек были замечены в долине *censored*на, а 23 июня 700 разбойников появились в Шкотовской волости. 25 июня деревня Дорофеевка была разграблена сотней хунхузов. Примерно в то же время еще более крупная шайка посетила Черниговку и хутор Бычковского. В первых числах июля 1921 г. с территории Китая в Приморье перешло свыше 2 тысяч хунхузов. 17 июля «краснобородые» напали на поселок Барановский, 19-го – на хутор Янченко. Известный винокурный завод фирмы «М.П. Пьянков с братьями» близ Никольска-Уссурийского стал «базой», где окопались более пяти сотен разбойников.

Сообщения о набегах бандитов, чьи шайки насчитывали до тысячи человек, поступали со всех концов Приморья. Крестьяне подвергались грабегам и издевательствам, лишаясь денег и, что было особенно важно в то время, продуктов. Малейшая задержка исполнения требований хунхузов каралась смертью. Приморское областное управление во Владивостоке сформировало дивизион народной охраны и энергично требовало от японского командования организации совместных рейдов против бандитов. Штаб генерала Тачибаны, на словах обещая принять «решительные меры», на деле отнюдь не спешил обращать японские штыки против своих тайных союзников.

Хунхузы между тем продолжали собирать на уссурийской земле свою кровавую жатву. В августе 1921 г. «краснобородые» нанесли визит в Шмаковский Свято-Троицкий Николаевский монастырь – крупнейший центр православия в Приморье. Основанная в 1895 г., обитель отличалась богатством и благоустроенностью. Монастырю принадлежали около десятка мастерских, пасека, два скотных двора, оленья ферма, три гостиницы, больница с аптекой, фотографическое ателье и книжный магазин со складом церковной утвари. В 1917 г. в обители подвизалось более 300 монахов, в связи с чем в Святейшем синоде даже рассматривался вопрос о придании монастырю статуса лавры. Расположенный в горной таежной местности близ станции Усури, монастырь долгие годы содержал хорошо вооруженную стражу, которая успешно охраняла его владения от посягательств лиходеев. После революции ситуация изменилась: стража разбежалась, а большинство шмаковских иноков уехали в Харбин. Тем не менее остатков монастырского богатства хватило для того, чтобы привлечь бандитов. Шайка численностью до 700 человек при 16 пулеметах (!) явилась в монастырь и расположилась на отдых. Перепуганные монахи в течение трех дней исполняли все требования «краснобородых», а перед уходом шайки были вынуждены выплатить хунхузам солидную «контрибуцию» натуральными продуктами – хлебом, медом, свечами и прочим.

Прояпонские шайки хунхузов действовали не только в оккупированном интервентами Приморье, но и на территории Дальневосточной республики – контролируемого большевиками «буферного» государства, провозглашенного 6 апреля 1920 г. на учредительном съезде трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске (ныне город Улан-Удэ). Высшие органы власти нового гособразования возглавлялись коммунистами: Временное правительство – А.М. Краснощековым, а Совет министров – П.М. Никифоровым. Быстро признанная Москвой республика располагала собственными вооруженными силами, носившими название Народно-революционной армии. В состав территории ДВР формально входили Забайкальская, Амурская, Приморская и Камчатская области, а также северная часть острова Сахалин. На деле Приморье и Северный Сахалин были оккупированы японцами, а связь с Камчаткой полностью отсутствовала. Забайкальская область была разделена так называемой «читинской пробкой» – районами, в которых хозяйничали японцы, забайкальские казаки атамана Г.М. Семенова и остатки колчаковских войск под командованием генерала В.О. Каппеля. Что касается Амурской области, то ее исполнительный комитет согласился признать власть правительства ДВР только в августе 1920 г.

Весной и летом 1920 г. частям НРА удалось добиться значительных успехов на Забайкальском фронте. Хотя цель овладения Читой ею так и не была достигнута, японское командование решило прекратить военные действия. После трехнедельных переговоров на станции Гонгота 17 июля 1920 г. японцы подписали с представителями ДВР соответствующее соглашение и спустя восемь дней начали отвод войск в Маньчжурию, бросив своих белогвардейских союзников на произвол судьбы. К концу октября 1920 г. территория Прибайкалья полностью контролировалась частями НРА ДВР. Новой столицей республики стала освобожденная Чита, где в январе 1921 г. на основании выборов в Учредительное собрание было создано постоянное правительство, по-прежнему возглавлявшееся коммунистами.

Потерпев поражение в открытом противостоянии, силы Белого движения и поддерживающие их японцы отнюдь не спешили отказываться от борьбы с противником. На смену «правильным» боевым действиям пришли грязные методы. Ставка была сделана все на тех же хунхузов, удары которых направлялись прежде всего против объектов, имевших первостепенное значение для существования ДВР, а именно – против золотых приисков Прибайкалья и Амурской области. Формирование пограничных войск ДВР, начавшееся в ноябре 1920 г., проходило трудно, чем активно пользовались «краснобородые». Разбойничьи набеги принимали порой такие масштабы, что грозили полным прекращением золотодобычи в целых районах. Несмотря на потребность в «презренном металле», правительство ДВР, занятое положением на фронте и последующим формированием постоянных органов власти, поначалу довольно вяло реагировало на вылазки бандитов. 21 марта 1921 г. Управление горными разработками ДВР обратилось в военное министерство республики с воззванием. «Свыше года уже горное ведомство, – говорилось в письме, – безрезультатно настаивает перед военными властями о защите золотого промысла от нападений и разграблений... хунхузами. В первых числах февраля разграблены прииски Улунгинского района, сегодня получены телеграммы о разграблении районов Ивановского и Ленского. Везде много жертв, взято золото и продукты, население терроризировано, в панике покидает прииски». В

заключительных строках послания руководство горного ведомства предрекало правительству гибель золотодобывающей отрасли в момент, когда «золото... нужно государству и, в частности, армии... более чем когда-либо» [19 - Цит. по кн.: Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. Роль ДВР в борьбе советской власти за дружбу с Китаем в 1920–1922 гг.]. Увы, несмотря на отчаянный характер послания, набеги хунхузов на прииски продолжались. В конце июня 1921 г. в Зейском округе Владимирского района Амурской области разбойниками были разграблены прииски Иннокентьевский, Могочи и Шихановский, при этом рабочие и служащие подверглись избиениям и издевательствам.

Другим объектом хунхузских набегов было мирное население приграничных районов ДВР. Особенно часто подвергались нападениям селения, лежащие на северном берегу Амура. Пик хунхузских вылазок приходился на зимние месяцы, когда воды великой реки сковывал лед. Под покровом ночи шайки переходили на русский берег и, нанеся быстрый удар, стремительно уходили на китайскую территорию. В первые годы существования ДВР части НРА, подобно казакам былых времен, часто преследовали налетчиков на китайской территории. К примеру, в начале июля 1921 г. в окрестностях станции Маньчжурия солдатами НРА были схвачены и переданы китайским властям члены шайки, ограбившей группу русских крестьян. Однако уже в скором времени подобную практику стали запрещать, а 23 сентября 1922 г. Дальбюро приняло особое постановление, предписывающее войскам избегать перехода китайской границы. Причину такой заботы о суверенитете соседней державы понять нетрудно: властям республики не хотелось давать китайским властям Маньчжурии повод к конфликту, который в условиях продолжающейся Гражданской войны был бы абсолютно лишней проблемой...

Масштаб «хунхузской напасти», выпавшей на долю приамурского крестьянства, можно оценить на примере села Благословенного Амурской области. 28 декабря 1920 г. село подверглось набегу «краснобородых» численностью более 200 человек. Бандиты хозяйничали в Благословенном четыре дня. Они расстреляли 5 жителей села (в том числе одну женщину), сожгли 23 дома, увели 217 лучших лошадей, зарезали 17 коров и отняли у крестьян все наиболее ценные вещи. Хунхузы были хорошо вооружены, однако появление отряда НРА заставило бандитов отступить на территорию Китая. В следующем году село Благословенное подверглось повторному нападению «краснобородых». После этого крестьяне были вынуждены превратить село в настоящую крепость. Благословенное было обнесено земляным валом и колючей проволокой, на самых опасных направлениях были оборудованы стрелковые позиции. Несмотря на это, нападения продолжались. 24 июня 1922 г. представитель Благословенской волости Андрей Цха выступил на заседании Амурского областного управления с подробным рассказом о бедствиях земляков. «На село Благословенное, – говорил он, – ежегодно нападают крупные шайки хунхузов, оперирующие круглый год на китайском берегу Амура... В последние два года имело место три крупных набега, хунхузами перебито много молодых людей, защищавших свое село, уведено несколько сот лошадей и рогатого скота, сожжено много домов, в том числе школа и почтово-телеграфное отделение; в процессе многочисленных эвакуации села погибло от холода и голода несколько десятков детей и женщин; волость разорена почти до состояния нищеты; запашки сократились до ужасающего минимума». Подытоживая свое печальное выступление, делегат заявил, что если «не будут приняты меры до 1

августа, то ожидающее новых нападений население до начала зимы разбежится по соседним волостям» [20 - Цитируется по указанной книге М.А. Персица.].

Единственной защитой мирного населения были части НРА, которые приходили на выручку крестьянам, но не могли предупредить проникновение вооруженных шаек на территорию республики. Организация пограничной охраны продолжала буксовать, а что касается органов правопорядка, то их состояние на местах было столь удручающим, что никакой защиты с их стороны ждать не приходилось. В газете «Амурская правда» от 30 июля 1921 г. была опубликована заметка селькора, яркими красками рисующая жизнь милиционеров одного из участков области. Текст ее заслуживает быть приведенным полностью: «В Ивановке. Участковая милиция окончательно выбилась из колеи. Нет дня, чтобы милиционеры что-нибудь не напроказили. По обыкновению, ежедневно пьяные ходят в обнимку со спиртоносами-контрабандистами, раскатываются по улицам села, наигрывая в гармошку и распевая похабные песни, производят стрельбу по улицам, безразлично днем или ночью, ничем не вызванную. В общем, творится что-то ужасное, население ждет от кого-то помощи, начальник участковой милиции неоднократно обращался в областную милицию за помощью и просил увольнения его, ибо не в силах бороться со своим штатом (курсив мой. – Д.Е.), но на это ничего положительного нет. Оставлять в таком положении милиционное дело невозможно, необходимы срочные меры к упорядочению этого дела. В крайнем случае выслать в распоряжение начальника участка милиции народоармейцев, до подыскания соответствующего штата милиционеров, или же совершенно упразднить милицию». Комментарии излишни...

Шайки хунхузов, проникавшие на территорию ДВР, с начала 1920-х гг. начали «разбавляться» русскими из числа уголовников, опустившихся личностей и худших представителей белогвардейского лагеря. Гражданская война заставила тысячи подданных бывшей Российской империи искать убежища за границей. Для жителей Дальнего Востока наиболее доступной за границей была Маньчжурия, тем более что жизнь в полосе отчуждения КВЖД и ее столице Харбине мало отличалась от привычной домашней обстановки. В Маньчжурию уходили колчаковцы, а после ликвидации «читинской пробки» на территорию Маньчжурии отступили последние остатки забайкальской группировки Белой армии. Около половины русских военных на территории Маньчжурии составляли офицеры, не питавшие иллюзий относительно своей дальнейшей судьбы «под большевиками». Многие из них продолжали считать себя солдатами, сохраняли традиции русской армии и понятие об офицерской чести. Однако находились и те, кто, озлобившись, считали «свою» Россию безвозвратно погибшей и готовы были повернуть оружие против народа страны, которую еще недавно называли родиной... Бывшие русские военные были самыми боеспособными членами шаек, играли роль «инструкторов» и способствовали поддержанию дисциплины. В большевистской печати Дальнего Востока 1920-х гг. подобные элементы получили название «белохунхузов».

Использование «краснобородых» в своих целях отнюдь не было фирменным ноу-хау японцев. Их менее удачливые партнеры по интервенции, выдвинутые из России, также стремились приобрести «ручных» хунхузов. В декабре 1921 г. в Харбине были выявлены организации, сбывавшие «краснобородым» первоклассное оружие. Как выяснилось при этом, операции с закупкой и продажей вооружений происходили при непосредственном

участии... французского и английского консульств. Разные фракции Белого движения также не брезговали помощью китайских бандитов в борьбе друг с другом. В середине июля 1921 г. в Никольске-Уссурийском произошел бой между хунхузами и каппелевцами, которым в те лихие дни принадлежал контроль над этим приморским городом. Во главе разбойников стоял некий Ко-сан (или Киу-сан), незадолго перед этим замеченный в переговорах с атаманом Семеновым в Харбине. Отвлекая внимание, часть хунхузов затеяла перестрелку на китайском базаре. В это время основные силы шайки атаковали каппелевскую комендатуру. Комендант города, подполковник Иоров, был ранен, однако не растерялся и сумел организовать отпор. На помощь каппелевцам пришли японские жандармы. В скоротечном бою Ко-сан и несколько членов его шайки были убиты, а остальные хунхузы обратились в бегство. При убитом помощнике Ко-сана были найдены документы, изобличившие сговор между семеновцами и главарями «краснобородых».

На дальневосточных фронтах Гражданской войны можно было также найти «красных хунхузов», составлявших самобытную часть партизанского движения. Следует сразу указать на их главное отличие от «японских прислужников». Если интервенты привлекали бандитов возможностью грабить, получая от хозяев оружие и жалованье, то в революционный лагерь хунхузы приходили под влиянием коммунистической пропаганды.

О «красных хунхузах» времен «борьбы за советскую власть на Дальнем Востоке» известно мало. Попытки поставить хунхузскую вольницу на службу делу революции предпринимались членами китайских антимоноархических организаций еще в начале XX в. Компартия Китая, возникшая в 1921 г., сразу же включила «краснобородых» в сферу действия своей пропаганды. Китайский делегат на III конгрессе Коминтерна Чжан Тайлэй в выступлении назвал хунхузов «боевым революционным материалом», который, несмотря на «сырость», поможет «развивать по стране широкое партизанское движение». В Маньчжурии в контакт с «краснобородыми» входили не только китайские коммунисты, но и эмиссары ленинской партии, стремившиеся пробудить в хунхузах «классовое сознание» и призывавшие разбойников поддержать «братьев», сражающихся за «рабочее дело» на российской земле. При этом «краснобородых» убеждали, что большевики видят в них не бандитов, а «повстанцев». Впрочем, последнее утверждение было скорее пропагандистским приемом, чем отражением действительности. В реальности русские «красные» партизаны, действовавшие в Приморье, неохотно принимали в отряды китайцев именно потому, что большинство «манз», бродивших в дебрях уссурийской тайги, были хунхузами, а понятия «хунхуз» и «большевик» имели противоположное значение в общественном мнении... Впрочем, иногда партизаны все же пользовались помощью китайцев, как это было, к примеру, во время тяжелых боев с японцами в районе села Анучино. Летом 1921 г. на стороне партизанских сил в Южном Приморье выступали две шайки хунхузов общей численностью в тысячу человек. Об этом в телеграмме на имя главкома НРА В.К. Блю*~~сensored~~*а сообщал временный командующий 2-й Амурской армией А.А. Школин. Одна из банд 12 июля совершила нападение на станцию Мучная и нанесла серьезный урон каппелевцам и японцам, со стороны которых было убито 13 человек. Одновременно с этим партизаны и хунхузы совершили совместный рейд в село Спасское, где у конно-егерского полка интервентов было захвачено 48 лошадей. Впрочем, в сферу влияния партизанского командования хунхузы все же не допускались...

Переход части хунхузов на сторону красных объяснялся не только успехами большевистской пропаганды, но и наметившимися антияпонскими настроениями многих «краснобородых». В марте 1921 г. отряд хунхузов численностью 700 человек вступил в переговоры с командованием НРА ДВР. Контакт предшествовала работа армейской разведки, со слов местных жителей знавшей о планах хунхузов перейти на русскую территорию для соединения с красными. В беседе с представителями командования НРА «начальник хунхузотряда» заявил, что он и его люди будут сражаться на стороне красных против японцев.

Приход хунхузов и вообще китайцев в ряды «красных» партизан сильно беспокоил власти Поднебесной. На протяжении всех трех лет существования ДВР китайские консульства в Хабаровске, Благовещенске и некоторых других городах бомбардировали местные власти бесчисленными заявлениями и протестами. Главным было требование немедленного роспуска китайских коммунистических ячеек, ликвидации китайских секций при областных комитетах коммунистической партии и прекращения большевистской агитации среди китайцев. При этом дипломаты утверждали, что интерес китайских коммунистов к хунхузам объясняется их желанием сколотить новые шайки для грабежа русского и китайского населения. Одновременно полпреды пекинского правительства в ДВР добивались ликвидации отделений союза китайских рабочих (СКР). Эта организация, возникшая в апреле 1917 г. и первые полтора года именовавшаяся Союзом китайских граждан, объединяла китайцев, прибывших на заработки в Российскую империю и застигнутых революционной бурей на чужой земле. Начав с аполитичной благотворительности, СКР быстро попал под сильное влияние большевиков и превратился в политическую организацию. По мнению китайских дипломатов, все отделения союза были прибежищем «хунхузов и порочных китайцев». Наконец, консульства не уставали требовать роспуска китайских партизанских отрядов, которые в нотах также именовались «бандами хунхузов».

Беспроницаемым пропагандистским приемом большевиков в отношении китайцев было противопоставление «братского» отношения коммунистов тому презрению, которое питали к китайцам власти «старой» России. Интересно, что по другую сторону баррикад в целях контр пропаганды использовались приемы из того же арсенала. Дальневосточный обыватель привык презирать мирного китайца (таких называли «ходя») и бояться китайца-разбойника (хунхуза). Справедливо полагая, что инертная мещанская среда крупных городов Дальнего Востока не спешит расстаться с укоренившимися взглядами, белогвардейцы распространяли среди населения городов, лежавших на пути наступления красных, рассказы о грядущих зверствах китайцев, идущих в первых рядах «большевистских орд». Так, в апреле 1920 г. Николаевск-на-Амуре был взбудоражен слухами о том, что красное командование посулило своим бойцам-китайцам устроить после взятия города... раздачу русских девушек и вдов.

Нередки были и прямые провокации, призванные дискредитировать «красных хунхузов». К примеру, в начале мая 1920 г. шайка конных китайцев с демонстративно развернутым красным знаменем, изображая партизан, ворвалась в приморское село Владимиро-Александровское и стала производить поборы с крестьян и китайских торговцев.

С окончанием интервенции и установлением в Приморье власти большевиков надобность в «красных китайских партизанах» отпала. По-иному обстояло дело с «японскими прислужниками», получившими новые задания, и «безыдейными» хунхузами, продолжавшими разбойничать в Маньчжурии и на Дальнем Востоке России.

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ХУНХУЗОВ

Двадцатые годы XX столетия в истории Маньчжурии можно без преувеличения назвать «золотым веком» хунхузничества. Революционные потрясения, в 1911 г. охватившие Поднебесную, а спустя считанные годы – и Россию, привели к тому, что на обширных территориях Северо-Восточного Китая и российского Дальнего Востока надолго воцарился хаос. Стремительное падение двух одряхлевших империй похоронило под обломками государственности освященный веками уклад жизни и связанные с ним ценности. Всеобщее разорение увеличило армию обездоленных, а упадок правопорядка ласкал душу паупера соблазном легкой поживы на «большой дороге». Бандитизм расцвел пышным ядовитым цветом. Тот из маньчжурских бедняков, кто хотя бы в малейшей степени обладал смелостью и предприимчивостью, пополнял ряды «краснобородых». Новые времена открыли перед вчерашними отверженными новые возможности. Навстречу покинувшему потайные убежища хунхузам устремились многочисленные «спонсоры», предлагавшие деньги, оружие и снаряжение в обмен на «грязную работу» в интересах тех или иных политических сил. А те, кому не по душе было именоваться бандитами, получили возможность абсолютно легально поступать на военную службу, что в Китае 1920-х гг. означало приход в ряды войск одной из милитаристских группировок, вернувших Поднебесную во времена «сражающихся царств» древности [21 - Эпоха Сражающихся Царств (Чжаньго) – период древней истории Китая (403–221 гг. до н. э.).].

Попытки привлечения хунхузов на военную службу предпринимались в Маньчжурии еще в последние годы правления династии Цин. В начале 1907 г. правительственный уполномоченный Су Шичан, совершивший инспекционную поездку по землям Северо-Восточного Китая, представил цинскому двору проект приема на военную службу конных хунхузов, которые, по его мнению, могли составить прекрасные кавалерийские части. Цзунду (военный губернатор) трех восточных провинций Чжао Эрсюнь также ходатайствовал перед пекинским двором о принятии на службу отрядов наиболее известных атаманов, рассчитывая укрепить с их помощью свое влияние в Маньчжурии.

Среди первых хунхузов, оказавшихся в строю, был главарь шайки из уезда Хайчэн провинции Фэнтянь Чжан Цзолин (или Чжан Юйтин), которому в 1920-х гг. предстояло стать единоличным правителем Маньчжурии и отцом-покровителем всех «братьев». Родившийся в 1876 г. (по другим данным – в 1875 г.) в семье бедных выходцев из провинции Чжили, Чжан Цзолин уже в возрасте 8 лет остался сиротой и вынужден был зарабатывать на жизнь. Работа «на посылках» в частной школе позволила мальчику получить некое подобие начального образования. Достигнув возраста 15 лет, будущий генералиссимус брался за любую работу, в конце концов овладев навыками разных профессий, среди которых было даже ремесло коновала. Нищета тяготила Чжана, пристрастившегося к азартным играм, однако первые перемены в его богатой

приключениями жизни произошли только в годы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Уезд Хайчэн наводнили цинские войска, среди которых было немало кавалерийских частей. Припомнив ветеринарные познания, Чжан открыл в деревне Гаокань импровизированную лечебницу и принялся пользоваться армейских лошадей. Предприимчивый молодой человек быстро оброс связями в офицерской среде и добился зачисления на службу. Вылечив по случаю лошадь одного из маньчжурских генералов, Чжан Цзолинь получил награду и повышение. Чин вывел его из низов общества и позволил приобрести кое-какой достаток.

С окончанием боевых действий и уходом войск Чжан с легким сердцем дезертировал из армии и вскоре женился на дочери местного помещика. Ветеринарная лечебница в деревне Гаокань процветала, однако вовсе не она была главным источником доходов семьи Чжана. Под вывеской коновала скрывался атаман хунхузской шайки, действовавшей в ляодунских лесах и на окрестных торговых дорогах. По одной из легенд, Чжан практически случайно стал главарем уже сформировавшейся банды. Во время охоты в лесу он наткнулся на лошадь, с седла которой свисало тело убитого бандита, оказавшегося чжангуем местных «краснобородых». Чжан присвоил коня и оружие убитого, прискакал в лагерь шайки и объявил себя новым атаманом. Как бы то ни было, уже во время Боксерского восстания 1900 г. имя Чжан Цзолиня пользовалось известностью. Его хунхузы за солидное вознаграждение охраняли местных помещиков и крупных купцов от мятежников. Во время Русско-японской войны Чжан Цзолинь предлагал услуги своих «разведчиков» обоим противникам, однако общий язык нашел с японцами. Связям Чжана со Страной восходящего солнца суждена была долгая жизнь...

Поступив на военную службу, Чжан Цзолинь получил небольшой чин командира кавалерийского батальона, что, разумеется, не могло удовлетворить честолюбивого хунхуза. Решению проблемы карьерного роста помогла взятка. Командующий фэнтяньской армией генерал Чжан Силуань получил в подарок прекрасную лошадь и крупную сумму наличных, а Чжан Цзолинь принял под свое командование сперва пять, а в 1908 г. – целых семь армейских батальонов. В 1911 г. Чжан Цзолинь уже командовал двумя соединениями охранно-полицейских войск провинции.

Во время Синьхайской революции Чжан Цзолинь, казалось, полностью оправдал доверие Чжао Эрсюня, разгромив в Мукдене местные революционные организации и расправившись с их лидерами. В действительности бывший хунхузский атаман преследовал исключительно собственные цели. Он понимал, что богатая Маньчжурия, связанная с историческим Китаем единственной дорогой, зажатой между горами и Ляодунским заливом, может стать для него прекрасной вотчиной. Мечтая стать единоличным хозяином Северо-Восточного Китая, Чжан Цзолинь начал с того, что отказался подчиниться приказу командования и передислоцировать свои войска в провинцию Чжили. Старый цинский генерал Юань Шикай, ставший «пожизненным президентом» Китайской Республики, ничего не мог поделать со строптивым маньчжурским военачальником. Впрочем, Чжан Цзолинь не собирался портить отношения с президентом. В 1915 г. бывший хунхуз, занимавший к тому времени должность командира 27-й армейской дивизии и «в нагрузку» фактически командовавший соседней 28-й, поддержал попытку Юань Шикая провозгласить себя императором. В то

же время наместнику новоявленного монарха, попытавшемуся было занять резиденцию в Мукдене, без церемоний указали на дверь... Попытка реставрации империи буквально взорвала и без того взбудораженное китайское общество и положила начало расколу страны на области, контролируемые различными военными «кликами». Вскоре после провала монархической авантюры, в 1916 г., Юань Шикай умер и в Пекине утвердился режим, формально возглавлявшийся лидером «аньхуйских милитаристов» [22 - Группировка местных военных лидеров, названная по сфере влияния – провинции Аньхуй (Аньхой).] Дуань Цижую. Нуждавшееся в союзниках пекинское правительство в 1917 г. назначило Чжан Цзолиня генерал-губернатором провинции Фэнтянь. Первый шаг бывшего хунхуза на пути к вершинам власти был сделан.

Став губернатором, Чжан Цзолинь вовсе не собирался выполнять указания Пекина. Перед ним стояла заманчивая цель: как можно скорее распространить свою власть на всю Маньчжурию. В этом губернатору помогли весьма кстати появившиеся японцы, не упускавшие из виду своего широко шагающего бывшего наемника. В самом начале политической карьеры Чжана японские банки поспешили предоставить хозяину Фэнтяни финансовые вливания. Не отказываясь от денег, генерал-хунхуз попробовал было проигнорировать встречные требования банкиров, однако японцы тут же дали понять, что шутить не намерены. На Чжан Цзолиня было совершено покушение. Уцелев, губернатор поддался японскому натиску, а на деле – начал с японцами смертельно опасную игру, с переменным успехом продолжавшуюся до самой гибели Чжан Цзолиня в 1928 г. При поддержке японцев Чжан быстро стал совладельцем множества японо-китайских предприятий Северо-Восточного Китая. Рост состояния губернатора, окруженного японскими «советниками», сопровождался бурной военно-политической активностью. Весной 1918 г. Чжан Цзолинь продемонстрировал свою поддержку Дуань Цижую, послав фэнтяньские войска сражаться за пекинское правительство в провинции Хунань. Награда последовала в сентябре того же года, когда Чжан был назначен генерал-инспектором трех восточных провинций. Мечта бывшего хунхуза сбылась – он стал фактически полновластным правителем Маньчжурии. Впрочем, аппетиты Чжана уже успели перерасти достигнутый уровень: он рассчитывал на пост вице-президента Китайской Республики и оказался разочарован, затаив желание отомстить Дуань Цижую...

Еще одним неприятным для Чжан Цзолиня сюрпризом стало соглашение между пекинским правительством и Японией о совместных действиях против РСФСР, подписанное 16 мая 1918 г. Договоренность предусматривала ввод в Северную Маньчжурию 60-тысячной группировки японских войск, которые должны были занять позиции вдоль русско-китайской границы. Секретное приложение к соглашению предоставляло японцам право на свободное плавание по судоходным рекам Маньчжурии и отдавало в руки интервентов соответствующее количество плавсредств. Кроме того, правительство Дуань Цижую обязалось предоставить японцам для военных перевозок КВЖД (при этом за охрану эшелонов отвечали китайские власти), разрешило снабжение войск из местных ресурсов и взяло на себя ряд других обязательств.

Чжан Цзолинь понял, что к экономическому «поводку» японцев скоро добавится их прямое военное давление. Нужно было срочно увеличивать собственную армию, тем более что соответствующие права давал пост генерал-инспектора. Тут-то и пригодилось

Чжан Цзолиню его богатое хунхузское прошлое. Численность расплодившихся бандитских шаек в Маньчжурии могла поразить самое богатое воображение. Только на 200-километровом участке границы с Уссурийским краем от Хуньчуня до станции Пограничная в 1920–1922 гг. постоянно находилось более 11 тысяч (!) «краснобородых», действовавших как на русской, так и на китайской территории. Бывшие коллеги по разбою представляли собой прекрасный боеспособный мобилизационный резерв. Правда, несколько хуже обстояло дело с офицерскими кадрами и инструкторами, способными сделать из бандитов полноценных солдат. Однако и здесь Чжан нашел выход из положения, обратив внимание на белогвардейцев, наводнивших Маньчжурию после завершения Гражданской войны в России.

Военное строительство, предпринятое Чжан Цзолинем в начале 1920-х гг., объяснялось не только его стремлением «нарастить мускулы» на случай враждебных действий японцев, но и планами по расширению сферы контроля. Весной 1919 г. он выступает против Дуань Цижюя. В следующем году генерал-инспектор вводит войска в Пекин и к концу 1921 г. получает контроль над правительством. Это была серьезная «заявка на победу», однако, несмотря на многочисленную армию и поддержку правительства Южного Китая во главе с Сунь Ятсеном, в 1922 г. Чжан Цзолинь потерпел поражение от другого «милитариста» – дучжюня У Пэйфу. По мнению некоторых историков, военные поражения генерал-инспектора в немалой степени объяснялись его примитивными представлениями о военном искусстве: старый хунхуз даже в войне продолжал действовать по правилам хунхузской тактики...

В конце мая 1922 г. отступивший в Маньчжурию Чжан Цзолинь провозгласил автономию северо-восточных провинций и приступил к полной милитаризации страны. Как и рассчитывал Чжан, его немеркнущая бандитская «слава» вкупе со щедрыми обещаниями привлекли в ряды маньчжурской армии тысячи хунхузов. Бандиты вербовались в войска фэйдан (шайками). Вскоре целые воинские части, такие как старая чжан-цзолиневская 27-я дивизия, могли с полным основанием именоваться хунхузскими. Надев военную форму, «братья» и не думали расставаться с бандитскими привычками. Получив современное оружие, новоиспеченные вояки при случае не отказывали себе в удовольствии использовать его для грабежей. Появились своеобразные «солдато-бандиты» (бинфэй) – молодчики, в зависимости от обстановки легко переходившие от солдатских обязанностей к разбою и наоборот.

Хунхузы Северо-Восточного Китая попадали на службу не только в местные войска, но и в армии противников Чжан Цзолиня. Осенью 1926 г., после победы под Учаном, в Национальную армию Гоминьдана был зачислен отряд хунхуза Лю Юйшуана, промышлявший до этого на советско-китайской границе в Маньчжурии.

Многие хунхузские атаманы смогли сделать на службе у Чжан Цзолиня успешную военную карьеру. Список маньчжурских «генералов-хунхузов» выглядит весьма внушительно: Бао Гуйцин, Ду Лисань, Фэн Дэлинь, Цзи Цзиньчунь, Ли Хайцин, Линь Иньцин, Сунь Лечэнь, Тан Юйлинь, У Баофэн, У Цзюньпэн, Ян Юйтин, Чжан Хайпэн, Чжан Цзинхуй, Чжан Инфан, Чжан Цзунчан, Чжан Цзосян и Цзоу Фэн. Это была своеобразная историческая пародия на «когорту маршалов» Наполеона Бонапарта.

Большинство перечисленных имен составляют знакомые Чжана по старому ремеслу. Чжан Цзосян и Чжан Цзинхуй стали «побратимами» будущего маршала еще в лесах Ляодуна. Ян Юйтин также пользовался особым доверием Чжан Цзолия и долгие годы был бессменным начальником мукденского штаба. Уцелев в роковой день гибели патрона, Ян Юйтин при поддержке японцев попытался узурпировать маньчжурский «трон» и был убит сыном Чжан Цзолия – «молодым маршалом» Чжан Сюэляном... Едва ли не каждый из «генералов-хунхузов» достоин отдельного рассказа.

Наиболее яркую карьеру, напоминающую взлет и падение самого Чжан Цзолия, сделал Чжан Цзунчан. Этот «милитарист» родился в 1881 г. в современном уезде Лайчжоу провинции Шаньдун. В 1899 г. Чжан Цзунчан приехал на северо-восток, где быстро примкнул к хунхузам. Из Маньчжурии Чжан перебрался во Владивосток, где быстро поднялся: служил частным сыщиком при корпорации китайских купцов, содержал публичные дома, опиекурильни и игорные притоны. Благодаря сотрудничеству с русской полицией Чжан Цзунчан в скором времени стал одним из тогдашних «преступных авторитетов» Владивостока. После победы Синьхайской революции Чжан Цзунчан вернулся в Китай и поступил на службу в войска провинции Шаньдун, а затем – провинции Цзянсу. В 1921 г. Чжан Цзунчан перешел на службу к своему знакомцу и названому брату Чжан Цзолию и быстро добился высокого положения, став в 1922 г. комиссаром обороны пограничного района Нингута – Суйфэнь. Не забывая о собственном кармане, Чжан Цзунчан открыл на вверенной территории 25 игорных домов и засеял тысячи гектаров земли опийным маком. Позднее Чжан Цзунчан принимал участие в гражданской войне (так называемые 1-я и 2-я чжилийские войны), после чего ушел от Чжан Цзолия и вернулся на родину в Шаньдун. Здесь он с головой ушел в политику и в апреле 1925 г. стал цзюнь дубань (военным губернатором) провинции. Успешное наступление войск Чан Кайши в 1927 г. вынудило Чжана бежать в Далянь (Дальний), а оттуда – в Японию, где он прожил пять лет. Возвратившись в Китай в начале 1932 г., Чжан Цзунчан несколько месяцев скрывался в Тяньцзине, а затем вновь появился в Шаньдуне. Это было опрометчивое решение, ибо слишком многие шаньдунцы поминали бывшего губернатора недобрым словом. 3 сентября 1932 г. член провинциального правительства Чжэн Цзичэн, мстя за убитого отца, заколол Чжан Цзунчана на вокзале города Цзинань...

Те из «братьев», которые не желали изменять традиционному «ремеслу», также весьма вольготно чувствовали себя на территории автономии. Шайки множились не только за счет местной бедноты, но и за счет волны беженцев из провинций Шаньдун и Чжили, в довершение всех бед переживших в 1920–1921 гг. сильнейшую засуху. Неписанные законы хунхузской «корпоративной этики» ушли в прошлое. Хунхузы 1920-х гг. не признавали никаких правил. Особенно страдала от разбойничьего «беспредела» Северная Маньчжурия. Здесь из-за непрекращающихся грабежей и бесчинств к середине десятилетия обезлюдели целые районы, такие как местности между реками Сунгари и Уссури, а также вдоль восточной линии КВЖД. В докладе дирекции Южно-Маньчжурской железной дороги за 1929 г. численность «краснобородых» в трех северо-восточных провинциях оценивалось не менее чем в 57 тысяч человек!

Немалое число «краснобородых» действовало в полосе отчуждения КВЖД. Здесь хунхузы выполняли «заказ» японцев, мечтавших добиться контроля над стратегически важной магистралью, с марта 1920 г. находившейся во временном китайском управлении. Перед хунхузами была поставлена задача разрушать железнодорожное полотно, громить и поджигать станционные сооружения, нападать на мирных граждан. Так же как и на оккупированных территориях России, бесчинства бандитов на КВЖД должны были продемонстрировать «неспособность» местных властей поддерживать правопорядок и доказать, что дело охраны дороги должно быть передано в японские руки. Еще летом 1920 г. китайской администрации дороги стало известно о «секретном договоре», который шестеро хунхузских главарей подписали с японским командованием. По договору атаманы обязались разными способами прерывать железнодорожное сообщение на линии.

Японцы намеревались протащить своих представителей в правление Общества КВЖД, что, разумеется, также было «необходимо» для успешной охраны дороги. 20 мая 1920 г. японское командование направило начальнику штаба своих сил в Харбине подробную инструкцию. В первых строках документа офицеру сообщалось, что в полосе отчуждения КВЖД действуют несколько шаек хунхузов. Далее начальнику штаба предписывалось время от времени направлять китайским властям запросы относительно действий разбойников и обсуждать способы охраны магистрали. Со своей стороны командование собиралось регулярно направлять в Пекин протесты, добиваясь включения японских представителей в состав железнодорожной администрации. Понимая, что никаких юридических прав на КВЖД у них нет, японцы намеревались формально передать власть в полосе отчуждения своему ставленнику Г.М. Семенову. Побитый красными забайкальский атаман должен был изображать «законную русскую администрацию», прикрывая истинных хозяев магистрали.

Несмотря на подобные ухищрения, деятельность японского командования ни для кого не была секретом. Представитель США в железнодорожном комитете союзников Смит однажды весьма откровенно высказался и о целях японцев в отношении КВЖД, и об их методах: «В Маньчжурии хунхузнические отряды японцы создали и вооружили для нападения на железную дорогу. Цель преследовалась та, что вот Уссурийскую железную дорогу охраняют японцы и нападений не бывает, а поэтому и КВЖД дайте под нашу охрану. Но мы знали, чего они добиваются...» [23 - Цит. по кн.: Григорцевич С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.)].

В апреле 1922 г. консул пекинского правительства во Владивостоке вручил своему японскому коллеге официальный протест против формирования японцами в полосе отчуждения КВЖД отрядов хунхузов, предназначенных для нападения на эту дорогу. Протест был хорошо подкреплён документальными доказательствами.

Планы японцев оказались сорваны в 1924 г. после перехода КВЖД в совместное советско-китайское управление. Соответствующие соглашения были подписаны правительством СССР с пекинским правительством (31 мая 1924 г.) и Чжан Цзолинем (20 сентября 1924 г.). Увы, несмотря на ликвидацию «японской угрозы», обстановка на

КВЖД продолжала оставаться напряженной и в итоге вылилась в вооруженный конфликт между СССР и сыном-наследником Чжан Цзолиня – Чжан Сюэляном.

Яркую картину жизни дороги в конце 1920-х гг. изобразил советский журналист Яков Окунев:

«Над кроватью начальника станции висит ружье. Перед тем как свалиться на постель, он сунул под подушку револьвер. Сломанный усталостью и болезнью, он спит тревожно и чутко. Его лицо вздрагивает. Из-под полузакрытых ресниц блестят, как ртутные полоски, его зрачки. За окном обронули что-то. Начальник станции вскакивает и еще в полусне сует руку под подушку:

– Кто? Что? – и снова валится на кровать...

Часа через два он сидит передо мной и пьет чай. Его освеженные сном, заросшие щеки слегка порозовели.

– Отчего вы не соснули? – Теперь его голос свеж. – Вы не будете спать всю ночь. На нашем участке беспокойно.

– Почему?

– Хунхузы.

– Давно?

– Они никогда не переводятся. Прошлой зимой они остановили скорый поезд, ограбили пассажиров, нескольких убили, нескольких увели с собой, потребовав выкупа. В последнее время опять стало тревожно. В сопках бродит большая шайка...»

Маньчжурских «краснобородых» привечали не только Чжан Цзолинь и японцы. Белое движение также не прочь было использовать хунхузов. Совершая набеги на приграничные районы ДВР, а затем – СССР, «краснобородые» часто выполняли задания белогвардейцев: убивали военнослужащих Красной армии и деятелей местной администрации, поддерживали контакты с контрреволюционной агентурой, устраивали диверсии. Близкое общение с хунхузами не проходило даром: отдельные представители эмиграции сами начинали перенимать черты «краснобородых», вливаясь в китайские преступные сообщества или сколачивая собственные бандитские шайки. Иногда «русским хунхузам» удавались весьма громкие дела. Так, в 1925 г. в Харбине ими был похищен богатый купец Тонконогов. Выкуп за освобождение предпринимателя принес бывшим «благородиям» и их китайским сообщникам четверть миллиона иен! Преступная деятельность «белохунхузов» продолжалась даже после оккупации Маньчжурии японскими войсками. Много шума наделало похищение французского пианиста Каспэ в 1932 г. Он был схвачен 24 августа среди бела дня на главной улице Харбина и увезен в неизвестном направлении. За освобождение музыканта бандиты требовали 300 тысяч иен. Сумму собрать не смогли, и 24 ноября 1932 г. несчастный Каспэ был убит. Преступление было раскрыто исключительно благодаря настойчивости французского вице-консула, находившегося в

Харбине. В ходе расследования выяснилась пикантная подробность: один из главарей шайки, некто Н. Мартынов, «по совместительству» являлся... сотрудником харбинской полиции, что и позволяло гангстерам долгое время оставаться безнаказанными. Тем не менее подавляющее большинство нападений на иностранцев продолжало совершаться китайцами. Не успела получить свое завершение история с Каспэ, как в Харбине вновь произошло громкое происшествие. 10 сентября 1932 г. агент Гонконгско-Шанхайского банка англичанин Мельхиш играл в гольф со своим подчиненным Хэнселлом. Дойдя до пятой лунки местного игрового поля, Мельхиш был вынужден спуститься за мячом в ложбинку у полотна железной дороги. Здесь на него напали двое китайцев, попытавшихся утащить его под железнодорожный мост. На крик Мельхиша прибежал Хэнселл. Увидев его, китайцы отпустили свою жертву и нанесли ей несколько ударов дубинками. Затем один из них выхватил маузер и прострелил Хэнселлу левую руку.

Напуганное иностранное сообщество Харбина было вынуждено позаботиться о своей безопасности. В этом ему сильно помогли русские эмигранты. Журналист Г. Вудхэд, побывавший в столице КВЖД осенью 1932 г., писал: «Не будет преувеличением утверждать, что, попав в Харбин, я оказался в сердце царства ужаса. Многие иностранцы здесь отказываются от любых приглашений, подразумевающих передвижение по городу после захода солнца. Когда я поехал в гольф-клуб, в двухстах ярдах от ворот заведения мою машину встретили два вооруженных верховых казака. Четверо русских охранников, вооруженных ружьями и пистолетами, неусыпно охраняют территорию поля. Они расставлены в разных точках, а один из них всегда сопровождает посетителя, если тот направляется в место, недоступное наблюдению... В Харбинском клубе посетителей проверяет на входе детектив из русских эмигрантов. В зале для боулинга, где собирается по вечерам все местное общество, на барной стойке лежат пистолеты посетителей, всегда готовых пустить их в ход. Банки, торговые фирмы и многие частные лица нанимают русских охранников. Вооруженный эскорт желателен при любых перемещениях по городу – как днем, так и ночью. Многие иностранцы нанимают бывших русских военных в качестве вооруженных водителей. К чести последних нужно сказать, что никто здесь не может припомнить случая, когда такой телохранитель не оправдал бы доверия хозяина. Таковы условия жизни в сегодняшнем Харбине – по уверениям официальных лиц Маньчжоу-Го, гораздо более „мирном“, чем когда-либо прежде!»

В начале 1920-х гг. в северных областях Маньчжурии изредка можно было встретить немногочисленных «красных хунхузов» – идейных бойцов за «освобождение рабочего класса». Большинство из них являлись агентами Коминтерна, прошедшими специальную идеологическую подготовку в Советской России. Другие представляли собой осколки партизанского движения Гражданской войны, продолжавшей бушевать на российском Дальнем Востоке. Китайские партизаны заходили в Маньчжурию еще во время боев с семеновцами. Наибольшую известность приобрели действия партизанской бригады Син Диу в провинции Цзилинь в июле 1921 г. Син Диу, командовавший до этого китайским «красным отрядом» на юге Приморья, по заданию Дальбюро ЦК РКП(б) сумел объединить множество разрозненных мятежных групп в «1-ю китайскую революционную дивизию». Вступление бедняков в ряды этого воинства поощрялось материально: каждому новобранцу командование выдавало от 50 до 100 «китайских долларов». Численность формирования колебалась от 3300 до 1700 человек. Оружие и боеприпасы

Син Диу получал с территории ДВР, а деньги и продовольствие взимал с населения окрестных деревень и городов. В этом отношении «революционная дивизия» ничем не отличалась от хунхузских шаек... Отправляясь в Маньчжурию, Син заявил советским друзьям, что вступает в борьбу с предателями китайского народа – бандами Чжан Цзолия. Вероятно, под предательством Син Диу имел в виду сотрудничество Чжана с японцами... В цзилиньских лесах «красным хунхузам» удалось продержаться несколько месяцев. Поздней осенью Син Диу был со всех сторон обложен чжан-цзолиневскими войсками, однако сумел уйти на территорию ДВР. По некоторым сведениям, спасение партизан не обошлось без участия Народно-революционной армии... Оказавшись на русской территории, Син Диу продолжал воевать на стороне советской власти, став к концу Гражданской командиром партизанского соединения, насчитывавшего 43 отряда.

«Золотой век» маньчжурских хунхузов завершился с уходом из жизни их «крестного отца» Чжан Цзолия. Набравший силу и стремившийся к полной независимости генералиссимус к концу 1920-х гг. стал помехой на пути японцев, считавших Маньчжурию своей законной добычей. 4 июня 1928 г. штабной вагон диктатора был взорван под виадуктом Южно-Маньчжурской железной дороги на подъезде к Мукдену. Спустя три года вторжение японской армии поставило крест на вольготной жизни «краснобородых». Оккупанты сразу же озаботились решением бандитской проблемы. Начали со сбора сведений о численности и составе злодейских шаек. Сделанные выводы изумили даже опытных военных. Получалось, что общая численность бандитов в трех провинциях Маньчжурии достигала 212 тысяч человек, в том числе 100 тысяч – в Фэнтяни, 71 тысяча – в Гирине и 38 тысяч – в Хэйлунцзяне. Несмотря на то что главную трудность оккупанты видели в ликвидации именно хунхузов «старой школы», последние составляли лишь часть бандитского мира Маньчжурии (около 62 тысяч человек). Помимо хунхузов, японцы относили к «бандитам» следующие категории вооруженных удальцов:

1. Антияпонские группировки, объединявшие в своих рядах так называемых «добровольцев», а также остатки войск чжанцзолиневских войск (69 тысяч человек). Главным вдохновителем и спонсором этого движения японцы небезосновательно считали «молодого маршала» Чжан Сюэляна – старшего сына и наследника Чжан Цзолия, выдавленного из Маньчжурии и окопавшегося в Пекине [24 - Будучи патриотом и врагом японцев, «молодой маршал» тем не менее занимал в отношении маньчжурских «добровольцев» непростую позицию. Он считал чрезмерное разрастание такого движения опасным, так как повстанцы могли выйти из-под контроля и, чего доброго, увлечься коммунистической пропагандой.].

2. Религиозные фанатические организации (16 тысяч человек), распространенные преимущественно в восточной части провинции Фэнтянь, между Мукденом и корейской границей. Эти организации, сохранившиеся в Маньчжурии едва ли не со времен Боксерского восстания, состояли в основном из хэбэйских и шаньдунских китайцев.

3. Так называемые «деревенские бандиты», решавшиеся на разбой в силу экономических и политических причин (65 тысяч человек)...

Для «братьев» наступали тяжелые времена. Кто-то из хунхузов покинул Маньчжурию, кто-то затаился в ожидании лучших времен, однако были и такие, кто с оружием в руках выступил против захватчиков. Среди этих патриотов наибольшую известность получил Ван Дэлинь.

Ровесник Чжан Цзолиня, Ван стал хунхузом в дни Боксерского восстания 1900 г. Семнадцать лет его шайка орудовала на восточной линии КВЖД, нападая на поезда и время от времени пиратствуя на реках Сунгари и Уссури. На военную службу Ван поступил сравнительно поздно – в 1917 г. Откликнувшись на приглашение Чжан Цзолиня, атаман записался в войска Гиринской провинции. Его шайка получила наименование 3-го батальона 1-й бригады провинциальной армии. В момент японского вторжения в 1931 г. батальон Вана стоял в городке Яньцзи (ныне – столица Яньбяньского корейского автономного округа провинции Цзилинь). Ван немедленно приказал своим людям открыть огонь по японским путейцам, тянувшим железнодорожную ветку из соседней Кореи, а затем объявил о своем неподчинении властям марионеточного государства Маньчжоу-Го. В феврале 1932 г. Ван провозгласил создание «Армии гражданского спасения» (Гоминь цзюгоцзюнь), которая к июлю того же года насчитывала в своих рядах около 10 тысяч человек. Уже 20 февраля сторонники Ван Дэлиня взяли город Дуньхуа, а затем перебазировались в провинцию Хэйлунцзян. В марте 1932 г. в районе озера Цзинбо отряд нанес несколько поражений посланным против него японским частям. Поскольку основные силы японцев были в то время скованы действиями против остатков чжан-цзолиневской армии, Ван Дэлиню на первых порах сопутствовал успех. Под его полным контролем оказалась станция Пограничная, Суйфэньхэская таможня и целый участок восточной линии КВЖД.

Бывший «солдато-бандит» поддерживал сотрудничество с Компартией Китая, начальником штаба его армии был коммунист Ли Яньлу. В ноябре 1932 г. положение «Армии гражданского спасения» осложнилось. Японские и маньчжурские войска перешли в решительное наступление в рамках специальной «Антибандитской операции». 13 января 1933 г., исчерпав все возможности для сопротивления, Ван Дэлинь с остатками своей разгромленной армии перешел границу СССР. «Борец с японским милитаризмом» был благосклонно принят советскими властями и получил возможность выехать в Европу, чтобы в итоге вернуться в Китай и продолжить участие в антияпонском движении. Впрочем, эта глава в жизни хунхуза-патриота оказалась короткой: 20 декабря 1938 г. он умер в провинции Шаньдун.

Остатки разбойничьей «армии», разбитой новыми хозяевами Маньчжурии, переместились в города. Последняя заметная вспышка кровавой активности хунхузов наблюдалась во второй половине 1940-х гг., когда капитулировавшие японцы утратили контроль над ситуацией, а правительство генералиссимуса Чан Кайши, едва успев вернуть Маньчжурию на орбиту Гоминьдана, тут же вступило в схватку за власть с окрепшими за годы войны китайскими коммунистами.

НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...

1922 г. стал последним годом иностранной интервенции и Белого движения на территории России. Уже в феврале Народно-революционная армия ДВР одержала убедительную победу над силами белых в знаменитом Волочаевском сражении. Отныне единственным препятствием на пути продвижения пробольшевистских сил в Приморье были укрепленные позиции в районе Спасска, оборонявшиеся японскими частями. Впрочем, этот противник уже готов был сдать рубежи обороны, о чем японские представители недвусмысленно объявили на международных конференциях 1921 г. Уссурийский край, единственный контролируемый интервентами регион России, был наводнен красными партизанскими отрядами и все больше напоминал перегретый паровой котел. Временное приамурское правительство талантливого С.Д. Меркулова, несмотря на энергичные усилия, не смогло удержаться у власти и в августе 1922 г. уступило бразды правления генералу М.К. Дитерихсу, избранному главой Приамурского земского края. Смена названия ничего не дала – «каинова печать» сотрудничества с иностранными захватчиками, дискредитировавшая белых, лезла в глаза из-под любой правительственной вывески. В конце августа японские войска начали покидать места дислокации в Приморье и стягиваться к Владивостоку. В последней отчаянной попытке удержать край «земская рать» генерала Дитерихса встретила наступающие части НРА ДВР на Спасских позициях, однако 9 октября 1922 г. воспетые в известной советской песне «Штурмовые ночи Спасска» завершились последней крупной военной победой красных. Путь на Владивосток был открыт.

25 октября 1922 г. в столице Приморья царил оживление. Арьергард японских экспедиционных сил с лихорадочной поспешностью эвакуировался на корабли императорского флота и на ближайший остров Русский. От них не отставали остатки «земской рати», спешившие занять места на кораблях Сибирской флотилии. Поглощенные эвакуацией, военные не обращали внимания на горожан, постепенно заполнявших улицы города. Мирное население не скрывало радости, превратившейся в ликование, когда на въезде во Владивосток показались передовые части НРА. Фактически город занимала большевистская Красная армия, однако о будущем в тот момент никто не думал – слишком велика была всеобщая радость по поводу завершения четырехлетней японской оккупации, ухода опостылевших интервентов и их пособников [25 - В северной части острова Сахалин присутствие японских войск сохранялось до 1925 г.].

Дальний Восток быстро входил в колею новой жизни. На северо-восточных окраинах бывшей империи, на Камчатке и Чукотке, еще не угасли последние искры отгоревшей Гражданской войны, когда Москва, добившаяся изгнания с территории страны последних крупных формирований своих противников, с циничной прямолинейностью поспешила ликвидировать ставший ненужным «буфер». 14 ноября 1922 г. руководимое большевиками Народное собрание ДВР обратилось к ВЦИК РСФСР с просьбой о принятии республики в состав Советской России. Свое решение «парламентарии» мотивировали, разумеется, «желанием трудящихся». Просьба была удовлетворена уже на следующий (!) день, и Дальневосточная республика завершила свое короткое существование. Территория вчерашнего «суверенного государства» превратилась в Дальневосточную область, включавшую Прибайкальскую, Приморскую и Камчатскую губернии, а также Бурятию. Высшим органом областной власти стал Дальневосточный революционный комитет, чья резиденция находилась в Хабаровске. Интересно, что

законодательное оформление в Постановлении ВЦИК и СНК существование этого органа получило только восемь месяцев спустя, 25 июля 1923 г. Это было связано с образованием СССР и формированием новых, союзных органов власти. Власть в губерниях Дальневосточной области осуществляли губернские военно-революционные комитеты.

Изменения произошли и в структуре вооруженных сил бывшей республики. Народно-революционная армия слилась с частями Красной армии и была переименована в 5-ю Краснознаменную армию.

Красное знамя отнюдь не было волшебной палочкой, по мановению которой в небытие можно было отправить все бедственные явления, сопровождавшие Гражданскую войну. К таким бедствиям в первую очередь относились хунхузы, чьи шайки продолжали угрожать теперь уже советской территории. Борьба с «краснобородыми» как с явлением, тесно связанным с переходом государственной границы, была возложена на части погранохраны ОГПУ РСФСР – СССР. Кстати, вопрос об охране госграницы в освобожденном Приморье был поставлен уже на первом заседании Приморского военно-революционного комитета, состоявшемся 27 октября 1922 г., то есть на третий день после вступления красных войск во Владивосток. Комитет постановил создать для этого отдел ГПО – Государственной политической охраны ДВР.

К моменту завершения Гражданской войны на Дальнем Востоке вооруженные силы «буферной» республики уже накопили определенный опыт охраны государственных рубежей. Будучи формально суверенным государством, ДВР граничила с РСФСР, Монголией и Китаем. Договор о границе с Советской Россией был подписан в декабре 1920 г. Особых проблем обстановка на этом рубеже, как можно понять, не создавала. Иным образом обстояли дела на границе с Монголией и Китаем. Здесь пограничной линией служила старая граница Российской империи, которая действительно нуждалась в реальной охране. 17 ноября 1920 г. приказом главкома НРА ДВР было сформировано Управление начальника погранрайонов, обязанности которого в первое время исполнял С.Л. Марголин. Из разношерстных партизанских, сводно-армейских и заградительных отрядов начальнику предстояло сформировать новый полноценный род войск, организовать прикрытие границы, ликвидацию вооруженных банд в пограничной полосе, а кроме того – совместно с Управлением таможни и Министерством продовольствия и торговли принять меры к пресечению контрабанды.

Число пограничных районов ДВР росло по мере продвижения красных войск в восточном направлении. Первый, Троицкосавский, район был образован еще 16 июля 1920 г. в составе 1-го отдельного пограничного пехотного батальона и 1-го отдельного пограничного кавалерийского дивизиона. Командование пограничными силами республики осуществлял штаб, подчинявшийся на первых порах непосредственно главкому НРА. Менее чем через год, в марте 1921 г., число погранрайонов достигло пяти. Это были Троицкосавский, Благовещенский, Акшинский, Нерчинско-Заводской и Хабаровский районы. Самыми крупными по численности войск были Акшинский и Благовещенский районы (2275 и 1760 бойцов соответственно).

Пограничные силы ДВР испытывали колоссальные трудности. На первом месте в их скорбном списке стояли нехватка личного состава, вооружения и материальной части. Едва ли не более негативным образом сказывались на боеспособности пограничников недостаток квалифицированных кадров командного состава и формирование погранвойск по «остаточному принципу». Последнее означало, что в ряды пограничников попадали, как правило, самые отпетые представители разухабистой «партизанщины», дезертиры и бывшие уголовники. Слабость командования поначалу приводила к тому, что вчерашние партизаны сплошь и рядом выходили из подчинения, демонстрируя полное моральное разложение. Вместо того чтобы защищать население пограничной полосы от хунхузов, пограничники зачастую сами становились для него источником немалой опасности. Период «болезней роста» довелось пережить всем пограничным подразделениям ДВР, при этом уровень дисциплины и боевой подготовки был прямо пропорционален длительности существования части. Если силы первых пограничных районов республики приобрели вид регулярных войск уже к весне 1921 г., то командир 5-го кавалерийского дивизиона Благовещенского погранрайона, к примеру, и в конце мая того же года докладывал командованию о безудержном пьянстве и разгуле своих подчиненных в поселке Суражевка Амурской области.

Формирование пограничной охраны ДВР в целом завершилось в июне 1921 г., когда ее части официально стали именоваться пограничными войсками. 23 июня приказом главы военного министерства республики вступило в силу Положение о пограничных войсках ДВР. В качестве боевых задач пограничников документ определял борьбу с контрабандой, оборону границы и борьбу с бандитизмом. Интересно, что, в отличие от советских погранвойск, их дальневосточные коллеги не занимались борьбой со шпионажем и диверсионной деятельностью в пограничной полосе. Для этого еще в августе 1920 г. в ДВР была создана уже упоминавшаяся Государственная политическая охрана (ГПО) – орган государственной безопасности. Помимо всего прочего, в ведении ГПО находились пограничные контрольно-пропускные пункты (по одному на каждый погранрайон) и проверка лиц, заявивших в органы внутренних дел о своем желании получить заграничный паспорт. Разделение функций погранвойск и ГПО объяснялось тем, что в условиях продолжавшейся Гражданской войны пограничники рассматривались прежде всего как составная часть НРА, участвующая в боевых действиях.

Еще одной проблемой охраны южной границы ДВР к лету 1921 г. стала возросшая протяженность линии границы, затруднявшая общее командование районами, по-прежнему осуществлявшееся из Читы. Для преодоления этой трудности в июле 1921 г. была предпринята последняя реорганизация погранвойск республики. Имевшиеся к тому времени шесть пограничных районов были переданы в различное подчинение. Начальник управления пограничных районов, ставший начальником погранвойск республики, руководил тремя западными районами (Троицкосавским, Акшинским и Амурским). Благовещенский и Уссурийский пограничные районы подчинялись военному отделу Амурской стрелковой дивизии НРА. Последний, Маньчжурский, погранрайон находился в ведении военного отдела ГПО при военном совете НРА.

К осени 1921 г. пограничники ДВР охраняли границу в военном (борьба с вооруженными бандами), политическом (борьба со шпионажем) и экономическом (борьба

с контрабандой) отношении. Хотя общее руководство охраной границы было возложено на военный отдел ГПО, полного единоначалия до самых последних дней существования «буферного государства» достичь так и не удалось. Так, в боевом отношении погранвойска продолжали подчиняться военному совету НРА, а, борясь с контрабандой, должны были руководствоваться инструкциями Министерства продовольствия и торговли (с первой половины 1922 г. – Министерства финансов). И тем не менее главенствующий статус органов госбезопасности в структуре погранвойск ДВР как бы предвосхищал их грядущее слияние с органами ОГПУ Советской России.

Должность начальника пограничного района в Дальневосточной республике соответствовала уровню армейского комбрига. Начальник погранрайона отвечал за непосредственную организацию охраны границы на своей территории. Район делился на участки, кордоны и пограничный посты, комплектовавшиеся как пехотными, так и кавалерийскими подразделениями. Если границы зоны ответственности каждой структурной единицы были четко определены, то формы и методы охраны границы, напротив, были оставлены на усмотрение командиров.

После присоединения территории Дальневосточной республики к РСФСР состав и структура сил, охранявших тихоокеанские рубежи Советской России, не претерпевали принципиальных изменений вплоть до 1924 г. Особенностью охраны государственной границы на Дальнем Востоке было то, что здесь поначалу не был сформирован пограничный округ. Таких округов к концу октября 1922 г. в РСФСР насчитывалось семь. Для Дальнего Востока, напротив, было создано особое Управление пограничной охраны и войск ГПУ. Лишь в феврале 1924 г. на всей территории СССР была установлена единая организационная структура пограничной охраны: пограничная застава – пограничная комендатура – пограничный отряд – пограничный округ. В ходе преобразований в том же году был сформирован Дальневосточный пограничный округ.

Главным занятием защитников дальневосточных рубежей России на всем протяжении 20-х г. XX в. была борьба с бандитизмом, и в первую очередь – с хунхузничеством. От набегов китайских разбойников по-прежнему страдало Приморье. С 1922 по 1928 г. на Никольск-Уссурийском участке произошло 49 боевых столкновений пограничников с различными бандами, которые потеряли в ходе боев 371 человека убитыми, ранеными и взятыми в плен. На Владивостокском участке в те же годы в бой с бандитами пограничникам приходилось вступать 28 раз. Здесь потери бандитов составили 253 человека. Потери защитников границы на обоих участках были гораздо скромнее: 21 человек был убит и столько же – ранено.

Весьма горячим выдался 1923 г. Только на Гродековском участке границы за год было ликвидировано 6 шаек, насчитывающих в своих рядах без малого пятьсот бандитов. Счет мелких вооруженных групп и одиночек, задержанных пограничниками, перевалил за полторы тысячи человек. Гродековский участок был горячей точкой приморской границы: именно в зоне ответственности застав этого участка оказались традиционные пути перемещения хунхузских шаек на российскую территорию. Только за три года, с 1925 по 1928-й, гродековцам удалось ликвидировать 22 банды общей численностью около тысячи человек. На Владивостокском участке бандиты проявляли себя не так активно, но и тут не

обходилось без происшествий. В июле 1923 г. в районе озера Хасан конный пограничный разъезд подвергся внезапному нападению шайки из 65 хунхузов. После упорного боя уцелевшие под огнем пограничников «краснобородые» ушли на территорию Китая. Часто целью таких нападений было отвлечение внимания пограничников от контрабандистов, пересекавших границу на равнинных, хорошо просматриваемых участках.

Обычным делом в 1920-х гг. стало «сотрудничество» между хунхузами и активной частью русской эмиграции, поставившей себе целью вооруженную борьбу против коммунистического режима в приграничных районах Дальнего Востока. Найдя убежище в Маньчжурии, вдохновители этой борьбы не только создавали собственные отряды для действий на советской территории, но и привлекали к набегам «краснобородых». Лишившиеся «японских» заработков, хунхузы охотно шли на такое «сотрудничество». В начале 1924 г. белогвардейцы попытались нанести одновременный удар сразу на двух направлениях – на Амуре и в Южном Приморье. В направлении Владивостока действовали сразу 6 банд белобандитов и хунхузов. Пограничникам пришлось приложить немало усилий для срыва наступления и разгрома шаек. Зато результат превзошел все ожидания: вплоть до октября ни белые, ни хунхузы крупных акций на советской территории больше не предпринимали.

В 1925 г. пограничники ликвидировали три группы хунхузов на Никольск-Уссурийском участке. Из 15 банд, проникших на территорию советского Дальнего Востока из Китая в 1925 г., 10 были хунхузскими. Численность шаек составляла от 40 до 150 человек в каждой. В 1925–1926 гг. активность хунхузов была отмечена и во внутренних районах края. В 1925 г. на территории Приморья действовало 14 банд, численность которых порой достигала шести десятков человек. Спустя год 8 из них покинули край, а из оставшихся 6 шаек 3 были полностью ликвидированы органами ГПУ к концу 1926 г. Наиболее крупная банда в составе полусотни «краснобородых» базировалась в Шкотовском районе вблизи Владивостока.

От нападений «краснобородых» страдало не только Приморье. Жители поселений, расположенных на русском берегу Амура, также не могли спать спокойно. В конце 1922 г. очередному разграблению подверглось многострадальное село Благословенное. В следующем году от набега «краснобородых» пострадало село Головино, а в 1924 г. не менее жестокое нападение пришлось выдержать селу Нагибову. Однако все эти происшествия не идут ни в какое сравнение с ужасами, которые выпало пережить селу Доброму 18 января 1925 г. Около 3 часов ночи отряд численностью до 150 разбойников, вооруженных винтовками русского и японского производства, револьверами и саблями, перешел по льду Амура на русский берег и двинулся в направлении села. Помимо китайцев, в рядах шайки было несколько русских. Неподалеку от Доброго бандиты наткнулись на трех служащих, совершавших рабочий объезд района. Это были секретарь Екатерино-Никольского волостного исполкома Х.И. Потеряйло, делопроизводитель волостной милиции Б.Ю. Самсонов и уполномоченный Амурской губернской страховой кассы П.Г. Стемпковский. Бандиты обыскали служащих, а затем, раздев и избив их, погнали в направлении села. Уже в самом селении, воспользовавшись шумом и суматохой, поднявшимися при появлении хунхузов, трое пленников сумели бежать и укрыться в одном из сараев.

Рассеявшись по селу, хунхузы начали грабеж. Среди разбойников выделялись четверо китайцев, которые поместились в одной из крестьянских изб и руководили налетом. Остальные врываются в дома, насиловали женщин, а мужчин выгоняли во двор и заставляли готовить подводы и запрягать лошадей. Всех, кто пытался противиться, убивали. Два дома, жители которых оказали наиболее активное сопротивление, были сожжены со всеми надворными постройками.

Нападение продолжалось около четырех с половиной часов и сопровождалось непрерывной стрельбой и взрывами гранат, которые хунхузы бросали для усиления паники. В конце концов банда отправилась на китайскую территорию, угоняя скот и увозя на крестьянских подводах награбленное имущество: продукты, одежду, конскую сбрую и даже предметы домашнего обихода. В результате набега в Добром не осталось ни одной лошади. Кони, кстати, были весьма желанной добычей для хунхузов 1920-х гг., особенно в Амурской области и Забайкалье, где их можно было легко перегнать в Китай. Скупка краденых лошадей в приграничных районах Маньчжурии была в 1920-х гг. весьма распространенным и прибыльным бизнесом.

Оказавшись на маньчжурском берегу Амура, банда в течение двух суток открыто отдыхала... на китайском пограничном посту «Восемь балаганов». Протесты местных советских властей и жалобы пострадавших крестьян китайские пограничники оставили без внимания. Амурский губернский исполнительный комитет направил несколько писем консулу СССР в Сахалине (Хэйхэ) с требованием заявить протест местному даоиню (областному начальнику). Исполком настаивал на аресте и предании суду участников нападения, а также администрации поста «Восемь балаганов». При этом русских участников набега предлагалось передать для наказания в руки советских властей. В последнем письме губернского начальства, в частности, говорилось: «Озлобление населения указанного района, вконец разоренного ежегодными налетами, в течение последних четырех лет, банд с китайской стороны, против китайцев достигло крайних пределов; нет уверенности в том, что наша погранохрана сможет остановить порыв раздраженного до крайности населения из мести сделать нападение на китайскую сторону».

Никаких мер со стороны китайской администрации не последовало. Подобная лояльность маньчжурских властей того времени по отношению к хунхузам была самым обычным делом. Более того, даже военнослужащие регулярной армии знакомого нам Чжан Цзолия, действуя не хуже «краснобородых», регулярно наведывались на советскую территорию отнюдь не с дружественными намерениями. 2 июня 1923 г. в районе Нерчинского завода несколько китайских солдат проникли на советскую территорию, где ограбили и избили случайно встреченных крестьян села Луговского. В 1923–1924 гг. на разных участках дальневосточной границы отмечались случаи нападения китайских солдат на советских пограничников и даже попытки самовольного переноса пограничных знаков в глубь советской территории. Подобные выходки выглядели, мягко говоря, странно, особенно если учесть, что диалог между правительствами Советской России и Китая начался еще осенью 1920 г., а окончательное установление официальных отношений произошло в 1924 г. На самом деле никакого противоречия тут нет. Советское правительство поддерживало договорные и дипломатические отношения с пекинским

правительством, которому маньчжурская администрация Чжан Цзолиня не подчинялась. Правителя Северо-Восточного Китая подобная ситуация нисколько не устраивала. Особое раздражение генералиссимуса и бывшего хунхуза вызвало установление в 1924 г. совместного советско-китайского управления на КВЖД. Недовольство Чжана Советами проявлялось не только в мелких происшествиях на границе, но и в гораздо более серьезных инцидентах. Так, в январе 1926 г., в нарушение договора о совместном использовании КВЖД, маньчжурские власти стали осуществлять бесплатную перевозку войск по линии. Одновременно в полосе отчуждения магистрали началась перепись оружия, находившегося на руках у населения, а чжан-цзолиневские войска в приграничных районах были приведены в боевую готовность. Это было, пожалуй, первое крупное предзнаменование конфликта, разгоревшегося из-за КВЖД в 1929 г.

Борьба с хунхузничеством на территории Дальневосточной области (с 4 января 1926 г. – Дальневосточный край) проходила под самым пристальным вниманием партийных и советских органов. Несмотря на это, главной проблемой борцов с китайским бандитизмом по-прежнему оставались «жесткий бюджет» и нехватка людских ресурсов. Для преодоления этого препятствия был сделан упор на качественный подбор и подготовку личного состава погранвойск – основной силы, противостоявшей хунхузам. В официальном отчете Дальневосточного краевого исполкома за 1925–1926 гг. по этому поводу говорилось: «Молодняк, прибывающий на пополнение погранохраны, не сразу направляется на границу, а получает в тылу в течение продолжительного времени соответствующую строевую и политическую подготовку, в течение которой из молодняка вырабатывается стойкий, политически развитый и знающий военное дело боец. Приобретенные за время учебы знания дают ему возможность разбираться и действовать в сложной обстановке на самой границе».

В тактическом плане, для придания пограничным войскам наибольшей мобильности в условиях пересеченной местности, был сделан упор на использовании в охране границы кавалерийских подразделений и увеличении возможностей технических средств связи – телеграфа и телефона.

Немалую помощь в борьбе с хунхузами 1920-х гг. оказывало пограничникам местное население. Это было особенно характерно для Приморья, где внушительный процент мирных жителей в годы Гражданской войны прошел школу партизанского движения, был психологически подготовлен для противостояния вооруженным преступникам и имел для этого необходимые боевые навыки. Кроме того, лишения времен Гражданской сильно сплотили уцелевших приморцев. Именно гражданская активность и спайка в борьбе с «краснобородыми» выгодно отличает советскую эпоху от дореволюционного периода в истории Уссурийского края, когда, по выражению В.К. Арсеньева, у приморских крестьян не наблюдалось солидарности, не было ни общего плана, ни согласия, ни взаимной поддержки.

С каждым годом зловерное присутствие хунхузов на нашей земле ощущалось все меньше и меньше. В 1927 г. дальневосточную границу маньчжурские «краснобородые» нарушали 57 раз. В следующем, 1928 г. число их «визитов» сократилось до 35. В 1929–

1930 гг. это количество стало столь незначительным, что говорить о хунхузничестве как о явлении в жизни советского Дальнего Востока уже не приходилось.

Одним из последних серьезных инцидентов, связанных с действиями советских пограничников-дальневосточников против «краснобородых», стала перестрелка 30 июля 1929 г. [26 - В некоторых источниках указывается дата 30 августа.], стоившая жизни начальнику заставы Княжеская иманской комендатуры 57-го Хабаровского пограничного отряда Л.А. Григорьеву. Лаврентий (Лавр) Абрамович Григорьев пришел на эту заставу помощником начальника в 1927 г., а в марте 1929 г. возглавил ее личный состав. Биография уроженца Оренбургской губернии была довольно обычна для участника Гражданской войны. Родился 9 августа 1899 г., с детства помогал отцу в крестьянском труде, с 15 до 17 лет батрачил... В декабре 1917 г. Григорьев оказался в рядах Красной гвардии Оренбурга, в начале следующего года был зачислен в кавалерию и закончил участие в Гражданской войне лишь в 1921 г. в составе 1-й армии Туркестанского фронта. В 1921–1923 гг. Григорьев учился на различных кавалерийских курсах, получив в сентябре 1923 г. звание красного командира. Около двух лет Лаврентий Григорьев командовал взводами в одном из кавалерийских полков 2-й Черниговской дивизии 1-го Конного корпуса, а в августе 1925 г. вновь отправился на учебу в Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу в Ленинграде. В сентябре 1927 г. выпускник Григорьев, как подготовленный офицер, обладающий богатым боевым опытом, был направлен в войска Дальневосточного пограничного округа.

30 июля 1929 г. в районе села Княжеского на территорию СССР проникла вооруженная банда в составе 8 хунхузов. Разбойники совершили налет на хозяйство одиноко живущего корейца. Хунхузы связали хозяина, ограбили фанзу и, забрав 8 лошадей, удалились. Сумев освободиться, кореец прибежал на заставу. Л.А. Григорьев, взяв с собой шестерых пограничников, отправился в погоню, однако хунхузы, почувствовав преследование, устроили засаду. Внезапным огнем бандитов были убиты начальник заставы и двое его подчиненных. Ответными выстрелами уцелевшие пограничники уничтожили двоих хунхузов, а затем вернулись на заставу с телами убитых товарищей. Дальнейшие события развивались весьма любопытным образом. Супруга убитого начальника заставы, проявив недюжинные выдержку и энергию, организовала и лично возглавила группу преследования из пограничников и местных жителей. Силами этого отряда хунхузы были ликвидированы. Л.А. Григорьев был торжественно похоронен в городском парке города Имана (с 1972 г. – Дальнереченск). Гибель пограничника совпала по времени с советско-китайским конфликтом на КВЖД, поэтому в сознании последующих поколений иманцев имя Григорьева стало ассоциироваться с этим событием, а реальные обстоятельства службы и гибели офицера оказались забыты. Лишь в марте 1969 г., во время известных столкновений в районе острова Даманский на реке Уссури, в одном из материалов газеты «Правда» была сделана попытка изменить ситуацию. Впрочем, корреспондентам Ю. Мокееву и Ю. Апенченко так и не удалось узнать ничего определенного о Григорьеве, поэтому упоминание о нем в материале «На границе – как на границе» пришлось ограничить несколькими строчками: «...в городском парке еще в двадцатых годах появился обелиск с красной звездой – памятник на могиле начальника заставы Григорьева. Рассказывают, что был он конармейцем, стал чекистом, погиб в бою с белокитайскими бандитами».

Вдова Л.А. Григорьева после смерти мужа перебралась в Хабаровск, где очень скоро осталась без средств к существованию по причине тяжелой болезни. Лишь в начале 1931 г., по ходатайству местных органов ГПУ, ей была назначена скромная пенсия – 100 рублей в месяц...

В 1929 г. успехи пограничников были подкреплены мощным психологическим воздействием победы Красной армии в боях за КВЖД. Боевые действия не только сорвали притязания местного режима на полный контроль над железнодорожной магистралью, но и обезопасили территорию российского Дальнего Востока от хунхузских набегов. Воля советского руководства и боевые возможности Красной армии, нанесшей болезненное поражение китайским войскам на их собственной территории, произвели огромное впечатление на местных жителей, в том числе и на «краснобородых». С началом 1930-х гг. шайки из Маньчжурии прекратили заходить на советскую территорию, ограничившись «домашним промыслом».

Начавшееся в 1931 г. японское вторжение нанесло «краснобородым» очередной удар. Новые хозяева Маньчжурии отплатили хунхузам, долгие годы исправно выполнявшим «грязную работу» в интересах Страны восходящего солнца, самой черной неблагодарностью. Непредсказуемая разбойничья вольница могла стать угрозой тылам императорской армии и интересам японского бизнеса. Поэтому «антибандитские» мероприятия были приняты как одно из основных занятий экспедиционных сил начиная с осени 1932 г.

На территории советского Дальнего Востока потенциальные условия для существования этнической азиатской преступности исчезли в 1937 г. в результате акций НКВД по массовой депортации граждан китайской и корейской национальности. Мрачная слава хунхузов, этих былых хозяев уссурийской тайги, окончательно отошла в область преданий...

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Будберг Алексей Павлович (1869–1945) – военный деятель, барон. Активный участник Белого движения в Сибири. Образование получил в Орловском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. В 1895 г. окончил Академию Генштаба, добровольно избрал местом службы Приамурский военный округ. Участник боевых действий 1900 г. в Маньчжурии. С 1902 г. служил во Владивостокской крепости. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. принял ряд эффективных мер по укреплению обороны Приморья, удостоен боевых наград. При подавлении беспорядков в крепости в 1905–1907 гг. сумел избежать большого кровопролития. В 1910 г. произведен в генерал-майоры и награжден орденом Святого Станислава I степени. Руководитель беспрецедентного крепостного строительства, развернувшегося во Владивостоке в преддверии Первой мировой войны. В 1913–1914 гг. генерал-квартирмейстер штаба Приамурского округа. С началом военных действий отбыл в действующую армию. В январе 1917 г. в чине генерал-лейтенанта назначен командиром 14-го армейского корпуса. В ноябре того же года отказался от командования и выехал на Дальний Восток с целью

организации сопротивления большевикам. Управляющий военным министерством в правительстве А.В. Колчака. В начале 1920-х гг. эмигрировал из Владивостока в США. Автор научных трудов и мемуаров «Дневник белогвардейца».

Бурачек Евгений Степанович (1836–1911) – русский моряк, пионер освоения Дальнего Востока. Сын известного кораблестроителя Степана Бурачека (1800–1876). Окончил Морской кадетский корпус, служил на Балтике. В 1860 г. отправился в кругосветное плавание в должности старшего офицера клипера «Разбойник». В июне 1861 г. списан на берег в Уссурийском крае по состоянию здоровья. Назначен командиром поста Владивосток, пробыл в должности около двух лет. Развернул активное строительство, много сделал для улучшения условий жизни подчиненных. В 1863 г. вернулся в Санкт-Петербург и до конца жизни служил на Балтийском флоте. Контр-адмирал, автор мемуаров «Воспоминания заамурского моряка». Был похоронен на петербургском Смоленском кладбище. В 1988 г. прах Е.С. Бурачека был переселен на Морское кладбище во Владивостоке.<

> Буссе Федор Федорович (1838–1896) – общественный деятель, ученый. Родился в Санкт-Петербурге в семье математика и педагога Ф.И. Буссе. По окончании Санкт-Петербургского университета в 1862 г. поступил на гражданскую службу в Восточной Сибири. В 1866 г. был переведен в распоряжение администрации Приморской области и впервые оказался в Уссурийском крае. В конце 1870-х гг. вернулся в Санкт-Петербург, где занимался разработкой вопросов колонизации и заселения Сибири и Дальнего Востока. Член Императорского русского географического общества (ИРГО), при содействии которого составил и в начале 1880-х гг. издал «Указатель литературы об Амурском крае», поныне не утративший научного значения. В 1883 г. был назначен заведующим переселением крестьян в Южно-Уссурийский край, в связи с чем выехал во Владивосток. Инициатор создания, первый председатель (1884–1888) и деятельный участник Общества изучения Амурского края. С 1892 г. в отставке. В последние годы жизни занимался обработкой накопленных научных и статистических материалов, итогом которой стало издание книги «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893 гг.». Похоронен в Санкт-Петербурге. Именем Ф.Ф. Буссе названы сопка и улица во Владивостоке.

Валевский Петр Иванович (?—1900) – подпоручик. По окончании военного училища был назначен во 2-й Закаспийский стрелковый батальон, откуда переведен в Охранную стражу КВЖД. После нападения китайцев на линию дороги собрал на станции Мукден около 80 стражников, отбил два штурма, поддержанных артиллерией, и выступил на соединение с отрядом полковника П.И. Мищенко в Ляоян. Не застав в Ляояне русских, Валевский решил пробиваться в Корею. 27 июня, в 50 верстах от Ляояна, отряд был окружен китайцами; в бою Валевский получил смертельное ранение в грудь. Передав деньги и вещи своему денщику, Валевский обратился к команде с наказом «не унывать, бить по-прежнему китайцев, подчиняться во всем унтер-офицеру Пилипенко и отнюдь не разрозняться, а идти всем вместе на восток по реке Тойзы». Вскоре офицер скончался и был похоронен тут же на позиции. В октябре 1900 г. сотенный командир Валевского, подъесаул Денисов, был послан на розыски останков убитого. После длительных поисков останки подпоручика были обнаружены и торжественно погребены в Порт-Артуре.

Венюков Михаил Иванович (1832–1901) – востоковед, путешественник, географ, этнограф. Окончил Академию Генштаба (1856), военную службу и научную деятельность начал в Сибири. Старший адъютант штаба войск Восточной Сибири (1857), старший адъютант штаба Отдельного Сибирского корпуса (1859). Штаб-офицер Севастопольского пехотного полка, в 1861 г. произведен в майоры. Батальонный командир в 1862–1863 гг., в 1864 г. назначен воинским начальником Ленчицкого уезда. В 1871 г. произведен в полковники с прикомандированием к Генштабу. Участник Кавказской войны и Польской кампании 1863 г. В 1876 г. уволен в отставку в чине генерал-майора, с 1877 г. проживал за границей. Совершил одно из первых путешествий по Уссурийскому краю (1858). В 1859–1863 гг. предпринял ряд экспедиций в Средней Азии и на Кавказе, а в 1869–1870 гг. посетил Китай и Японию. Собранные сведения составили труд выдающегося значения, вышедший под названием «Материалы для военного обзора современных русских границ в Азии» (1871–1873). В 1872–1874 гг. занимал пост ученого секретаря ИРГО. Неоднократно представлял Россию на международных географических форумах. Совершил путешествия по Турции, Болгарии, Кипру, Африке, Центральной и Южной Америке. Лауреат малой золотой медали ИРГО, почетный член европейских научных обществ. Умер и похоронен в Ницце.

Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925) – военный деятель. Начал службу в Углицком полку в 1868 г., три года спустя произведен в прапорщики. В апреле 1877 г. в составе 16-й пехотной дивизии отправился в действующую Дунайскую армию. Отличился в сражениях под Пелишатом и Палевицей, а также при штурме Плевны 30 августа 1877 г. В колонне генерала М.Д. Скобелева проделал зимний переход через Балканы и участвовал в сражении при деревне Шейново. Был награжден боевыми орденами, а также чином штабс-капитана. В августе 1877 г. был контужен осколком гранаты, но строй не покинул. По окончании кампании находился в составе войск оккупационного отряда для усмирения башибузуков в Родопских горах до июля 1879 г. В 1887 г. произведен в подполковники с назначением командиром батальона в родном 63-м Углицком полку. В конце 1890 г. переведен в 3-й Закаспийский стрелковый батальон. Одновременно командовал всеми батальонами 1-й Закаспийской стрелковой бригады. В 1894 г. произведен в полковники. Во время службы в Закаспийской области неоднократно выполнял поручения командующего войсками области генерала А.Н. Куропаткина. В 1897 г. был переведен в Отдельный корпус пограничной стражи, сформировал ее первые боевые части и был назначен их главным начальником. В июне 1900 г. произведен в генерал-майоры. За оборону Харбина награжден орденом Святого Георгия IV степени (1900). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжден золотым оружием. Член Военного совета, генерал от инфантерии (1910). В 1910–1916 гг. командовал армейскими корпусами. После революции отказался эмигрировать, умер в Ленинграде от сердечного приступа.

Гродеков Николай Иванович (1843–1913) – государственный и военный деятель. Получил образование в Константиновском военном училище и Академии Генштаба. Служил в лейб-гвардии Гренадерском полку, затем переведен на Кавказ. В 1871 г. получил звание подполковника и стал старшим адъютантом штаба Кавказского округа. В 1873 г. произведен в полковники. В 1876 г. был переведен в Туркестан, где прослужил до 1893 г. Участник Ахал-Текинской экспедиции 1880 г., во время которой состоял при

генерале М.Д. Скобелеве. Участвовал в знаменитом штурме Геок-Тепе в январе 1880 г., за который награжден производством в генерал-майоры и орденом Святого Георгия IV степени. Военный губернатор Сыр-Дарьинской области с 1883 по 1893 г. В 1890 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1893 г. назначен командующим войсками Приамурского военного округа. Во время событий 1900 г. руководил обороной Приморья и действиями русских войск на севере Маньчжурии, награжден золотым оружием с бриллиантами. С 1902 г. член Государственного совета, с 1905 г. – член Совета государственной обороны. В 1906–1908 гг. – туркестанский генерал-губернатор. Именем Н.И. Гродекова названа крупная железнодорожная станция в Приморье.

Дитерихс Иван Яковлевич (1845—?) – военный деятель. Учился во 2-м кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. Служил в Виленском окружном артиллерийском управлении, в 1881 г. переведен в Санкт-Петербург. В 1889 г. назначен командиром Петербургской крепостной артиллерии и начальником окружного артсклада. Одновременно в 1891–1892 гг. исполнял обязанности начальника артиллерии Петербургского военного округа. В августе 1890 г. произведен в генерал-майоры. В мае 1894 г. назначен помощником командира Отдельного корпуса пограничной стражи. В декабре 1899 г. произведен в генерал-лейтенанты. В мае 1901 г. назначен первым начальником Заамурского округа пограничной стражи, занимал эту должность до 1903 г. В 1903–1911 гг. член совета Министерства финансов.

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954) – дипломат, военный деятель. Сын видного государственного деятеля А.П. Игнатъева (1842–1906), племянник выдающегося дипломата Н.П. Игнатъева (см. ниже). Военную службу начал в лейб-гвардии Кавалергардском полку, окончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908–1912 гг. военный атташе в странах Скандинавии. В 1912–1917 гг. – военный атташе в Париже. Будучи распорядителем крупных денежных средств царского правительства в банках Франции, целиком передал их в распоряжение советского правительства. Это решение А.А. Игнатъева, объяснявшееся им с позиций патриотизма, встретило единодушное осуждение русского эмигрантского сообщества. В последующие годы работал в советском торгпредстве в Париже, затем вернулся на родину. Генерал-лейтенант Советской армии (1943). Преподавал в военных учебных заведениях, с октября 1942 г. – старший редактор военно-исторической литературы «Воениздата». В 1947 г. вышел в отставку. Автор широко известных мемуаров «Пятьдесят лет в строю».

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908) – дипломат и государственный деятель, граф. Образование получил в Пажеском корпусе и Академии Генштаба (1851). В 1855 г. был назначен военным атташе в Лондоне. В 1858 г. одержал крупную дипломатическую победу, заключив торговые договоры с Хивой и Бухарой. В 1859 г. послан в Пекин для переговоров о разграничении дальневосточных владений России и Китая. Искусно использовав обстановку, Н.П. Игнатъев в 1860 г. заключил Пекинский договор, закрепивший за Россией Уссурийский край и устье Амура. В том же году пожалован чином генерал-адъютанта. В 1864–1878 гг. – чрезвычайный посол России в Турции, член Государственного совета (1877). Следующим крупным дипломатическим достижением Н.П. Игнатъева стало заключение Сан-Стефанского договора с Турцией, завершившего войну 1877–1878 гг. и обеспечившего независимость балканских народов. В конце 1870-х

гг. занимал пост генерал-губернатора Нижнего Новгорода, способствовал благоустройству территории Нижегородской ярмарки. В марте – мае 1881 г. министр государственных имуществ, с мая 1881 по май 1882 г. – министр внутренних дел. Отправлен в отставку за вольный образ мыслей и панславистские убеждения.

Каульбарс Александр Васильевич (1844–1925) – государственный и военный деятель, барон. Автор военных и научных трудов. Образование получил в Николаевском кавалерийском училище и Академии Генштаба. Служил в Средней Азии. Выполнил ряд ответственных поручений, в 1873 г. предпринял исследование дельты реки Амударьи с целью изыскания судоходного пути в Аральское море. В том же году произведен в полковники. В 1875 г. вернулся в Европейскую Россию. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1880 г. занимал должность военного министра в княжестве Болгарском. По возвращении на родину до 1900 г. занимал командные посты в кавалерии. В 1884 г. произведен в генерал-майоры. В июле 1900 г. назначен командующим 2-м Сибирским армейским корпусом. Награжден золотым оружием и многочисленными боевыми орденами. Участник боевых действий в Китае в 1900 г., после этого назначен помощником командующего Одесским военным округом. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905–1914 гг. командующий Одесским военным округом, член Военного совета. В годы Первой мировой войны – в распоряжении командующего Северо-Западным фронтом. Последний царский губернатор Одессы. После революции эмигрировал, похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже.

Маак Ричард Карлович (1825–1886) – путешественник, исследователь Сибири и Дальнего Востока. Уроженец Эстонии. По окончании Санкт-Петербургского университета (1852) поступил на гражданскую службу в Восточной Сибири. Преподавал в Иркутской гимназии. В 1853 г. предпринял экспедицию по изучению бассейна реки Вилюй, в ходе которой прошел по тайге и бездорожью более 8 тысяч километров. В 1855 г. возглавил первую русскую научную экспедицию в бассейн Амура, проследив течение реки от слияния Шилки и Аргуни до Мариинска. В 1859 г. совершил путешествие по реке Уссури. Позже продолжил педагогическую деятельность в Иркутске. В 1868–1879 гг. занимал пост попечителя учебных заведений Восточной Сибири. Последние годы жизни провел в Санкт-Петербурге. Автор научных трудов и путевых очерков. Именем Р.К. Маака названы несколько видов животных и растений, открытых им на Дальнем Востоке.

Муравьев Николай Николаевич (1809–1881) – государственный деятель. Получил образование в Пажеском корпусе. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Польского похода 1831 г. Служил на Кавказе, в 1840–1844 гг. командовал одним из отделений Черноморской укрепленной линии. В 1846 г. был назначен губернатором в Тулу. Под впечатлением от удручающего состояния дел стал первым российским губернатором, поднявшим вопрос об освобождении крестьян. Заслужив репутацию либерала, был назначен генерал-губернатором отдаленной Восточной Сибири (1847). Поддержал действия Г.И. Невельского на Амуре, добился признания правительством новых территориальных приобретений. В 1858 г. заключил Айгунский договор с Китаем, за что был пожалован титулом «граф Амурский». Положил начало заселению и освоению российского Дальнего Востока. Удостоился прижизненного прозвища Петр Великий Восточной России. В 1861 г. отставлен от генерал-губернаторства с назначением членом

Государственного совета. В последующие годы жил за границей, умер в Париже. В 1891 г. в Хабаровске был воздвигнут памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому работы скульптора А.М. Опекушина (уничтожен в начале 1920-х гг., в 1992 г. восстановлен). В 1991 г. прах Н.Н. Муравьева-Амурского был перевезен из Парижа в Россию и торжественно перезахоронен во Владивостоке.

Невельской Геннадий Иванович (1813–1876) – мореплаватель, исследователь Дальнего Востока. Родился в семье офицера флота, в 1829 г. поступил в Морской кадетский корпус. В 1836 г. произведен в лейтенанты. В 1847 г. добился назначения командиром транспорта «Байкал», предназначенного для доставки казенных грузов из Кронштадта на Камчатку. В 1849 г. впервые прошел Татарским проливом и установил судоходный характер устья Амура, совершив таким образом одно из крупнейших географических открытий XIX в. При поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева был назначен начальником Амурской экспедиции (1850), основавшей первые русские посты в низовьях реки, в том числе – современный город Николаевск-на-Амуре. Пионер изучения острова Сахалин. За усердные труды был пожалован первым адмиральским чином (1854). Вице-адмирал (1864), полный адмирал (1874). Последние годы жизни провел в Санкт-Петербурге. В 1897 г. во Владивостоке был воздвигнут памятник Г.И. Невельскому работы скульптора Р.Р. Баха. Именем Г.И. Невельского названы город в Сахалинской области РФ, ряд других географических объектов Дальнего Востока, а также Морской государственный университет во Владивостоке.

Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – путешественник и географ, исследователь Азии. Автор классических научных трудов и блестящих путевых очерков. Родился на Смоленщине в семье участника Отечественной войны 1812 г. По окончании гимназии в 1855 г. поступил на военную службу. В 1863 г. окончил Академию Генштаба. За работу «Военно-географическое обозрение Приамурского края» удостоен избрания в члены ИРГО. В 1867 г. был причислен к Генеральному штабу и получил назначение в Сибирский военный округ. В 1867–1868 гг. совершил первое путешествие по Уссурийскому краю, принесшее ему заслуженную известность в научных кругах. В 1870–1873 гг. возглавил экспедицию в Монголию, Китай и Тибет. С 1876 по 1885 г. совершил три беспримерных путешествия в малоизученные районы Центральной Азии. Уточнил северные границы Тибетского нагорья, направление основных горных хребтов, местоположение озер, рек и других географических объектов. Открыл и описал несколько неизвестных видов крупных животных, названных в его честь. Экспедиции Н.М. Пржевальского имели важное военное значение в условиях соперничества Российской и Британской империй в Азии («Большая игра»), что дает основание считать путешественника выдающимся разведчиком. Под руководством Н.М. Пржевальского сформировались такие известные русские путешественники, как П.К. Козлов и В.И. Роборовский. Почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1878). Генерал-майор (1888). Умер от тифа в Караколе (ныне г. Пржевальск в Кыргызстане) во время подготовки к очередной экспедиции. В 1891 г. Русским географическим обществом учреждены серебряная медаль и премия имени Н.М. Пржевальского. В 1946 г.

была учреждена золотая медаль им. Н.М. Пржевальского, присуждавшаяся Географическим обществом СССР. Именем путешественника названы: город в

Кыргызстане, село в Смоленской области РФ, хребет в системе Куньлуня, ледник на Алтае, другие географические объекты. Памятники Н.М. Пржевальскому установлены на берегу озера Иссык-Куль, в Санкт-Петербурге и в селе Пржевальском на Смоленщине (бывшее имение путешественника, ныне музей).

Путятин Бвфимий Васильевич (1803–1883) – дипломат и государственный деятель, мореплаватель, граф. Окончил Морской кадетский корпус, в 1822 г. в чине мичмана назначен в кругосветный вояж на фрегате «Крейсер» под командованием мореплавателя и флотоводца М.П. Лазарева. Сослуживцем Е.В. Путятин был П.С. Нахимов – в то время также мичман. В 1826 г. по представлению М.П. Лазарева оба молодых офицера были назначены в команду линейного корабля «Азов», вскоре отличившегося в Наваринском сражении (1827). За храбрость в бою Е.В. Путятин был награжден орденом Святого Владимира IV степени. В 1828–1841 гг. служил на Черноморском флоте, участвовал в боевых действиях на Кавказе. В 1841 г. направлен для закупки судов в Англию, где впервые проявил свои дипломатические способности. По итогам командировки был отправлен с поручением в Персию. В 1843 г. выступил с инициативой морской дипломатической миссии в Китай и Японию. Генерал-адъютант (1849), вице-адмирал (1851). В 1853 г. возглавил экспедицию в Тихий океан, в ходе которой был подписан первый договор России с Японией (Симодский трактат 1855 г.) и выполнена опись берегов Северной Кореи и Приморья. В 1856 г. вернулся в Санкт-Петербург, в том же году был пожалован графским титулом и назначен военно-морским агентом в Лондоне. В 1857 г. вновь отправился в Азию и в следующем году заключил в Тяньцзине торговый договор с Китаем. В том же году произведен в полные адмиралы. В 1861–1862 гг. – министр народного просвещения. Почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1862). Член Государственного совета. В 1879–1883 гг. проживал за границей. Умер в Париже, похоронен в Киево-Печерской лавре.

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – военный деятель. Образование получил во 2-й Московской военной гимназии, 1-м военном Павловском училище и Академии Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на ее заключительном этапе. Был сотрудником генерала М.Д. Скобелева. В январе 1879 г. перешел на преподавательскую работу. В 1884 г. был произведен в полковники, а в 1886 г. назначен начальником Елисаветградского кавалерийского юнкерского училища. Служил в кавалерийских частях и в Кронштадтской крепости. В декабре 1897 г. произведен в генерал-майоры с переводом в Генштаб и с назначением начальником штаба армейского корпуса. В июне 1899 г. назначен начальником штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. С началом военных действий в Китае в 1900 г. возглавил Харбинский отряд, руководил действиями русских войск в Северной Маньчжурии. В 1901 г. награжден золотым оружием и произведен в генерал-лейтенанты. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., начальник штаба А.Н. Куропаткина. Генерал от кавалерии (1908). В годы Первой мировой войны занимал различные командные посты в действующей армии. После революции поселился в Крыму, где был расстрелян.

Унтербергер Павел Федорович (1842–1921) – государственный и военный деятель. Родился в семье Ф.С. Унтербергера (1810–1884), одного из основателей ветеринарного дела в России. Вырос в интеллектуальной университетской среде в Дерпте (Тарту). По

окончании Николаевского инженерного училища и Николаевской инженерной академии (1864) получил назначение в войска Восточной Сибири. В 1887 г. произведен в генерал-майоры. В 1888 г. назначен военным губернатором Приморской области, благодаря этой должности в 1889 г. стал также первым наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. Деятельный член ИРГО, председатель его Восточно-Сибирского отдела (1883). Строитель Владивостокской крепости. В 1896 г. произведен в генерал-лейтенанты, год спустя назначен нижегородским губернатором. Сенатор и член Государственного совета (1905), инженер-генерал (1906). После Русско-японской войны 1904–1905 гг. назначен приамурским генерал-губернатором и командующим войсками Приамурского военного округа. Способствовал развитию Восточного института, открытого во Владивостоке в 1899 г. Поддержал исследования В.К. Арсеньева. Кавалер всех высочайших орденов Российской империи. В 1910 г. переехал в Санкт-Петербург, после революции жил в Риге. Умер в 1921 г. в замке Ремплин (Германия), принадлежавшем мужу его дочери.

Получил китаеведческое образование в Санкт-Петербургском университете под руководством выдающегося ученого – академика В.П. Васильева. Совершил несколько поездок по Монголии, Китаю и российскому Дальнему Востоку. Автор многочисленных военных и научных трудов. Почетный гражданин Владивостока и Хабаровска.

Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) – государственный деятель, генерал. По окончании Николаевского инженерного училища принял участие в последних боевых действиях Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По окончании Николаевской инженерной академии (1885) служил в гвардейских саперных частях, однако в скором времени перевелся на строительство Закаспийской железной дороги. Быстро продвинулся по службе до управляющего. В 1895 г. стал начальником строительства Уссурийской железной дороги, а в 1902 г. получил предложение возглавить администрацию Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Вплоть до революции 1917 г. управлял жизнью полосы отчуждения КВЖД, заслужив глубокую признательность и любовь ее населения. 10 июля 1918 г. Д.Л. Хорват объявил себя временным правителем вплоть до восстановления верховной власти в России. В ноябре того же года передал власть Сибирскому правительству, оставшись верховным уполномоченным последнего на Дальнем Востоке с резиденцией во Владивостоке. В августе 1919 г. возвратился в Харбин и продолжал руководить КВЖД вплоть до обнародования первых заявлений советского правительства относительно дальнейшей судьбы магистрали. В 1920 г. уехал в Пекин, где жил до самой смерти, оставаясь признанным главой русского эмигрантского сообщества в Китае.

Чичагов Николай Михайлович (1852–1911) – военный деятель. Образование получил в Пажеском корпусе и Академии Генштаба. Служил в войсках, учреждениях Главного штаба, а также военным агентом за границей. Полковник (1884). В 1894 г. произведен в генерал-майоры, переведен в Одесский, а в 1895 г. – в Приамурский военный округ. В 1899 г. назначен военным губернатором Приморской области и наказным атаманом Уссурийского казачьего войска. Во время боевых действий в Китае в 1900 г. командовал Никольским отрядом русских войск. Награжден орденом Святого Станислава I степени (1899). В 1900 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1902–1911 гг. – командующий Заамурским округом Отдельного корпуса пограничной стражи. Прodelал огромную

работу по совершенствованию службы заамурцев, сыграл выдающуюся роль в обеспечении бесперебойной работы КВЖД в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Скоропостижно скончался в Москве, похоронен в Санкт-Петербурге. Родной брат известного русского церковного деятеля XX в. священ-номученика Серафима (Л.М. Чичагова).

Шкуркин Павел Васильевич (1868–1943) – ученый-востоковед, писатель, разведчик. Окончил 4-й Московский кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище (1888). Военную службу начал в войсках Восточной Сибири, поручик (1893). В октябре 1893 г. уволен в отставку. В том же году поступил на гражданскую службу в Южно-Уссурийском крае. В 1893–1899 гг. – полицейский чиновник, с 1899 г. – чиновник Приморского областного правления. Коллежский асессор (1899). В связи с событиями 1900 г. в Китае был назначен в действующую армию. Участник штурма императорской резиденции в Пекине, получил боевое ранение. В октябре 1901 г. вновь уволен в отставку в чине штабс-капитана. Помощник владивостокского полицмейстера (1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., награжден шестью боевыми орденами. В 1907 г. выполнил ответственное поручение командования в Гиринской провинции, за что был награжден орденом Святого Владимира IV степени. Уволен с военной службы в 1913 г. С 1917 г. проживал в Харбине, занимаясь научной и преподавательской деятельностью. В 1920 г. был произведен в полковники атаманом Г.М. Семеновым, однако участия в Гражданской войне не принимал. Эмигрировал в США, умер в Сизтле. Получил китаеведческое образование в Восточном институте во Владивостоке в 1900–1904 гг. Автор многочисленных научных трудов.

ЛИТЕРАТУРА

Периодические издания

Амур. 1907. № 43. Амурская правда. 1921–1924.

Владивосток. 1884. № 17, 29, 34, 36, 37, 38, 39, 42, 43; 1888. № 13, 15; 1891. № 1, 7, 11, 33; 1896. № 10, 14, 15, 17, 18, 21, 22, 32, 33, 34, 35, 36, 39, 41, 42, 43, 45, 49; 1897. № 1, 7, 8, 46, 47, 49, 50; 1899. № 29, 36, 37, 48, 49, 50; 1905. № 14, 15, 17, 18; 1906. № 6.

Голос. 1873. № 350, 1873 (со ссылкой на «Кронштадтский вестник»); 1874. № 339; 1875. № 107; 1877. № 290; 1880. № 82, 199.

Дальний Восток. 1906. № 150, 182, 190, 206; 1916. № 248, 252.

Неделя. 1880. № 43.

Огонек. 1925. 15 марта.

Правда. 1969. 16 марта; 1969. 18 марта.

Приамурские ведомости. 1896. № 113.

Разведчик. 1901. № 553, 580.

Русский инвалид. 1868. № 298.

Русский мир. 1878. № 288.

Санкт-Петербургские ведомости. 1879. № 301.

Специальные работы по хунхузничеству

Буссе Ф.Ф. Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. 1880. № 35.

Б-в Л. Деятельность хунхузов в Маньчжурии // Военный сборник. 1908. № 1. С. 36.

Рудокопов В.Н. Хунхузы // Исторический вестник. 1910. Июнь. С. 933–941.

Саран А.Ю. Хунхузы Маньчжурии в 1920-е гг. // 21-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 1990.

Соковнин М.А. Хунхузы Маньчжурии // Военный сборник. 1903. № 12.

Сухачева Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. // Россия и АТР. 1992. № 1.

Она же. Дореволюционная литература о хунхузах в России // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. 2001. Вып. 4.

Она же. Охранная стража КВЖД и хунхузы (1897–1920) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы 1-й международной научно-практической конференции. Владивосток. 1997. 24–26 сентября. Кн. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999.

Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на маньчжурской границе // Исторический вестник. 1900. Октябрь. Т. LXXXII.

Общие работы

Billingsley Phil. Bandits in republican China. Stanford, 1988. Kinney Henry W. Manchuria today. Dairen, 1930. Woodhead H.G.W. A visit to Manchukuo, Shanghai. Oct. – nov. 1932.

Алексеев А. И. Как начинался Владивосток. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1985.

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М.: Крафт, 2004.

Он же. Доклад Дальневосточному краевому комитету ВКП(б), 1928 г. // Желтая опасность. Владивосток: Ворон, 1996.

Аварии (Аболтин) В. Империализм в Маньчжурии. 2-е изд. М.; Л.: ОГИЗ, Гос. социально-экономическое издательство, 1934.

Аюшин Н.Б. и др. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006.

Богданов В.И., Бокань И.К. Всегда в боевом дозоре: Очерк истории войск Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа. Хабаровск, 1980.

Буяков А. На передовом рубеже России в Северо-Восточной Азии. Краткий очерк истории пограничного комиссарства в Южно-Уссурийском крае // Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 215–224.

Василенко И.А. Население полосы отчуждения КВЖД: опыт межнациональных контактов (1897–1917): Материалы конференции «Годы. Люди. Судьбы. История русской эмиграции в Китае». М., 1998. С. 14.

Веселовский, поручик. Охотничьи команды // Военный сборник. 1897. Т. ССXXXV.

Виленский-Сибиряков В.Д. Чжан-цзо-лин. Маньчжурская проблема. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

Владимирова Д.А. Проблемы этнокультурного взаимодействия и взаимовосприятия китайцев и русских на российском Дальнем Востоке и Северо-Востоке Китая (2-я пол. XIX – начало XX вв.):

Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владивосток, 2005.

Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

Границы Китая: история формирования / Под общ. ред. академика РАН В.С. Мясникова и д. и. н. Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

Григорцевич С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). М.: Гос-политиздат, 1957.

Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI. СПб., 1912.

Гребенщиков А.В. В Бутху и Мэргень по р. Нонни // Вестник Азии. Харбин, 1909. № 2.

ДВР: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.). Документы и материалы: В 2 ч. Ч. II. Ноябрь 1920 – ноябрь 1922 г. Владивосток, 1993.

Дальневосточный пограничный: Очерк истории войск Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа. Хабаровск, 1983.

Дацышен В.Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX века. Кызыл, 2001.

Он же. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. СПб., 1996.

Он же. Уссурийские купцы // Родина. 1995. № 7.

Домбровский А., Ворошилов В. Маньчжурия. СПб.: Тип. Тов-ва «Просвещение», 1904.

Исторические контакты России и Советского Союза с Китаем на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой половине XX в. Владивосток, 1986.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Владивосток, 1987.

Китайская Восточная железная дорога. Исторический очерк. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914.

Кокоулин В.Г. Создание Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2003. № 2.

Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997.

Кондратенко Р.В. Манзовская война. СПб.: Остров, 2004.

Ларин А.Г. Желтый вопрос // Родина. 1999. № 1.

Он же. Китайцы в России вчера и сегодня. М.: Муравей, 2003.

Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Эксмо, Изографус, 2003.

Майер А.А., Тагеев Б.Л. Полуденные экспедиции. Очерки. М.: Воениздат, 1998.

Матвеев Н.П. Китайцы на Карийских промыслах // Русское богатство. 1911. № 12.

Он же. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во Уссури, 1990.

Материалы о воинах-чекистах Веремееве М.Е., Бань Н.П., Болтоногове М.Е., Разумове СИ., Щетинкине П.Е., Калганове М.П., Струнове С. Н., Григорьеве Л.А., Щепанском К.А., Ка-тоне Я.Я. и Хваткове В.А., отличившихся в борьбе против врагов советской родины, 1918–1939 годы. Центральный пограничный музей ФСБ РФ. Ф. 3069. Д. 7.

Мелихов Г.Ф. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

Мельчин А.И. Разгром американо-японских интервентов на советском Дальнем Востоке в 1920–1922 годах. М.: Знание, 1953.

Меньшиков П.Н. и др. Северная Маньчжурия. Т. 1–2. Харбин: Тип. КВЖД, 1916.

Надаров И.П. Северно-Уссурийский край. СПб., 1887.

Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Изв. Вост. – Сиб. отдела Имп. рус. геогр. общества. Т. 14. № 1–2. Иркутск, 1883.

Отчет Дальне-Восточного краевого исполнительного комитета за 1925–1926 год / Под ред. М.П. Копытина и П.Е. Терлецкого. Хабаровск, 1927.

Панов В.А. Дальневосточное положение (очерк Приамурья). Владивосток, 1912.

Партизанское движение в Приморье (1918–1920 гг.) // Красное знамя. 1922. 7 ноября.

Паукер Е.О. Маньчжурия. СПб., 1904.

Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай. 1920–1922 гг. М., 1962.

Петров А.И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб., 2003.

Он же. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2000.

Он же. «Русский китаец» Николай Иванович Тифонтай (Цзи Фэнтай) // Россия и АТР. 2005. Вып. 2. С. 141–151.

Петров И.П., Катунцев В.И. На Тихоокеанских рубежах: Крат, ист. очерк. Владивосток, 1990.

Пограничные войска СССР 1918–1928: Сборник документов и материалов. М., 1973.

Постышев П.П. Гражданская война на Востоке Сибири (1917–1922 гг.). М.: Воениздат, 1957.

Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891.

Руднев Я.И. Маньчжурия. СПб., 1905.

Русские военные востоковеды: Биогр. справочник. М.: Восточная литература, 2005.

Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах российского внешнеполитического ведомства. М., 2006.

Сапожников Б.Г. Китай и империалистическая интервенция на советском Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Вопросы истории. 1976. № 4.

Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983.

Он же. О роли китайских милитаристов в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) // Новая и новейшая история. 1970. № 5.

Семенов Я.Л. Промысел морской капусты в Японском море. Владивосток, 1885.

Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М.: Наука, 1983.

Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах Российской империи. Иркутск, 2003.

Соловьев Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье. Владивосток, 1973.

Он же. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989.

Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток, 1990.

Сорокина Т.Н. Китайские кварталы русских городов (конец XIX – начало XX в.) // Диаспоры. 2001. № 2–3.

Она же. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск: Омский госуниверситет, 1999.

Стенографический отчет 3-го пленума Далькрайисполкома второго созыва. 1927. 10–13 октября. Хабаровск, 1927.

Тимченко-Рубан Г.И. Присоединение к русским владениям Приамурья, Сахалина и Уссурийского края // Военный сборник. 1909. № 9.

Тихменев М.И. Манзовская война // Военный сборник. 1908. № 3–6.

Фризендорф М. Северная Маньчжурия. Хабаровск, 1929.

Фролов М.И., Мелентьев В.Д. Транспортное обеспечение Маньчжурской армии во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 2.

Хисамутдинов А.А. Terra incognita, или Хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989.

Он же. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 2005.

Он же. Произведение под грифом «секретно» // Тихий океан. Владивосток. 7 августа 1993.

Хитин М.С. Пограничная охрана Дальневосточной республики // Россия и АТР. 2006. Вып. 4. С. 5–15.

Хроленок С.Ф. Китайские и корейские отходники на золотых приисках русского Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) // Восток. 1995. № 6.

Чугунов А.И. Борьба на границе, 1917–1928. М., 1980.

Шавкунов Э.В. О судоходстве Приморья в Средние века // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990.

Шеманский А.Д. Охотничьи команды. Текст доступен по адресу:
<http://www.vrazvedka.ra/main/history/shemansky-01.shtml>.

Шкуркин П.В. Ху-Лань-чэн. Очерки из исторического и экономического быта Центральной Маньчжурии // Известия Восточного института. Владивосток, 1902. Т. III. Вып. 4.

Мемуары и путевые очерки

James H.E.M. Long White Mountain or a journey in Manchuria with some account of the history, people, administration and religion of that country. London: Longmans, Green & Co., 1888.

Palmer Frederick. With Kuroki in Manchuria. New York: Charles Scribner's Sons, 1904.

Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Правда, 1983.

Байков И.А. В горах и лесах Маньчжурии. СПб., 1915.

Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка. Жизнь во Владивостоке. 1861 г. // Морской сборник. 1865. № 8—11.

Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925–1927. М., 1980.

Гарин Н.Г. (Михайловский). Из дневников кругосветного путешествия. М.: Географгиз, 1950.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991.

Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986.

Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // По дорогам Китая. 1937–1945 гг. (воспоминания). М.: Наука, 1989.

Краснов П.Н. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903.

Крестовский В. Посьет, Суйфун и Ольга // Русский вестник. 1883. № 1.

Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока (путевой дневник). Томск, 1901.

Окунев Я. По Китайско-Восточной железной дороге. М.: Работник просвещения, 1929.

Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. СПб., 1870.

Он же. От Кяхты на истоки Желтой реки... СПб., 1888.

Примаков В.М. Записки волонтера (Гражданская война в Китае). М., 1967.

Пу И. Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая. М.: Прогресс, 1968.

Старицкий К.С. Гидрографическая командировка в Восточный океан в 1865–1871 годах // Морской сборник. 1873. № 1.

Художественная проза

Бадигин К.С. Секрет государственной важности: повесть. М., 1974.

Гомбоев П. Хунхузы: рассказ // Байкал. 2006. № 4.

Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Т. 1–2. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1953.

Лавров А. Царица хунхузов. М.: Лира, 1993. Орлов Н. Набег (отрывок из романа «Эмигранты»). Текст доступен по адресу: http://nikava.narod.ru/orlov_n.htm.

Семенов Ю. Исход // При исключительных обстоятельствах. Владивосток: Дальневосточное книжное изд-во, 1983.

Фадеев А. Последний из удэге. Разгром: романы // Собр. соч.: В 3 т. М.: Художественная литература, 1982.

Фаликов И. Полоса отчуждения: роман. Текст доступен по адресу: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/4/fal.html>.

Шкуркин П.В. Рассказы из китайского быта. Хунхузы. Харбин, 1924.

Янковский В. Нэнунь. Владивосток: Рубеж, 2007.

Янковский Н. Тринадцать разбойников // Дальний Восток. 2007. № 2.